

МАССИМИЛИАНО
ВИРДЖИЛИО

Перед нами проза зрелого писателя,
открывающая ему путь на авансцену современной
итальянской литературы.

CORRIERE DELLA SERA

АМЕРИКАНЕЦ
CORPUS

t.me/marketologmanager

Массимилиано Вирджилио

Американец

Посвящается моим друзьям и их вечной молодости

Под покровом ночи он вышел к реке, волоча за собой тело. Над каменистой тропой, вившейся меж чахлах кустов, стоял запах крови – она сочилась, как чернила из опрокинутой склянки.

Идти становилось все труднее, пришлось взвалить труп на плечи, испачкав при этом лицо и руки. Из последних сил взобравшись на невысокий холм, он опустил мертвеца на землю, поддерживая ему голову, будто младенцу в колыбели.

Огляделся. Сердце бешено колотилось. Река казалась черной неподвижной линией.

Он взял лопату и принялся копать. Мозоли саднили. Чем глубже он погружался, тем более влажной и рыхлой становилась земля. Запахло свежестью.

Лео опустил труп в яму и закопал ее, так что не осталось и следа вторжения. Вытер руки. *Расскажи ему все, выживи и расскажи.* Губы его тронула улыбка. Синие глаза сверкнули в окутавшей долину непроницаемой тьме, словно через его тело прошел электрический разряд и на миг он стал проводником появившейся откуда-то издалека и исчезнувшей где-то вдалеке энергии. Лео был счастлив.

На этот раз он сотворил магию собственными руками: предал тело земле, чтобы сделать все тайное явным.

Биржевой зал

1984–1991

Детство – это несдержанное обещание.

Кен Хилл

Американец. В то время его еще так не называли, для всех он был просто сопляком, который целыми днями шатается по улицам, единственным восьмилетним воспитанником «Детской улыбки», кого никто не провожал. Остальных обычно приводили родители и бабушки или привозил дон Мими, в чьем микроавтобусе – рассаднике микробов, где воняло грязными носками, – я каждый день добирался из дома на занятия и обратно.

Иногда я видел краем глаза, как он идет по тротуару – голова опущена, за плечами рюкзак, – и завидовал: мне такая свобода даже не снилась. Грабители, наркоманы и насильники только и ждали, как бы совершить с нами что-то из того, о чем родители рассказывали в жутких подробностях, но Лео они почему-то не трогали.

В его присутствии все вели себя как-то странно. Воспитатели, например, делали вид, что не замечают его. При появлении Лео все замолкали. На перемене дети высыпали в сад – на заасфальтированную площадку, окруженную чахлыми раскидистыми деревцами, и разделялись на группы, словно заключенные во время прогулки. Если поблизости оказывался Лео, очередь на качели молча перестраивалась, пропуская его вперед.

И все прекрасно знали почему.

Устроившись в Банк Неаполя, мой отец получил назначение в Бари. Выбирать ему не приходилось: все, кто прошел отбор, должны были отработать не менее двух лет вдали от центрального офиса. Обычно новички неаполитанцы попадали в Рим или Бари на должность младшего помощника кассира – низшую ступень в карьере любого банковского служащего, а через двадцать четыре месяца, после подачи нужного *прошения*, начиналось утомительное хождение по мукам, в конце которого их ожидало возвращение домой. У моего отца этот путь занял десять лет.

И вот в конце августа 1984 года Эдуардо вошел в наш дом на виа Спарано и сказал, чтобы мы садились в «фиат-127», который он за пару лет до того купил в рассрочку. Залезая в машину, я, кажется, спросил в растерянности:

– Куда мы едем?

– Домой, – тихо ответила мама. – В Неаполь.

– Разве наш дом не здесь?

– Нет, – отрезал отец. – Это *чистилище*.

Вскоре мы уже ехали по автостраде на запад, и я как будто перенесся в вестерн с его унылыми желтыми прериями. На глаза наворачивались слезы. В шесть лет я оказался в абсурдном положении – эмигрировал в город, где я родился и где никогда не бывал.

Пока мы ехали, то есть почти три часа, отец только и делал, что крутил колесико радиоприемника и болтал без умолку о том, что он сможет купить, когда получит прибавку к зарплате. При переезде оклад автоматически увеличивался.

– Завтра внесу аванс за «альфасуд». Хочу кремовую. Эта колымага мне осточертела, каждый раз при обгоне я призываю на помощь Всевышнего! Что скажешь, Нана?

Моя мать рассеянно кивнула, глядя в окно на дорогу. Когда он приобретал что-то для себя, она рассчитывала на равноценный подарок. «Альфасуд» для отца означал бы полное мамино право на «Скаволини» – кухню ее мечты. Их брак основывался на вещах, и в словах не было особой нужды.

К вечеру мы добрались до Неаполя. Как я пойму гораздо позже, здесь на каждого Эдуардо, готового на всё ради возвращения в родной город, приходилась тысяча человек, которым не терпелось поскорее его покинуть. А в тот момент я понял только, что это место имеет мало

общего с обещанным родителями Эльдорадо. Неаполь больше походил на огромную сточную канаву, от которой разлило нефтью и расплавленной пластмассой, а по его темным улицам бродили подозрительные личности.

Чем дальше углублялись мы в центральные улицы, отходившие от вокзала, тем заметнее проступал румянец на лице Эдуардо. Мы спустились с холма Каподимонте, и, наконец, машина остановилась перед домом – я насчитал десять этажей, – похожим на дрейфующий круизный лайнер. Дверцы «фиата» распахнулись, и сияющие родители выбрались из него на улицу.

Неподалеку мальчишка – с виду старше меня на пару лет – гонял мяч. Поражало не только то, что он играет один в столь поздний час и что на нем огненно-красная футбольная форма и бутсы с шипами, но еще и точность, с какой его пасы попадали в центр застекленной входной двери. Модник, свирепый, как бойцовый пес. Тогда я и предположить не мог, какую роль он сыграет в моей жизни.

– Эй! – окрикнул его отец и резко добавил: – Ты же ее разобьешь! – чем вызвал недовольство моей матери, которой не хотелось разругаться с соседями, не успев даже въехать в новый дом.

Мальчишка подхватил руками мяч и с вызывающим видом обернулся. У него была смуглая кожа, черный ежик и синие, как море в Полиньяно, глаза.

– Может, устроишь погром где-нибудь в другом месте? – не отставал от него Эдуардо.

Недолго думая, пацан выхватил из-за отворота гетры выкидной нож, точным ударом проткнул мяч и презрительно швырнул его отцу. Несколько секунд он угрожающе смотрел на нас, не отводя взгляд – при мне никто раньше не осмеливался ставить под сомнение авторитет Эдуардо, – и затем начал потихоньку отступать ко входу в дом. Когда он взбежал по мраморной лестнице, шаги его прозвучали как сольная партия чечеточника. Мы так и стояли, не произнеся ни слова.

Он исчез так быстро, что в холодном неоновом освещении мне померещился синий световой след, оставленный его глазами.

Мне категорически запретили с ним не то что дружить – даже заговаривать. При встрече в коридоре «Детской улыбки» следовало опустить глаза. Если его мяч катился в мою сторону, я должен был удержаться от искушения ударить по нему. Сорванец бросил вызов моему отцу, да еще и разгуливал с ножом, что переводило его из разряда обычного хулиганья в преступники. Вдобавок, словно этого было мало, его семья оказалась одной из *тех самых*.

Его мать, Эстер, была американкой. Она родилась в Коннектикуте и собиралась стать монахиней, но ради замужества отказалась от религиозного призвания. Этот брак был их последней надеждой, повторяли ей родители. Перед самым отъездом Эстер в Италию мать прошептала ей на ухо: «Не переживай, семейная жизнь не помеха твоей вере». Чтобы не расстраивать ее, та дала два обета: негласный Иисусу Христу и прилюдный своему мужу. Его звали Винченцо, он был каморристом и приехал за ней аж в Новый Свет. «Поедешь со мной в Италию, там поженимся. Обещаю, что твоему отцу больше никогда в жизни не придется разгрести дерьмо».

Есть на свете мужчины, чьи речи завоевывают женское сердце куда быстрее, чем слово Божье, и Эстер не устояла перед перспективой безбедной жизни, открывшейся перед ней и ее семьей. Единственной помехой были восемь тысяч миль, которые ее от этой жизни отделяли.

У Винченцо были светлые волосы, синие глаза и ясное мальчишечье лицо. Прозвище Макулатурщик он унаследовал от Леонардо, своего отца, который по ночам подбирал на улицах картонные коробки, забрасывал их в кузов трехколесного грузовичка «апекар», а потом продавал бумажным фабрикам на юге Лацио.

В конце семидесятых Винченцо отказался от незадавшейся карьеры боксера и предложил свои услуги стремительно завоевывавшему авторитет молодому мафиозному боссу по прозвищу Кирпич. Тот очистил улицы от торговцев героином и проституток и с умом подошел к выбору союзников.

Он выступил против дона Раффаэле Кутоло и победил. Сошелся с самыми влиятельными семьями и теперь держал в своих руках половину подпольных казино города. При этом не пострадал ни один житель контролируемого им квартала, за что он заслужил уважение большинства и всеобщую готовность хранить молчание. Девиз босса гласил: настоящие дела вершатся вдали от родной улицы.

Так что Винченцо сделал ставку на Кирпича и поступил к нему на службу. Он лишился возможности создать свой собственный клан, но не слишком расстроился из-за этого. Природа с лихвой наделила его таким качеством, как смирение. Он проделал долгий путь: был простым грабителем, потом сборщиком податей, телохранителем босса, а закончилось все тем, что Альянс отправил его в США в составе делегации, которой предстояло провести переговоры о купле-продаже с бруклинской каморрой.

Недвижимость, вызвавшая интерес Кирпича, находилась в Коннектикуте, где родилась и выросла Эстер; ее семья приехала из Италии и вот уже тридцать лет убирала навоз на Американском континенте – сначала на аргентинских пастбищах, потом в Мексике и наконец в промышленных животноводческих комплексах на окраине Хартфорда.

Они встретились совершенно случайно. Как-то раз Винченцо в компании нескольких земляков отправился в Музей истории Коннектикута, и выставленная там коллекция оружия полковника Сэмюэла Кольта произвела на него неизгладимое впечатление. Даже самый тупой американец разбирался в оружии лучше, чем его босс.

Сидя в кафе после экскурсии, Винченцо рассказывал своим новым знакомым о том, как бы ему хотелось попасть на какой-нибудь оружейный склад, и заметил, что девушка за стойкой прислушивается к разговору. У нее были смуглая кожа, темные волосы и черные, словно маслины, глаза, пронзавшие тебя насквозь, как пуля сорок пятого калибра.

– Ты итальянка? – спросил он.

– Я родилась здесь неподалеку, в Нью-Хейвене, – ответила девушка. – Мои родители итальянцы.

– Ты слишком красивая для американки.

– Я не из местных блондинок, если ты об этом. Будешь ореховый пирог?

– Покажи мне, кто тут хозяин, и я куплю тебе всю кондитерскую.

Дорожные расходы невесты и ее родителей взял на себя Кирпич – это был его свадебный подарок верному соратнику. Прошло время, и американка родила двоих детей, Леонардо и Джузеппину: девочку назвали в честь бабушки по материнской линии, сына – в честь деда по папиной, Макулатурщика-старшего.

Лео с детства предпочитал жизнь уличного мальчишки домашнему уюту. Целыми днями он слонялся по городу, доказывая, что мои родители ошибались или меня обманывали: улица никому не причиняла вреда.

* * *

Я постепенно привыкал к новой жизни, хотя это давалось мне нелегко. Зато отец продолжил ровно с того места, где остановился. Он не скрывал радости от возвращения домой, и с трудом верилось, что последние десять лет он провел в *чистилище*. Когда-то давно он уже пытался выбраться из него, но не смог.

На исходе зимы 1978 года два события нарушили размеренную жизнь в Бари. Мое появление на свет, из-за которого отцу посреди ночи пришлось мчаться на всех парах в Неаполь, где в клинике лежала Нана и вот-вот собиралась родить (между схватками маму посетило откровение о моих астрологических перспективах: «Марчелло – Рыбы! Асцендент в Близнецах!»), и получение телефонограммы из дирекции по подбору персонала, в которой было одобрено его *прошение*.

Однако послание почти неделю пролежало в ящике стола у директора Катальдо Ролло, и никто не потрудился сообщить о нем Эдуардо, хотя всем хорошо было известно его содержание. Карты спутал хаос, за несколько дней до того воцарившийся в Италии.

По мнению отца, единственным, кроме *бедняги* Альдо Моро, кто рисковал пострадать в сложившейся ситуации, был он сам. Он прекрасно понимал всю смелость этого сравнения. Его, в отличие от Моро, никто не похищал и не предавал самосуду, тем не менее, если бы вся эта история не завершилась так быстро, если бы страна пошла по совершенно неожиданному пути развития, если бы террористы победили и забастовки продолжились, кто знает, что бы стало с той треклятой телефонограммой?

Те, кто что-то смыслил в подобных эксцессах, утверждали, что вскоре все образуется; выживет секретарь Христианско-демократической партии или нет, страна быстро вернется к привычной жизни, поэтому было принято негласное решение дожидаться развязки и потом уже открыть самый незначительный из ящиков в кабинете

самого незначительного из директоров, когда-либо работавших в филиале Банка Неаполя в Бари.

Каждый вечер на протяжении пятидесяти четырех дней, исключая пятницу, когда отец возвращался в Неаполь, он пробегал бегом триста метров, отделявших его офис от квартиры на виа Абате Джимма, и включал радио в надежде узнать, что же случилось с *беднягой* Альдо Моро, а значит, и с ним самим. Пятьдесят четыре вечера он провел в слезах и отчаянии, которое сменялось то надеждой, то глубочайшей депрессией, пока на утро пятьдесят пятого дня не смолкли телефоны и потрясенная секретарша не вышла из кабинета директора с сообщением, что тело бывшего премьер-министра найдено в багажнике «рено-4».

В этой трагической ситуации мой отец, разумеется, больше переживал за государственного деятеля, однако чувство облегчения от того, что агония прошла, было столь ощутимым, что он испытал чуть ли не признательность к людям, которые нажали на курок и, убив *беднягу* Альдо Моро, вернули ему и Италии их законную судьбу.

Во всяком случае, он так считал, пока директор Ролло не вызвал его к себе в кабинет. Тогда мой отец, чье лицо, оттененное красной униформой, выглядело еще более безжизненным, узнал, что ради соблюдения общественного порядка перевод служащих приостановлен *sine die*^[1].

– Не смотрите на меня так, – сказал директор, попыхивая бластовой трубкой^[2] «Савинелли», на которую подчиненные скинулись ему в Рождество. – Сам знаю, что это чушь несусветная, но приказы отдаю не я. – Он открыл ящик письменного стола и вынул подписанную генеральным директором телефонограмму. – Я только что получил из Неаполя извещение о замораживании всех *прошений*, поданных до шестнадцатого марта. – Он сокрушенно развел руками. – Нам остается только молиться, чтобы эти ушлепки из «Красных бригад» побыстрее очутились за решеткой...

В тот вечер отец заперся в своей комнате и, преклонив колени, обратился с молитвой к статуэтке Николая Чудотворца, стоявшей на комод. Соседи по квартире – три неаполитанца, которые, как и он, работали в банке и ждали перевода, – предложили присоединиться к ним и поужинать морепродуктами в Старом городе, но отец отказался,

сославшись на температуру. Когда он убедился, что все наконец ушли, то взял телефонную трубку, набрал номер и дождался ответа.

– Алло, – сказала моя мать.

– Анна, – произнес отец. – Сядь и послушай.

Он почувствовал, как учащенно забилось ее сердце. Полным именем он называл жену, только если дело принимало действительно скверный оборот.

– Завтра собери чемоданы и подготовь *мальша*. Вечером я за вами приеду.

Ярость, к тому времени накопившаяся у него внутри, при этих словах улетучилась.

– Не волнуйся, – продолжил он. – Я теперь хорошо зарабатываю, мы подыщем славную квартиру. Городок небольшой, но милый. Люди приветливые. Со своими гороскопами ты легко найдешь себе новых подруг, вот увидишь. И это идеальное место для ребенка...

Положив трубку, Эдуардо взглянул на безучастного гипсового Николая Чудотворца: седая борода, желтая митра, правая рука поднята в жесте благословения, в левой – три золотых шара. Отец обхватил голову ладонями, потом впился зубами в собственную руку, наконец, схватил статуэтку и швырнул ее в стену, отчего она разлетелась на мелкие части.

* * *

Прошло около двух месяцев после переезда в Неаполь, когда случилось событие, навсегда изменившее отношения между нашими с Лео семьями.

Мама теперь вела ежемесячную рубрику «Гороскоп от Анны» в бюллетене Клуба по организации досуга банковских служащих. Наш дом всегда был такой мини-обсерваторией, откуда следили за бесконечным движением и взаимовлиянием Солнца, Луны и прочих небесных тел. Астрология была единственным связующим звеном между мамой и реальным миром, благо всегда находился кто-то – чаще всего пожилая дама в мехах или юная девушка с разбитым сердцем, – кому необходим гороскоп.

Представитель банковского профсоюза познакомил ее с членами Клуба, ответственными за выпуск бюллетеня, и уже через несколько недель ей доверили сочинение фраз типа «Вскоре тебя ждет незапланированная финансовая сделка» или «Ты встретишь особенного человека». Этого было достаточно для издания, которое никто не читал и в редакции которого никто ни разу не задался вопросом, почему Раку (знак зодиака моего отца) всегда доставались предсказания исключительно профессионального толка. Ни намека на перемены в личной жизни (не стоит забивать мужчине голову всякой чепухой), ни слова о физической форме (ее Эдуардо и так прекрасен) – только работа и деньги. Отец и сам частенько просил совета:

– Нана, что там у меня на ближайшие дни?

– Все плохо. Ты окажешься под влиянием ретроградного Юпитера.

– На следующей неделе будет распродажа казначейских векселей, на которые я очень рассчитываю.

– Лучше повременить. Скоро наступят два благоприятных секстиля Марса и Венеры.

Дело было осенью. Как-то во вторник Анна зашла в редакцию бюллетеня, чтобы отдать напечатанные на машинке гороскопы на месяц. Ее ждал директор Джорджо. Ему не терпелось поделиться своей новой идеей – предложить сотрудницам (женам банковских служащих) описать улицы, по которым те ходят изо дня в день. Мама тоже получила задание: целую неделю внимательно смотреть по сторонам и потом перенести свои впечатления на бумагу.

Следующие несколько дней она летала как на крыльях. Впервые после возвращения в Неаполь моя мать попыталась выбраться из своей раковины. Целую неделю она *праздно* шаталась по нашему кварталу. Затем настал вечер, когда она попросила отца приготовить ужин и уложить меня спать. И всю ночь просидела за кухонным столом, набирая текст на своей «Оливетти», – наутро статья была готова. Мама сетовала на непрезентабельность улиц, запустение, царившее не только в городских закоулках, но даже в парке Каподимонте, который некогда был летней королевской резиденцией, а теперь превратился в городскую свалку.

Однако наибольшего внимания заслуживает тот факт, что после землетрясения прошло уже четыре года, а пострадавшие до сих

пор живут в грязных бараках без удобств, и никому нет до этого дела, властям в первую очередь.

Гражданский пафос ее репортажа в финале оборачивался столь пламенным призывом к городской администрации, что Джорджо, сидя в конторе за пыльным письменным столом, окрестил его «пазолиниевским». Мама призналась, что не слишком хорошо знакома с творчеством фриулийского писателя. «Честно говоря, – добавила она, – я ни строчки этого Пазолини не читала».

Через несколько дней бюллетень вышел из печати и разлетелся по всем отделениям банка на Апеннинском полуострове. Посыпались телефонные звонки с поздравлениями. «Злободневность» и «высокая социальная значимость» статьи моей матери вызвали восхищение и у коллег Эдуардо. Даже замглавы фондового отдела, куда отец попал после перевода, прислал ей записку, где признался, что «потрясен халатностью, с которой относятся к архитектурному памятнику такого уровня».

Отец радовался успеху жены и получал удовольствие оттого, что эта история придала ему определенный вес в глазах коллег, но очень скоро все его мысли снова обратились к индексу Миланской фондовой биржи. С появлением телетекста *Rai Televideo* он мог просматривать биржевой бюллетень, сидя дома, и контролировать, на сколько скакнули котировки тех или иных ценных бумаг. «Фиат», «Дженерали», «Алиталия», «Медиобанка»... Знак «+» рядом с названием интересующей компании приводил Эдуардо в восторг, «—» – в уныние. Хотя бывало и наоборот: порой восторг вызывали минусы, а уныние – плюсы.

У меня же к этому времени появился новый друг. Его звали Даниеле, и был он сыном нашей учительницы Ады. Всякий раз, когда кто-то из учителей отменял занятие, чтобы не искать им замену, нас распределяли парами по другим классам, при этом старшие должны были «усыновить» ребенка из детского сада. За мной закрепили Даниелино.

В свои четыре года он отличался от сопляков-сверстников, которые только и знали, что все время хныкали. Чаще всего мы играли в футбольные карточки или вымещали накопившуюся злобу на его тряпичном пупсе – в ту пору такие куклы были почти у всех. Даниеле

с ним не расставался, что стало поводом для издевок, и к нему прилипло прозвище Карапуз – Даниелино Карапуз. Все относились к нему настороженно, поскольку он был из другого района, а мне он нравился.

Но после рождественских каникул мой товарищ по играм не появился в школе. И его мать, учительница Ада, тоже. Директор «Детской улыбки» сказала нам, что они переехали на север, но не уточнил, куда именно.

Все шло своим чередом, пока несколько месяцев спустя по телевизору не показали передачу про жертв землетрясения 1980 года, ютящихся по баракам в Понтичелли, в полуразрушенных школах в Испанских кварталах и большей частью в парке Каподимонте. Одна из главных городских достопримечательностей, сокрушался ведущий, в прошлом королевский сад, превратилась в самую настоящую свалку. На экране скреперы рыли землю, а полицейские разгоняли оккупантов.

Нана оцепенела.

Зачем вообще она написала ту статью, ведь ее гороскоп ясно предупредил: «Транзит Меркурия не сулит ничего хорошего, он может внести путаницу в мысли и осложнить общение с другими людьми». Теперь этих бедолаг вышвырнули на улицу, и им некуда идти. Зачем писать, если кто угодно может присвоить твои слова и использовать их во зло? С бюллетенем было покончено. «Гороскоп от Анны» тоже прекратил свое существование. Даже Джорджо не удалось ее переубедить, а мой отец выступил в своем репертуаре:

– Нана, не говори глупостей. Ты всерьез думаешь, что телевизионщики читали твою статью? Ты вообще знаешь, куда деваются экземпляры бюллетеня? Этот Клуб – шайка проходимцев, которые сидят на шее у банка.

Никто не понимал ее мучений и непреходящего чувства вины. До сих пор Анна старалась проживать свою жизнь и соприкоснуться с чужими судьбами, оставаясь незамеченной. Она не считала себя сильной или особенно предприимчивой. Пока росла, вела себя как хорошая дочь, прилежно училась, потом нашла мужчину, в тени которого можно было укрыться. В 1968 году ей исполнилось восемнадцать лет. Она сделала все, чтобы суэта внешнего мира ее не коснулась. Произвела на свет сына. Не говорила ни слова поперек, не капризничала, всегда была хорошо одета, ни с кем не враждовала, что

мало кому удастся. Она предполагала, что все женщины устроены одинаково, но не знала этого наверняка. Только раз, *всего лишь один раз* она поддалась искушению честолюбием. И дело кончилось катастрофой.

Между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников Иудейских.

Он пришел к Иисусу ночью и сказал Ему: [...] как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?

Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие.

Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух.

Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: «должно вам родиться свыше».

Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа^[3].

Несколько месяцев спустя, во время проповеди дона Карло – нового приходского священника, которого епархия не слишком жаловала из-за его прогрессивных взглядов, – мама узнала, что прихожане открыли столовую для бездомных. По словам падре, после «безжалостного выдворения», показанного по телевизору, эти бедолаги появились на улицах и нашего квартала, и столовая стала ответом добра на царящее в мире зло, ибо Дух Божий витает везде и всегда.

Дон Карло вряд ли читал ее статью, но Анна все равно чувствовала, что эти слова обращены к ней, равно как и взгляды всех людей, толпившихся между церковными скамьями. К ней, самой презренной из фарисеев, относились их шепот и бормотание.

На следующий день – в самом начале солнечного июня – она встретила меня после уроков и попросила сходить с ней кое-куда. Я не стал задавать лишних вопросов. Мы прошли по крутой и извилистой виа Понти Росси, которая соединяла развалины римского акведука с парком Каподимонте – «лесом», как его все называли, – мимо нас проносились машины, обдавая потоками раскаленного воздуха и оглушая своим ревом.

Вскоре мы добрались до невысокого здания, на первый взгляд заброшенного, вошли во двор и спустились по лестнице в полуподвал, где стоял густой запах стряпни. Недалеко от входа за пластиковыми столами сидели какие-то люди и равнодушно нас разглядывали. Одни доедали свой обед, другие дремали, подперев голову рукой. Здесь царила звенящая тишина. Мне стало страшно. Я повернулся к маме и с величайшим изумлением увидел в ее глазах прежнее оживление – такой она обычно возвращалась из редакции бюллетеня.

Она обратилась к бородатому типу, который выглядел не таким подавленным, как остальные:

– Кто здесь главный?

Узловатым указательным пальцем он ткнул в сторону кухни, откуда как раз вышла женщина в заляпанном фартуке, ее лицо показалось нам смутно знакомым. Она напевала старую неаполитанскую песню, но, когда заметила нас, запнулась.

– Добрый день, – нарочито церемонно поздоровалась она. – Чем я могу вам помочь? – Она заправила волосы под чепчик и внимательно посмотрела на нас. Вдруг я понял, что это Эстер, мама Лео. Американка. – Вы ведь живете на третьем этаже, верно? – спросила она у мамы.

– А вы на четвертом... – Повисло молчание. Они обменялись смущенными взглядами. – Я хочу предложить вам свою помощь, – пробормотала мама.

Американка развязала передник и набросила его на вешалку.

– Помощь всегда кстати, – сказала она. – Новость разлетелась, и к нам теперь приходят со всего города. Нужны люди, умеющие быстро разливать суп по тарелкам.

– Обычно я до обеда свободна, – с готовностью откликнулась мама.

Американка принялась убирать со столов.

– Сначала я должна переговорить с доном Карло. Сделаем так: когда я что-то узнаю, сама к вам зайду.

Мама побледнела. На секунду ее глаза встретились с моими. Несмотря на юный возраст, я понял, в какую ловушку она сама себя загоняет. Впрочем, крики отца не шли ни в какое сравнение с тем, что должно было произойти и о чем мы еще даже не подозревали. Всем нам вот-вот предстояло оказаться в новом мире – в мире, где не следовало запираť балконные двери.

* * *

Мужчина открывает глаза и оглядывается. Стук в дверь, еще и еще, потом крик:

– Открывайте, карабинеры!

Его жена выскальзывает из комнаты в коридор.

– Они здесь, – шепчет она, – уходи.

Сначала цепочка, потом ключ, щелчок замка.

Все кончено, повторяет про себя мужчина, все кончено.

Хотя нет.

Вскочив с кровати, он выбегает на балкон и смотрит вниз: при виде полицейских мигалок его сердце переполняется гордостью. Он перелезает через перила. Темно и холодно. Эти чертовы облавы вечно происходят на рассвете, думает он. Спрыгивает на балкон третьего этажа.

Славные люди. В такой холод оставили для него дверь открытой. Интересно, они спят? Надо пошевелиться, Серджи ждет у себя в квартире этажом ниже. От него он переберется через перегородку и окажется в соседнем здании: кадастровые чудеса под самым носом доблестных карабинеров.

На кухне мальчишка. Лет семь-восемь. На нем похожее на намордник приспособление для исправления прикуса.

– Тссс. – Мужчина прикладывает палец к губам. – Тссс.

Но ребенок и не собирался поднимать шум, он продолжает наливать в стакан молоко.

– Возвращайся в кровать, – шепчет мужчина, – я сейчас уйду, только очень прошу, не снимай эту штуковину, пока дантист не разрешит: у тебя будет шикарная улыбка.

Мужчина проносится по коридору и замирает, глядя в дверной глазок. Снимает цепочку, щелкает замком. Открывает дверь – и он уже снаружи.

– Эй! – кричит карабинер с лестничной площадки. – Стой, или я стреляю!

И стреляет, сволочь. Мужчина бросается обратно и захлопывает за собой дверь. Все кончено, он в ловушке. О том, чтобы добраться до

Серджо по лестнице, и речи быть не может. Легавый орет как оглашенный:

– Сюда, скорее! На третий этаж! Он заперся в квартире!

Снова стук в дверь:

– Открывайте, это карабинеры! Открывайте, или мы выломаем дверь!

Зажигается свет в спальне. Мужчина бежит обратно по коридору, на кухню, оттуда на балкон. Мальчишка так и стоит со стаканом в руке.

– Отойди, – командует мужчина, разбегаясь.

– Стой, или я стреляю! – кричит карабинер за его спиной, держа оружие наготове. – Подними руки и встань на колени, или я стреляю!

Мужчина смотрит на парнишку и улыбается ему.

Стреляет, сволочь.

И он прыгает.

* * *

Новость о том, что Винченцо Макулатурщик, спасаясь от облавы, прыгнул с балкона, разлетелась по району в считанные минуты. Уже через несколько часов он удостоился нового прозвища – Человек-паук. Мало кому удалось бы упасть с высоты третьего этажа и выжить. Винченцо Человеку-пауку удалось. Однако его все равно поймали и больше двух месяцев продержали под охраной в больнице, куда он попал с переломом обеих рук, бедренной кости и семи ребер.

Моим родителям пришлось отвечать на каверзные вопросы карабинера: какие у них отношения с жильцами с четвертого этажа? Почему в такой холод они оставили балконную дверь открытой?

– По привычке, – ответила мама. – Немного свежего воздуха никогда не помешает.

Отец косо посмотрел на нее: эту подробность лучше было оставить при себе. Карабинер почувствовал, что здесь что-то не так, но допытываться не стал. Пришла моя очередь, и я рассказал о том, что видел. Все это время я воображал, какой фурор произведу в школе, когда поведаю о выпавшем на мою долю невероятном приключении. Вот только придется немного приукрасить сцену допроса, учиненного

силами правопорядка, поскольку карабинер потратил на меня всего две минуты, потом улыбнулся, надел фуражку и, направившись к выходу, извинился за то, что его коллеги выломали дверь.

– Занесите в казарму счет от слесаря, – сказал он, – и мы возместим убытки.

– Да ничего, что вы, – возразил отец, которому не терпелось покончить со всем этим.

– Правильно, раз сломали – пусть чинят, – проворчала мама из-за его спины.

Чуть позже папа позвонил в банк, сказал, что приболел, и попросил отгул, а мне разрешили не ходить в школу.

Все утро мы провели дома, закрыв окна и опустив ставни. Родители не произнесли ни слова. Мать встала к плите, а отец поочередно просмотрел все выпуски новостей. Несколько часов спустя он облегченно выдохнул: к счастью, никто ни разу не упомянул ночное происшествие.

После обеда ему позвонили и сообщили, что на следующий день он должен явиться в казарму, чтобы запротоколировать свои показания. Не стоит волноваться, заверил карабинер, это чистая формальность. Отец положил трубку, поднялся с дивана, пришел на кухню – мать ждала его за столом, – и тут, наконец, началась ссора.

До меня доносились приглушенные крики: то ледяной, то взволнованный голос отца, обвинения в адрес матери, потом ее плач, мольбы о прощении. Больше никогда, твердила она, больше никогда. Больше никогда она не откликнется на такую просьбу. Но он не может лишить ее еще и этого, ведь ради него она отказалась от всего – сначала от своей жизни в Неаполе, потом от Бари. В столовой была нужна ее помощь. Американка – святая женщина, которая попросила об одолжении, и она согласилась.

– Святая? Если она действительно святая, как ее угораздило выйти замуж за дьявола? – возразил отец.

– Шшш! Какой еще дьявол? Что ты вообще знаешь о жизни других людей?

– О некоторых людях я знаю предостаточно.

– Он не дьявол, можешь спросить у малыша, – отрезала она. – Он ему даже пообещал красивую улыбку.

Они ругались несколько часов, а потом ко мне в комнату зашла мама и попросила забрать покупки у дона Гаэтано, хозяина колбасной лавки. Она впервые дала мне такое поручение. Это совсем не страшно, подбодрила мама, протягивая десять тысяч лир. Она уже позвонила в лавку, и дон Гаэтано ждет меня у входа.

Я вернулся с полным пакетом ненужных нам продуктов. Понимая, что родители просто нашли предлог, чтобы избавиться от меня, я решил отплатить им ложью. Случай тотчас представился: к моим ногам подкатился мяч Лео. Я не задумываясь вернул пас.

– Ты из первого «Д», – сказал он. – Дружок Даниелино Карапуза.

Я кивнул. Хотя мы жили в одном доме и наши матери виделись каждый день, мы ни разу даже словом не перемолвились и ничего не знали друг о друге. Или, по крайней мере, он обо мне ничего не знал; я же был наслышан о его коллекции из полудюжины комплектов футбольной формы и о том, как однажды во время перепалки, разразившейся возле дома, при поддержке верного Николы он обхватил противника со спины, заставил того расставить ноги пошире и недвусмысленно подвигал бедрами, выкрикивая: «Педик! Педик! Сильвиуччо – педик!»

– Видел, какой утром был дурдом?

Он принялся подбрасывать мяч одной ногой. Казалось, к нему это все не имеет никакого отношения и душераздирающие крики от боли, которые мы все слышали, издавал не его отец.

– Мама весь день проведет в больнице. Передай своей. Вряд ли завтра она появится в столовой. – Мяч снова покатился в мою сторону, но не прямо в ноги, так что пришлось за ним тянуться. – Ну что, передашь?

Мой пас вызвал странную ухмылку на лице Лео.

– Слушай, а ты правда был с ним? – Он остановил мяч подошвой. – Ну, перед тем как он прыгнул.

Меня словно парализовало. Я окаменел. Пускай меня и грела мысль о том, что весь квартал узнает о моей роли свидетеля, но когда я обнаружил, что Лео тоже в курсе, то испугался. В памяти всплыла утренняя сцена. Давление пластины на небо, подъем на рассвете,

стакан молока, улыбка беглеца. А потом крики карабинера и моя мама в халате на пороге кухни.

– Он же не умер? – Мой голос дрогнул.

Лео шевельнул ногой и снова стал чеканить мяч, теперь поочередно – то левой, то правой ногой.

– Кто, отец? – В его улыбке сквозила гордость. – Не думаю. Винченцо сильный...

До чего странный парень. Называет отца по имени. Я бы до такого не додумался. Я знал, что моего отца зовут Эдуардо и все обращаются к нему именно так, но для меня – и только для меня – он был «папой».

– Давай мяч погоняем? – предложил Лео. Он отвел взгляд от мяча и внимательно на меня посмотрел. Глядя в его синие глаза, я вспомнил свой первый вечер в Неаполе, когда он так отважно дал отпор моему отцу.

– Не могу.

– Всего пару ударов.

– Мне домой надо, я продукты принес.

Он схватил меня за рукав.

– На воротах стоять умеешь?

Я почувствовал, как панический ужас охватывает каждую клеточку моего тела. От него пахло пылью и потом. Я разрывался между безумным страхом, что он вот-вот схватится за нож, и безумным желанием к нему присоединиться.

– Мне нужен кто-то, по кому бить мячом, – добавил он.

– Не умею! – Я рывком высвободился и пошел к подъезду.

– Эй! – окликнул меня Лео. – Вернись! Эй!

Не хотелось лишний раз показывать, что я трус, поэтому я остановился и повернулся к нему. Его силуэт четко вырисовывался на фоне красного заката – один в один финальный кадр японского мультфильма.

– Ну чего?

– Знаешь, почему Даниелино Карапуз больше не ходит в школу?

– Он переехал на север. Так директор сказала.

– Ну да, – фыркнул он. – Конечно.

– Ты еще что-то знаешь?

Лео мотнул головой в направлении моего балкона.

– Они тебе никогда ничего не расскажут.

И в самом деле, стоило мне спросить родителей, где теперь живут Даниелино с учительницей, как они изменившимися голосами заговаривали о другом.

– Что с ними случилось?

Лео подхватил мяч обеими руками – на его лице снова заиграла издевательская ухмылка – и сказал:

– Если завтра выйдешь во двор и встанешь на ворота, расскажу.

* * *

На следующий день я без особого труда смог выбраться на улицу. В это время родителей почти никогда не было дома, особенно отца. Для него банк всегда стоял на первом месте. На тот момент Эдуардо как раз овладел всеми необходимыми навыками для построения скромной карьеры. Без способностей, причем куда более широких, чем многие думали, нельзя было стать хорошим служащим: без умения добиваться максимального результата минимальными усилиями, плыть по течению и в нужный момент вылезать на берег, выполнять указания других людей и в то же время работать на себя. Однако ключ к успеху заключался в первую очередь в понимании ситуации.

Он уяснил суть будущей работы еще до того, как перешел на новую должность. Каждое утро в самых разных филиалах Банка Неаполя какое-то количество служащих заболело или просило отгул, и каждый день головной офис на виа Толедо присылал кого-нибудь на замену. Эдуардо и другие резервисты фондового отдела закрывали брешь на передовой, где велась самая важная из битв – за сбережения итальянцев.

По этой причине для сотрудников, в ожидании назначения томившихся в зале на первом этаже, ежедневно были забронированы места в первом классе по основным направлениям: одно на рейсе в Милан, одно – в Турин, двухместная каюта на кораблях в Палермо и Кальяри и даже целый вагон в скоростном римском поезде. В течение двадцати четырех часов банк был готов отправить своего человека в отделения Лондона, Парижа, Берлина, а приложив чуточку дополнительных усилий – и в Гонконг, Буэнос-Айрес или в филиал на

Парк-авеню в Нью-Йорке. Головной офис не скупился, когда надо было поддержать регионы, где не хватало работников.

Еще Эдуардо понял, что к моменту выхода на пенсию успеет поглотить невероятное количество кофеина. Каждый час под разными благовидными предложениями устраивались перерывы на кофе. Напиток был сладким: бариста из ближайшего бара «Сплендоре» любил подавать его клиентам, добавив в чашечку ложку кремины^[4], которую он зачерпывал из миски под стойкой. Бунт против сего ритуала повлек бы за собой конфликт со столпом национальной кредитной системы – человеком с креминой. В долгосрочной перспективе это могло нанести куда больший урон, чем высокий гликемический индекс.

Он понял, что с сигаретами тоже перебирает. Больше никаких легких «Линда», которые он курил в Бари, – теперь только «Стоп» без фильтра, одна за одной. Каждый раз, выйдя из бара с Паскуале и другими коллегами, он останавливался перекурить на небольшой площади, где царила тишина и росла вековая бугенвиллея. Там же находился украшенный деревянной резьбой вход в какой-то офис. Со временем отец узнал, что видневшийся в глубине бледный как смерть мужчина, уткнувшийся в монитор, выполняет одну из самых отвратительных обязанностей: там выставляли на аукцион арестованную недвижимость некредитоспособных плательщиков.

За несколько недель мой отец понял еще одну вещь: когда клиент просит о займе, то всегда выглядит так, будто не слишком в нем нуждается, когда же приходит время возвращать кредит, тотчас дает о себе знать притаившийся в нем бедняк.

Постигая правила игры, он также понял, что умение предугадать, будет ли возвращен кредит, сродни искусству предсказания – под стать гороскопам Анны. Наверняка известно лишь то, что, переступив порог банка, любой человек всегда делает одно и то же – лжет.

– Поэтому мы требуем предоставить нам целую кипу бумаг, прежде чем выплатить хотя бы лиру, – повторял Паскуале, его наставник с того самого дня, когда он впервые появился в отделе и увидел, как сотрудники бродят по залу с отсутствующим выражением лица и шушукуются друг с другом, – круговорот галстуков в косую полоску и натертых до блеска туфель.

Ему повезло. Он давно знал Паскуале Сомму, сына мыловара с виа Дуомо. Тот был кем-то вроде бродячего старьевщика, вселявшего ужас

в ребенка из бедной семьи. В последний раз они виделись, когда мыловар пришел к ним с сыном, чтобы забрать стиральную машину: дон Джеппино, отец Эдуардо, не смог за нее расплатиться.

– Но одних бумаг недостаточно, ты должен раскусить клиента, чтобы понять его, и все равно ты так и не узнаешь до конца, кто перед тобой... – делился опытом Паскуале, указывая на бледного человечка за письменным столом. – Ты даже представить себе не можешь, какие шакалы тут крутятся, когда начинаются торги. Просто в банке все что угодно, даже бедность, может обернуться богатством.

Понять эту премудрость мой отец был неспособен. Он мог признать, что богатство порой выпаривается до бедности, но никак не допустить, что бедность конденсируется в богатство. Он, как и его отец, слишком долго жил впроголодь, чтобы вообразить нечто подобное.

Со временем он понял, что в банке существовала устоявшаяся привычка – держать фирменные канцелярские товары не в ящиках стола, а в коридоре, у всех на виду. Оттуда канцтовары начинали свой причудливый путь и распространялись в виде ненавязчивой рекламы всемогущего Банка Неаполя среди тех, кто к Банку Неаполя никакого отношения не имел. Теоретически это выглядело воровством и убытком для учреждения, на практике же это была маркетинговая стратегия. Год за годом, день за днем Эдуардо приходил домой, нагруженный скрепками, степлерами, антистеплерами, дыроколами, обложками, файлами, почтовыми бланками, ручками, карандашами, ластиками, резинками, скотчем, пачками бумаги, ежедневниками, блокнотами, грифелями, механическими карандашами, чернилами и ножницами всевозможных размеров. В тучные годы он даже сумел вынести две печатные машинки «Оливетти Леттера 22».

Также он понял, что споры профсоюза с руководством инсценированы, за кулисами между ними царили совет да любовь, как у молодоженов в медовый месяц. До перевода в центральный офис Паскуале более десяти лет проработал младшим помощником кассира в римском филиале. После такого долгого периода, проведенного на предпоследней ступеньке империи (последнюю занимали посыльные без высшего образования), возможностей для карьерного роста стало катастрофически мало. Поэтому пару лет назад он обратился в профсоюз. В обмен на сумму, равную пяти зарплатам, о нем замолвили слово в отделе по подбору персонала, и его взяли в фондовый отдел.

Удерживая часть суточных и пользуясь льготами, он окупил свои инвестиции в мгновение ока. Вдобавок на прошлый Новый год его поощрили командировкой в Париж со всей семьей.

– Фейерверк на Елисейских Полях и ребятишки с выпученными от восторга глазами, представляешь, Эдуá?

Командировки. Это – сразу понял мой отец – был щекотливый момент. Резервист фондового отдела подолгу находился вдали от дома, что пагубно сказывалось на супружеской жизни. Одно дело – отправиться в Фоли-Бержер со всей семьей, и совсем другое – поехать одному и в ночи поддаться чарам какой-нибудь девицы в районе Пигаль. Предвидя такую опасность, тесть сразу высказался на тему выбора: «Эдуа, если ты возвращаешься домой, то возвращаешься по-настоящему, если же нет, лучше оставайся в Бари, вдруг тебя сделают начальником, а может, предложат высокую должность и отправят на север страны или даже за границу...»

В любом случае все это были лишь предположения. Отца не привлекали риски блестящей, но губительной для личной жизни карьеры. Он пришел к компромиссу с самим собой: выбрал фондовый отдел, но держался подальше от Пигаль.

– И правильно сделал, – поддержал его Паскуале. – Потому что, во-первых, нет никакой гарантии, что где-то в другом месте ты добьешься успеха, во-вторых, карьера далеко не всегда приносит деньги, и, в-третьих, если у тебя есть голова на плечах, ты можешь заработать деньги и не имея большого чина. Важно оставаться здесь, ведь именно здесь *делается бизнес...* Как там говорят? Если ты построил хижину на вулкане, будь уверен: рано или поздно погоришь...

Отец выбросил окурок сигареты «Стоп» и пересек коридор, отделанный мрамором – внизу черным абиссинским, сверху пестрым, – в полном молчании. Он не все понял, но волноваться было не о чем: как и всегда, сын мыловара все разложит по полочкам.

– И это хорошо? – спросил он, открывая дверь в зал. Увидев перед собой плотную пелену дыма, он на секунду представил, что оказался в подпольном игорном доме.

– Когда как. – Паскуале пригладил свою шевелюру. – Если тебе нравится огонь, то хорошо.

* * *

Пока взрослые обживались в новой галактике, мы с Лео все чаще отправлялись слоняться по необитаемой планете. Летом 1985 года наша дружба вспыхнула с силой лесного пожара. Наступили каникулы, его отец сидел в тюрьме, мой – вечно пропадал в банке, наши матери – в столовой для бездомных (в конце концов Нана победила, ей было позволено вернуться), и мы виделись каждый день. А история Даниелино Карапуза довершила начатое.

Нас обманули: никакого переезда на север не было, на самом деле он погиб вместе с матерью и сестрой во время теракта в скором поезде 904 Неаполь – Милан. Когда 23 декабря 1984 года состав въехал в Большой Апеннинский туннель, сработало взрывное устройство, взрывом разворотило девятый вагон, при этом погибли семнадцать человек, еще триста получили ранения.

После того как Лео раскрыл мне тайну (сам он узнал ее случайно, подслушав разговор директора с родителями по возвращении с рождественских каникул), мы стали пересказывать эту историю друг другу, как мантру, до тех пор, пока образ знакомого нам Карапуза не стерся и Даниелино не превратился в героя романа-фельетона, святого покровителя нашей дружбы, чье мученичество прочертило границу между нами и всеми остальными.

Желая защитить нас от ночных кошмаров, взрослые решили молчать, тогда как мы снова и снова переживали момент взрыва, отстаивая свое право знать правду. Мы считали себя выжившими, мы были одни на всем белом свете и, полностью вверив себя друг другу, бродили по нашей личной планете.

В школе Лео узнал еще одну подробность. После взрыва среди обломков нашли пупса Даниелино, он лежал рядом с телом моего друга.

– Марчэ, ты бы видел лица взрослых, когда они об этом рассказывали. Я и не думал, что можно так реветь из-за какой-то куклы.

Летние месяцы были наполнены счастьем, в них не было места страху. Пять лет подряд мы гоняли на велосипедах, совершали набеги на лесные лужайки, перекидывались в карты, швырялись камнями, мечтали о свободе для попугайчиков, которые томились вместе с тропическими птицами в зоомагазине на углу. Посторонним наши забавы казались жестокими, но стоявшие за ними намерения были самыми добрыми. С местными девчонками мы вели себя непредсказуемо, резко, задиристо, но при этом галантно. Нас испортили деньги.

Шиномонтажник из другого района, потрепанный тип с шестью пальцами на правой ноге, платил нам, чтобы мы протыкали автомобильные покрышки. Тысячу лир за дырку. Поначалу предлагал всего пятьсот.

– Полторы, – попробовал поторговаться Лео. Из кармана своей клетчатой фланелевой рубашки он вытащил расческу и стал приглаживать волосы.

– Семьсот, – отрезал Шестипалый. – И хватит с вас, *малявок*...

Все движения были отработаны. Сначала он причесывал виски и затылок, потом взбивал волосы по центру, чтобы спереди получился так называемый кок – нелепо вздыбленная прядь, удерживаемая лошадиными дозами геля и лака, причем высота пряди пропорциональна степени самоуверенности ее обладателя. В те годы эта прическа была на пике моды.

– Договорились, семьсот лир, – сказал Лео, убрав расческу в карман. – Плюс по триста за каждую дырку – за наше молчание. Представляешь, что будет, если кто-то узнает, как ты попросил двух *малявок* обеспечить тебя клиентами?

Крыть было нечем.

Шестипалый вытер масляные руки тряпкой, взглянул на меня и – то ли в восхищении от манеры Лео вести переговоры, то ли предупреждая об опасности, притаившейся под самым моим боком, – сказал:

– Твой дружок – сущий дьявол.

Я действительно преклонялся перед умением Лео заставлять всех плясать под его дудку.

– Первое правило любых переговоров – не вести переговоры, – как-то объяснил он мне, пока мы в темноте ожидали одного из наших сообщников. В районе Шестипалого у нас на каждой улице было по своему человеку.

– А второе?

– Если не попросишь, не получишь.

Я на несколько секунд умолк, пытаюсь уловить смысл этих слов.

– А третье?

Он бросил бычок в водосток.

– Если не ищешь, не будешь найден, – торжественно произнес он.

Вдруг послышался какой-то шум. Мы оба встрепенулись, Лео встал и оглядел улицу, отражающуюся в заднем стекле припаркованного автомобиля, за которым мы прятались. Ложная тревога: листья прошелестели или мимо пробежала мышь.

– Что это значит? – спросил я.

Лео насмешливо улыбнулся. Ответа я не дождался. Наш сегодняшний подельник свистнул, дав добро на первый пинок по шине.

Поскольку из нас двоих он был старшим, теоретически ему и следовало приглядывать за обоими. На деле же мы выходили из школы (мы учились в разных классах до тех пор, пока его дважды не оставили на второй год и мы не оказались вместе в восьмом), обедали в столовой для бездомных и потом удирали на велосипедах.

В лесу мы встречались с группкой неудачников, которая под нашим началом превращалась в отряд свирепых воинов, и отправлялись дальше. После наших набегов лужайки перед входом в музей походили на выжженное поле. Несколько раз охранник – не такой лентяй, как другие, – угрожал отобрать мяч и вызвать полицию, мы же показывали ему средний палец, вскакивали на велосипеды и смывались. Лео был капитаном, я – матросом.

Каждый день он таскал меня по своим бесконечным делам: всегда находились деньги, которые можно прикарманить, вопрос, который

надо уладить, машина, которая идеально подходила для засады. Мы наматывали километры, поднимаясь в гору и глотая поднятую пыль, патрулировали темные улицы и прикрывали друг друга. Мы без конца воевали с тенями, колючей проволокой и ржавчиной. Самыми страшными словами для нас были «противостолбнячная прививка». Самым главным – оказаться дома до возвращения Эдуардо из банка. Зато моя мама на все закрывала глаза: она питала слабость к Лео, как и ко всем Овнам.

Каждое лето, когда приближалось время отъезда в Коннектикут, мы запирались у него в комнате и включали кондиционер, который по тем временам был большой редкостью. Жара ставила крест на наших вылазках. Мы часами смотрели телевизор, заглывая картошку фри с арахисовым маслом, и не было такой еды, которую мы бы не запивали стаканом молока. Стоило нам подкопить денег, мы тотчас бежали за трамедзини^[5] с ветчиной и горчицей и поедали их тайком от Пинуччи, сестренки Лео, на которой я был готов жениться, чтобы мы с ним породнились.

О причудливом обмене веществ Пинуччи ты узнавал, едва переступив порог их дома.

– Моя сестра резиновая – она все время то толстеет, то худеет. Дело в ее метаболизме.

– Слушай, я не могу жениться на такой толстухе.

– Не волнуйся, мама говорит, что со временем все наладится. К тому же у нас в семье у всех кость широкая, а у тебя тонкая, сразу видно. Значит, ваши дети получатся пропорциональными.

Жара испытывала нас на прочность, особенно доставалось нашим кокам. При высоких температурах средства для укладки плавилась, лавины голубоватой субстанции стекали по ушам, шее или, того хуже, по лбу, и ты обнаруживал это самым последним, когда все остальные уже начинали тебя подкалывать.

Тем временем я учился жить как настоящий американец, по крайней мере в представлении Лео. Я вызубрил названия пятидесяти одного штата, имена президентов – от Джорджа Вашингтона до Рональда Рейгана – и основные индейские племена. Мы знали наизусть диалоги из фильмов «Назад в будущее», «Лучший стрелок» и «Балбесы». Мы болели за Мэджика Джонсона и «Нью-Йорк Джайентс», нашими героями были народ сиу и Седьмой кавалерийский полк, вожди

Красное Облако и Сидящий Бык, шаман Черный Лось, генерал Кастер, Джон Уэйн и персонажи сериала «Различные ходы». Я научился надевать бейсбольную перчатку и уже не раздумывал по двадцать минут, какой стороной ее натягивать, а также освоил лучший способ падения с роликовых коньков, при котором всегда страдала одна и та же часть коленки, только царапины становились всё глубже. Лео протягивал мне перекись водорода и прикрикивал, чтобы я не ныл.

– Ле, тебе обязательно надо ехать?

– Конечно, а то я лишусь гражданства.

– Зачем оно тебе?

– Рано или поздно я перееду в Коннектикут, и тогда будет важно, настоящий я американец или нет.

– Возьмешь меня с собой когда-нибудь?

Меня задевала мысль о том, что я не входил в его планы, что он представлял себе будущее без меня, без нас, без этих дней.

Он был смуглым от природы, его коже хватало нескольких минут на солнце, чтобы просмолиться. Хотя Лео не раз выкручивался на экзаменах благодаря своей улыбке, как у парня на рекламном плакате «Посталмаркета»^[6], он никогда этим не кичился. Он не зазнавался. Может, именно поэтому никогда не попадал в школьный рейтинг самых красивых мальчиков. Лео находил в этом повод для гордости. «Если в рейтинг включают таких, как Кристиан Дзаццаро с его покрытыми коркой гнойниками, то лучше держаться подальше», – ворчал он.

В любом случае красоту в наших краях никогда не считали достоинством. Совсем другое дело – близость к преступному миру. Выпендриваясь, мальчишки подражали манерам каморристов: взгляд в упор, звучный голос, властные интонации, – что выглядело комично, и Лео это понимал. У настоящих каморристов был свой особый стиль, ни у кого не подсмотренный, с виду они казались добродушными и неприметными. Это и внушало страх: понимание, что за маской простака скрывается волк, готовый тебя растерзать. Поэтому Лео вел себя иначе. Он мог быть сколь угодно жестоким, но внешне оставался верен образу поэта на войне. «Взгляд убийцы ты всегда узнаешь, – любил повторять он. – Что-то в его глазах говорит тебе: *я убил*».

По возвращении с каникул он всегда становился объектом всеобщей зависти. Лео и Пинучча приезжали из Коннектикута, навьюченные

всякой всячиной: одеждой, игрушками, едой, музыкальными компакт-дисками, надоевшими их американским кузенам. Элвис, Чак Берри, Мадонна. Летом 1988 года Лео вернулся, одержимый Майклом Джексонем, следующим летом место кумира занял Ричи Валенс, мексиканец-полукровка, который умер в семнадцать лет. Каждый раз он предвкушал, как поразит меня новым открытием, а я не мог дождаться первых чисел сентября, когда звонил домофон и я понимал, что он вернулся.

– Вот... Погода стояла ужасная, и на следующий день Ричи должен был играть в Фарго, в Северной Дакоте, где проходил очередной этап «Зимней танцевальной вечеринки»...

Весь 1989 год его кок равнялся на прическу Ричи Валенса с обложки альбома *La bamba*. С ним он выглядел старше. Типичный четырнадцатилетний подросток, вытирающий свой нож после охоты на автопокрышки и дымящий при этом «Лаки Страйк» – он таскал сигареты из передач, которые мать каждую неделю носила Человеку-пауку в тюрьму.

– Слышал что-нибудь о «Дне, когда умерла музыка»? – как-то спросил он меня.

– Нет.

– Господи, да ты безнадежен. – Он подошел к стереосистеме и убавил звук. – «День, когда умерла музыка» – это 3 февраля 1959 года. Тогда Бадди Холли, Ричи Валенс, Биг Боппер и еще три восходящие звезды рок-н-ролла погибли в авиакатастрофе. Штука в том, что Ричи вообще не должно было там быть. Он заменил Томми Оллсапа.

– Кто такой Томми Оллсап?

Лео покачал головой.

– Музыкант, сыгравший с Ричи в орлянку, – принялся объяснять он, стряхивая пепел в хрустальную пепельницу рядом с креслом его отца. – Хороший гитарист, но по сравнению с этой тройкой – полный ноль. Однако в ту ночь удача была на его стороне. Он проиграл и остался в Айове, поэтому и жив по сей день.

– Вау! – воскликнул я. Я не знал более американского способа выразить удивление.

– Старик, посредственность всегда переживет талант, – заключил он, делая музыку погромче. – И твой кок плавится дай боже. – Он засмеялся. – Ты весь голубой.

Он помахал в воздухе ножом и принялся отстукивать ритм *La bamba*, напевая: «*Yo no soy marinero... Yo no soy marinero, soy capitán... soy capitán, soy capitán...*»^[7]

* * *

Мое двенадцатилетие мы решили отметить компанией за пределами нашего района – в парке Вилла Комунале. Лео предложил отправиться тайком от родителей на набережную Ривьеради-Кьяйя, где он уже бывал раньше, а оттуда доехать на трамвае до Пьяцца Виттория.

Тому, что мы выбрали для побега именно это место, было простое объяснение: ходили слухи, что в обширных садах Вилла Комунале собирались девчонки из Кьяйи, самые симпатичные в городе, и поджидали парней из других кварталов, чтобы с ними позабавиться. Мы жили в довольно престижном районе, поэтому считали, что они заслуживают нашего презрения, а чтобы это презрение выразить, не было ничего лучше, чем напридумывать кучу историй об их распутной жизни.

Поговаривали, что неподалеку от Аквариума трутся две или три таких девчонки, совершенные оторвы, и позволяют делать с ними все что угодно, например берут в рот и разрешают шарить у себя в трусиках.

Эти разговоры оставляли меня равнодушным. Если ребята проявляли к ним жгучий интерес, то я старательно его изображал, чтобы не отставать, и, будучи самым младшим, выслушивал все эти невероятные фантазии, ничего в них особо не понимая.

По-моему, даже главные знатоки не до конца во всем разбирались. Например, существовал некий *клитор*, но мы не знали толком, что он из себя представляет и где находится, было ясно лишь одно – он расположен у девчонок на поверхности тела или внутри него (мы не были уверены, есть ли он у всех или же только у девчонок из Кьяйи), его надо каким-то образом отыскать, а потом стимулировать. Если тебе это удавалось и девушка признавала, что ты отлично трешь, ты дорастал до звания настоящего мужика.

Так что в день моего двенадцатилетия мы сели в трамвай номер один и поехали через весь город в сторону моря. На самом деле я там

уже бывал с родителями, но поездка в компании Лео и других ребят из нашего района обещала стать незабываемой. Так я и ехал в трамвае, сидя у окна и подставляя лицо соленому морскому ветерку, пока через полчаса водитель не погнал нас из вагона. Это захватывающее путешествие ненадолго вытеснило из головы мысли о клиторе и всех тех бесстыдствах, которые нас ожидали: мы были просто группкой шумных мальчишек, подстрекавших друг друга сбросить сковывавшие нас цепи.

Несколько часов спустя, когда нам открылась повергающая в уныние страшная правда, что девчонки из Кьяйи не имеют ничего общего с развратницами из наших историй (ходили за ними полдня и каждой предлагали потереть клитор), мы добрались до района возле набережной, где нам открылась вторая истина. Кристиан Дзаццаро (у обладателя первого места в школьной пятерке самых красивых мальчиков, по нашим расчетам, должен был быть и соответствующий сексуальный опыт) заявил, что клитора не существует. Или, если точнее, не существует слова, которое мы произносим.

– Надо говорить «клиторис», а не «клитор». Я об этом прочитал в энциклопедии.

– И что это такое? – спросил кто-то.

– То же самое, что и клитор, только называется оно «клиторис».

Мы в замешательстве переглянулись. «Клиторис», – бормотали мы, пытаясь привыкнуть к новому термину. Мы немного помолчали, разглядывая группку девчонок, слонявшуюся по аллеям Вилла Комунале точно так же, как девчонки из нашего квартала слоняются рядом с церковью Сан-Тарчизио. Я даже не уверен, что они были симпатичнее наших.

– Ну что, пацаны, облажались мы с вами по полной, – подвел итог Риккардо Пиньятелли, пятнадцатилетний сын продавца игрушек из нашего района, самый сообразительный после Лео.

Лео покосился на меня и расхохотался так заразительно, что я тоже прыснул. Вскоре смеялись уже все, и прохожие оглядывались на нас в растерянности, вероятно считая, что мы не в себе, раз так заливаемся. Чуть погодя кто-то из нас предположил, что надо отправиться в другой район, если мы хотим найти готовых на бесстыдства девушек.

– Нам надо в Вомеро, там те еще оторвы. Мне кузен рассказывал, что они разрешают забираться к ним прямо внутрь.

Воцарилось молчание, еще более заразительное, чем недавний хохот. Самые старшие, в том числе и Лео, навестили уши.

– Прямо внутрь? – переспросил Кристиан Дзаццаро, сглотнув.

– Прямо внутрь, – подтвердил тот же голос. – А если угостить их мороженым, бывает, что некоторые, самые шальные, подставляют тебе еще и задницу.

* * *

О фейерверке в честь Человека-паука еще долго говорили, что лучше него город не видывал, – такое чудо пиротехники украсило бы собой и соррентийский праздник святой Анны в бухте Марина-Гранде.

И Человек-паук его заслужил после почти шести лет, проведенных за решеткой, где он ни слова не сказал прокурорам, обещавшим взамен луну с небес. Кирпич оценил по достоинству молчание соратника и решил наградить его небывалым представлением в дополнение к зарплате, которую Американка ежемесячно получала от кланового бухгалтера на протяжении всего периода заключения. Часть денег шла на пожертвования приходу, где Эстер проводила бóльшую часть времени, не занятого работой в столовой для бездомных, но никто, кроме дона Карло, понятия не имел об этом искуплении грехов в обмен на наличные.

В день праздника дом Лео превратился в проходной двор. Друзья, родственники, знакомые – все жаждали увидеть Винченцо и пожать ему руку. Кухня была завалена пакетами с моцареллой, хлебом, сахаром, кофе, банками консервированных персиков, пастьерой^[8] и всевозможными кулками. Наконец наступил вечер, и люди высыпали на улицу, ожидая, когда же подожгут бикфордов шнур.

Я даже не пытался улестить родителей. У нас был уговор: если момент подходящий, можно обратиться с просьбой и получить желаемое, если же момент неподходящий, то и просить не стоит. Так что фейерверк я наблюдал на безопасном расстоянии – из окна нашей новой квартиры на последнем этаже жилого дома, который мог похвастаться консьержем и идеальной чистотой, а потому позволял моему отцу верить, что он воздвиг, наконец, неприступную стену между нами и пропастью.

Мы переехали сюда четыре года назад, после того как 16 апреля 1986 года между 16:16 и 16:39 Эдуардо заработал двести миллионов лир на «голубых фишках»^[9] корпорации «Аэриталия», которыми он владел уже лет семь, с момента их появления на Миланской фондовой бирже.

Предшествовавший этому день нельзя было назвать обычным.

15 апреля, когда завершались последние биржевые сделки, стало известно, что ливийские вооруженные силы выпустили две ракеты «Скад» по военной базе НАТО на острове Лампедуза. Каддафи наделал шуму, но его «Скады» упали в море, не долетев до берегов Италии.

Заслышав грохот, местные жители побросали свои дома и укрылись в старых каменных хижинах в стороне от всех поселений. «Ракеты не из пустоты появились, – рассказал мне отец в день оформления покупки квартиры. – Несколько месяцев подряд мы только и слышали, что о Каддафи, о том, как Кракси и Андреотти^[10] отреагировали на захват лайнера “Акилле Лауро”, о базе Сигонелла и этом ничтожестве Абу Аббасе^[11]. На самом же деле политиков волновала только биржа. Пьяцца Аффари была золотой жилой, которая позволяла каждому, даже такому, как я, родившемуся в послевоенной Форчелле голоштаннику, мечтать о покорении вершин...»

Таким образом, в 16 часов 16 минут 16 апреля, по прошествии почти двадцати четырех часов после воздушной атаки ливийцев, пока котировки ценных бумаг подрастали на 6,66 %, а секстили Марса, Венеры и Рака выстраивались самым идеальным образом, всем стало ясно, что ни Каддафи, ни Рейган, ни Третья мировая война не в силах остановить итальянцев в их погоне за золотом.

Мгновение спустя Эдуардо ответил на звонок Паскуале из отдела ценных бумаг, и тот сообщил, что к ним поступило распоряжение о продаже личных акций генерального директора банка Фердинандо Вентрильи по прозвищу Король. Он продал принадлежавшие ему тринадцать тысяч акций «Аэриталии», возглавляемой его братом. Речь шла о корпорации, внушительным пакетом акций которой отец владел уже давным-давно.

Надо было продавать.

Он достиг вершины. Небесные тела дали ему шанс, и нельзя было позволить алчности ослепить себя. Если Король Фердинандо решил

сразу избавиться от всего пакета акций, мог ли мой отец придумать лучшее решение? Он готов был поспорить, что в течение двадцати четырех часов котировки ценных бумаг обвалятся. Для Эдуардо не имело значения, что там произошло на самом деле и не обменялись ли братья секретными сведениями. Надо было живо избавляться от акций. Наступил лучший день в его жизни.

Он дал отмашку Паскуале, что пора продавать, и тот отправил телексом распоряжение банковскому агенту, находившемуся в биржевом зале миланского Палаццо Медзанотте. 16:39. Эдуардо только что заработал двести миллионов лир. И все благодаря телефонному звонку. Он вытащил чековую книжку и выписал чек на два миллиона самому лучшему своему компаньону – Паскуале, сыну мыловара с виа Дуомо, когда-то взявшего измором дона Джеппино и получившего стиральную машину, которую тот не мог себе позволить. А второй чек, на один миллион, предназначался коллеге из отдела ценных бумаг, попросившему в тот день отгул, – Паскуале всегo-навсего подменял его. «Надо быть щедрыми, когда дело касается богини с завязанными глазами, – любил повторять Эдуардо. – Пусть она и не видит нас, но на хорошие манеры обращает внимание».

* * *

Однажды, уже после выхода Человека-паука из тюрьмы, отец предложил мне навестить дедушку с бабушкой. Я ничуть не удивился, потому что раз в месяц мы обязательно ездили к ним вдвоем, была у меня такая семейная обязанность.

Это всегда происходило субботним вечером. Отец забирал «мерседес» из автомойки, проезжал по огибающей аэропорт дороге и через несколько минут оказывался на окраине Казории, северного пригорода Неаполя, где прошли его холостяцкие годы и куда мои бабушка с дедушкой давным-давно переехали из печально известных желтых малоэтажек Форчеллы. Увядающая избыточность старого города с его перенаселенными вонючими закоулками сменялась иным увяданием, уже не таким жизнерадостным и многообразным, бедняцкого района на полпути между полями, засаженными кабачками, и дорожной развязкой.

Мне становилось дурно от одной мысли о том, что предстоит целовать впалые щеки деда, который из-за глаукомы ослеп на один глаз и давно перестал вставать с кровати. Но отступить было некуда. Я уже вырос, и теперь приходилось считаться с условностями: при встрече следовало звучно, чтобы все слышали, расцеловать дону Джеппино в обе щеки, пока он в ответ целует воздух своими холодными пересохшими тонкими губами.

Дверь открывала моя бабушка донна Амалия, насмешливо улыбалась, тащила меня на кухню и принималась жаловаться на сломавшийся телевизор и грабительские счета за телефон («Вот, посмотри», – говорила она, всучив мне бумажки), а отец тем временем закрывался в комнате деда и брил его.

Через пятнадцать минут дверь комнаты распахивалась, нестерпимый запах одеколona «Деним» тотчас разливался по всей квартире, и меня запускали в спальню. Я устраивался в кресле рядом с дедушкой (достаточно близко, чтобы казаться любящим внуком, но всегда чуть сбоку, чтобы не смотреть в мертвый глаз) и слушал его нудное бормотание, которое не прекращалось вот уже больше десяти лет и которое, к счастью, разбирал хотя бы мой отец, сидевший рядом с ним на кровати.

Я не понимал ни слова. Поскольку какая-то часть этого хрипа могла быть адресована мне, требовался синхронный перевод. Домашнее задание, любимые предметы, футбол. Отец в безличной форме озвучивал мне вопросы донна Джеппино, на которые я всегда отвечал с растерянностью в голосе (отвечал одновременно и больному деду, и ему, потому что некоторые из этих вопросов он сам мне никогда не задавал): домашние задания для мальчика моего возраста стоят на первом месте, любимые предметы – итальянский и футбол, хотя в последнее время мне больше нравится баскет. Баскетбол, дедушка.

Дон Джеппино смотрел на меня здоровым глазом, на лице – жуткая гримаса, которая когда-то давно, видимо, была улыбкой, – и наконец издавал несколько нечленораздельных звуков, однако отец не удосуживался их перевести. Может, то были ободряющие слова, приличествующие случаю комментарии или дедушкины советы. Откуда мне знать, ведь старик говорил на языке мертвых.

Наконец появлялась донна Амалия и избавляла меня от пытки: она приносила стакан шипучки (будучи почему-то уверенной в моей

любви к этому напитку) с неизменным вишневым печеньем, которое специально для нас покупала накануне. Каждый раз мне приходилось сражаться своими хрупкими зубами с сухим комком из песочного теста, а бабушка все так же улыбалась, спрашивала, не хочу ли я еще стаканчик шипучки, и волей-неволей приходилось соглашаться, потому что иначе печенье было не проглотить.

– Говорят, ты связался с бандой, – сказал отец, когда мы возвращались домой тем субботним вечером.

– С какой бандой?

– С Бандой покрышек. Слышал о такой?

– Нет, никогда.

Он покосился на меня, держа левую руку на руле и высунув локоть в окно. Я не отрывал взгляд от дороги – лоскутного одеяла из асфальта, на котором его «мерседес» нещадно трясло. Небо было серым, но безоблачным. *Банда покрышек*. Когда я расскажу Лео, он умрет со смеху.

– Ты точно ни при чем? – не отставал отец.

– Совершенно точно.

Обычно он любил поговорить, больше того – обожал, поэтому самым необычным в те субботние вечера было его молчание. Неважно, шел ли на улице дождь или светило солнце, грустил ли он или радовался, было ли в кошельке пусто или густо, подскочили ли его ценные бумаги в цене или упали до исторического минимума, в присутствии родителей и по дороге домой Эдуардо не произносил ни слова. Только им двоим, Джеппино и Амалии, было по силам заставить его замолчать, каждый раз они заманивали его в ловушку из болезненных воспоминаний о голоде и недугах, как два браконьера – редкую птицу.

– А у нас в районе поговаривают, что стайка мальчишек во главе с *Американцем* наловчилась протыкать шины по заказу Шестипалого, – продолжил он, выезжая на дорогу, огибающую аэропорт.

– Пап, честное слово. Я понятия об этом не имею. – Ты же знаешь, что нельзя врать отцу?

В последнее время он почти не занимался моим воспитанием. Разумеется, когда-то он наметил для меня основные ориентиры, дал рекомендации, проинструктировал, как следует себя вести, но этим его участие по большому счету и ограничилось.

Отец впервые назвал его Американцем. Подросткам крайне редко давали прозвища, только когда взрослые начинали воспринимать их всерьез. С недавних пор в нашем квартале взяли моду называть его именно так. «Ты вроде все тот же, но при этом в тебе появляется что-то новое, – как-то сказал мне Лео. – В наших краях без клички ты никто».

– Сынок. – Отец снова пошел в наступление. Похоже, он был в ярости. – Учти, я за свою жизнь успел наслушаться ложных клятв...

Было ясно, к чему он клонит: я должен перестать водиться с Лео. Отец боялся, что судьба моего друга, с самого его рождения предопределенная криминальной деятельностью Человека-паука, может оказаться заразной. Самым удивительным было то, что отец желал расстроить мою дружбу с Лео по тем же самым причинам, по которым я ею дорожил. Все полагали, что знают, каков на самом деле мой друг и к какой человеческой породе его следует относить, однако в действительности они не знали ровным счетом ничего ни о нем, ни обо мне. Они позабыли, каково это – чувствовать себя заблудшей душой, а ведь это и есть детство – сад, в котором легко потеряться и где никто тебя не найдет, и когда кажется, что надежды на спасение нет, из чахлых зарослей ежевики появляется незнакомец; он крутой и харизматичный, ему на роду написана трагическая судьба, но ты слишком молод, чтобы это понять, ты еще не знаешь, что друзей не выбирают, равно как и родителей или родной город. А для моего отца этот парень и его семья олицетворяли вчерашний день. Кому нужны истории о зове крови, чести и револьверах, когда можно сколотить состояние, просто позвонив по телефону?

– Ты знаешь, каково это – каждый день вставать ни свет ни заря и выходить из дома, не посрав? – спросил он меня. – И каково это – прийти на работу и знать, что следующие восемь часов придется пахать лишь для того, чтобы купить новую покрышку, потому что старую шайка лоботрясов пырнула перочинным ножиком?

Я еле удержался, чтобы не поправить его: ножи мы используем самые настоящие.

– Нет, ты не знаешь, – продолжил он. – Ничего ты не знаешь. Ты просто сопляк и шляешься с другими сопляками, по которым тюрьма плачет. – Он сорвался на крик. – Где ты прячешь деньги, полученные от шиномонтажника, а? – Он протянул руку и принялся обшаривать мои брюки. – Где они?

– Пап, хватит! – завопил я. Он отпустил меня, но «мерседес» повело на середину проезжей части. Если бы в ту секунду по встречной полосе ехала машина, мы отправились бы прямиком на небеса, но отец, к счастью, вывернул руль, подъехал к забору, за которым находился аэропорт, и затормозил.

Отсюда были видны готовые к взлету самолеты. Красные огоньки обозначали взлетную полосу, вдалеке со светящимися маячками стояли аэродромные сигнальщики в ярких жилетах. Смеркалось. Я повернулся к нему. Если бы он не дышал так тяжело, можно было подумать, что передо мной тот же кроткий мужчина, который совсем недавно брил своего старика отца.

– Помнишь мальчика из твоей школы, он еще все время возился с тряпичным пупсом?

– Даниелино Карапуз, – сказал я. – Конечно, я его помню.

– Он не переехал на север, как мы тебе рассказывали.

– Знаю, папа.

Он поднял на меня глаза.

– А ты знаешь, кто взорвал тот поезд? – спросил он. – Кто?

Я вздрогнул. Что-то подсказывало, что ответ мне не понравится.

Самолет проехал полосу до конца, почти до самой ограды, развернулся и остановился в ожидании сигнала. Через несколько секунд мотор взревел, и самолет начал набирать скорость. Еще несколько мгновений – и он был уже далеко.

* * *

Несколько дней спустя я пришел к Американцу в гости, и дверь открыл Человек-паук. Поначалу он меня не узнал. Годы, проведенные за решеткой, подумал я, стерли из его памяти мальчишку с зубной пластиной, на чьих глазах он выбросился с третьего этажа.

Американец жаловался, что после выхода на свободу Винченцо почти не появляется дома. Он точно был не из тех отцов, что водят своего сына и его лучшего друга в зоопарк или забирают их из гостей. Хотя мы и сами не рвались в зоопарк, да и на дни рождения ходили от случая к случаю.

– Ну и? – спросил он, увидев мое вытянувшееся лицо. – Зайдешь или как? Лео уже целую вечность не может отлипнуть от «Сеги»...

Винченцо был в белой майке и рваных джинсах. Высокий, светловолосый и широкоплечий, он занимал весь дверной проем. Он выглядел постаревшим, не таким, как раньше, когда они вместе с Кирпичом хозяйничали на улицах квартала. Пропахший табаком и со спутанной бородой, он смахивал на опустившегося боксера в финале карьеры. Его взгляд был подернут сероватой пеленой. Синие глаза – точь-в-точь как у Лео – потускнели. Ты смотрел в них и будто вглядывался в ночное море, становилось не по себе: это был взгляд убийцы.

– Ты все ж таки обзавелся шикарной улыбкой, – сказал он, провожая меня. – Надо записать номерок твоего дантиста.

Я покраснел, сердце бешено заколотилось. Мне вдруг вспомнились слова отца, и я испугался, оттого что оказался наедине с этим человеком.

Мы вошли в комнату Лео.

– Подыграй мне, – шепнул Человек-паук.

Вот уже несколько недель Лео не отрываясь играл на приставке «Сега Мега Драйв» в «Ежа Соника». Вот и сегодня он был до того поглощен блужданием по планете Мобиус и поисками восполняющих энергию Изумрудов Хаоса, что не обратил на нас никакого внимания.

– Ле, – тихо позвал его отец, закуривая «Лаки Страйк». – Тут пришел твой друг из квартиры снизу.

– Винчэ, он уже давно здесь не живет, – ответил Американец, до предела выкручивая джойстик, и обратился ко мне: – Здорóво, старик. Знаешь, что я обнаружил?

Я посмотрел на экран телевизора. Превратившись в Суперсона, еж стирал врагов в порошок одним прикосновением светящейся сферы.

– Что?

– Приглядиись к ботинкам Соника. Что они тебе напоминают?

Я недолюбливал этого антропоморфного ежа.

– Ничего они мне не напоминают.

– Ну как же! – возбужденно запротестовал он. – Похожие были в клипе «Bad». Это дань уважения Майклу Джексону! Помнишь их?

– Я не особо в них вглядывался.

Человек-паук улыбнулся мне и поманил, чтобы я подошел поближе. Я не понял, чего именно он хочет, но, вероятно, угадал его план, потому что, когда я положил руку на плечо Лео и он повернулся, Винченцо налетел на него с другой стороны и повалил на ковер. – Давай быстрее! – закричал он. – Зададим засранцу жару!

В голове промелькнула мысль, что этот вечер никто из нас не переживет.

Не обращая внимания на возмущение сына, который не успел сохранить игру, Человек-паук принялся щекотать его и кусать за руки и за ноги. У Лео перехватывало дыхание от боли, но он не мог сдержать смеха и то и дело поскуливал. «Пожалуйста, прекрати!» – молил он отца. Хотя невооруженным глазом было видно, как им весело.

– Пацан, не стой столбом! – позвал Винченцо. – Будешь мне помогать или нет?

Пришлось отвоевывать пространство в рукопашном бою. Я был союзником Человека-паука, к тому же он сам позвал меня на подмогу, так что я воспользовался случаем и немного помял Лео бока. Тот возмутился из-за численного перевеса:

– Так нечестно! Только ублюдки дерутся вдвоем против одного!

– Ну же, давай! – подначивал меня Винченцо. – Или ты лишь кулаками махать горазд?

Расстановка сил резко изменилась. Человек-паук решил, что союзник я никудышный, придавил меня к полу – хватка у него была что надо, от нее и стокилограммовый мужик не смог бы освободиться, не говоря о нас, – и теперь кусал нас обоих. Было больно, но мы смеялись до слез и порядком расстроились, когда зазвонил телефон и он отпустил нас, чтобы ответить.

Мы так и остались сидеть на полу, прислонившись спиной к кровати. Лео взял из пепельницы забытую отцом сигарету, затянулся и передал ее мне.

– Оставь мне немного, – попросил он.

Если письменные пересказы, которые задавала учительница итальянского, не были его сильной стороной, в табакокурении он достиг определенных высот. Он единственный, кто, наплевав на мнение взрослых, курил в средней школе.

– Ну и силища у твоего отца. – Я вернул ему сигарету, сделав пару затяжек.

Какое-то время мы поизучали следы от укусов на наших руках, потом Лео осенило, как уничтожить Доктора Эггмана, а я глубоко задумался. Я был в замешательстве.

Я находился дома у одной из *тех самых* семей и только что играл с безжалостным убийцей. Кроме того, по всеобщему мнению, мой лучший друг был уголовником, по которому тюрьма плачет. А у меня в родне никто никогда не закладывал бомбу в поезд и не сидел в тюрьме. Отсюда ясно, что мы хорошие, а они плохие, только вот хорошие никогда так не веселятся, точнее – они вообще не веселятся.

* * *

– Твоя мать американка, значит, ты полукровка. Как Ричи.

– Моя мать американка, но ее родители – итальянцы. Родись я в Америке, был бы полукровкой.

Лео закурил и продолжил изучать улицу.

– Ты мне еще не рассказал, как тебе удалось осилить это задание, – сказал он.

– Все просто. Я прочитал книгу, а затем написал пересказ.

– Только педики говорят «затем».

– При чем тут педики?

– Действительно, ни при чем. Так говорят самые настоящие педрилы. Столько переживаний из-за какой-то там байки про патриотов. – Он повернулся и выдохнул дым мне в лицо. – Эти «Мои темницы»^[12] – скучища смертная. Старик, ну почему ты такой зубрила? Пригнись!

Фары проезжающего мимо фургончика осветили машину, за которой мы прятались. Холод пробирался под толстовку, от усталости я не чувствовал ног. Мы прошли несколько километров в гору под мелким унылым дождичком, извилистая виа Понти Росси казалась

серпантинном одиночества, по которому мы брели, как бродячие псы в поисках кости. Лео высунулся в сторону обочины и огляделся: кругом стояла непроглядная тьма.

– Надо было доделать пересказ по главам и сдать его Де Рома, – сказал я, оправдываясь. – И мне нравится Сильвио Пеллико.

– По мне, так лучше полукровки. – Сигарета повисла у него в углу рта. – Как называлась та тюрьма?

– «Шпильберг».

– Мурашки по коже от этого названия. Но я до сих пор поверить не могу, что ты забыл нож.

Я натянул на голову капюшон.

– Я его не забыл. Я так понял, что он понадобится только завтра.

Царившую на холме тишину пререзал свист, и мы чуть привстали, чтобы лучше видеть улицу через боковые окна машины. На противоположной стороне, на тротуаре, колыхалась какая-то тень. Американец бросил сигарету на землю, раздавил ее правой ногой и свистнул в ответ. Тень успокоилась и продолжила свой путь.

– Мы встречаемся на пригорке? – спросил он.

– Откуда я знаю, если ты мне даже не сказал, что мы сегодня идем на дело?

– Господи, иногда ты ведешь себя как идиот.

Налево уходил узкий проход, не шире трамвайных путей. Когда до пригорка (кучи из мусора и металлолома) оставалось всего ничего, показался коренастый силуэт нашего сообщника. Его звали Марко, но в школе он был известен как Маркетьетелло, отчего казался мне еще отвратительнее. К сожалению, без таких людей мы бы не справились. С ножом я управлялся не слишком ловко и не раз в последнюю секунду, когда мне не хватало смелости воткнуть лезвие в крышку, подводил ребят. В такие моменты я обычно вспоминал откровения моего отца о том, каких жертв ему стоила покупка первых машин. Все эти векселя, задатки, датированные более поздним числом чеки, дамкловым мечом висевшие над его текущим счетом...

– Ты опоздал, – отчитал Американец Маркетьетелло. – Мы договаривались на шесть.

Тот пожал плечами и попросил сигарету, Лео прикурил сразу две и одну протянул ему. Маркетьетелло показал на меня:

– Он не курит?

– Ему тринадцать.

– Ну и чё? Я в тринадцать уже всю смолил.

Я терпеть не мог Марко. Его острые зубки и десны как у грызуна действовали мне на нервы. Так и хотелось двинуть ему. Он вел себя как бывалый головорез, но все знали, что отец – оптовый торговец оливковым маслом, нажившийся на тендере от больницы Кардарелли, – называл его Маркино, а не Маркетъелло, и это была серьезная проблема, поскольку уменьшительноласкательные прозвища в нашем квартале не жаловали.

Мы последовали за ним до места, где ограда парка Вилла Тереза выдавалась в поле, перелезли через нее и с хрустом приземлились на кучу пожелтевших листьев. Подняв глаза, я увидел свисающую с верхушки стены колючую проволоку.

Это место называлось «Кемпинг» – оазис в черте города, где каждый вечер многоэтажные громады на холме Каподимонте заглатывали своих обитателей. Здесь было влажно и тихо, кругом дубы, припаркованные автомобили, наблюдающие за входами охранники. Если местный житель, проснувшись утром, обнаружил бы проколотое колесо, то первым шиномонтажником в радиусе трех километров, к которому он мог обратиться, оказался бы Шестипалый.

Маркетъелло указал на прореху в проволочном ограждении:

– Тут мы пролезем и пойдём направо вдоль стены. Пацаны, умоляю, крадитесь тихо, как мыши. Здесь охрана повсюду.

Мне казалось омерзительным, что Маркетъелло в обмен на небольшой процент от нашего вознаграждения вызвался помочь проникнуть на территорию, где жила его семья. Полагаю, Лео думал так же.

Я прошмыгнул через проволоку последним и, прижимаясь к стене, последовал за ними. В полной темноте мы гуськом добрались до парковки, заставленной машинами, – беззащитные, они сверкали своим металлическим блеском под нашими варварскими взглядами. Лео выдвинул лезвие ножа. Маркетъелло тоже достал нож и недоумевающе посмотрел на меня.

– А ты чего? – шепотом спросил он.

– Я свой дома забыл.

Его недоумение сменилось торжеством, с ухмылкой он повернулся к Лео:

– Этот педрила хоть на что-нибудь способен?

– Ну что тут скажешь, обделался со страху...

С этими словами Американец начал охоту на покрышки.

Я никак не мог понять, почему он так сказал. Во-первых, я не страдал никакими кишечными недугами. Во-вторых, я был уверен, что вылазка в парк Вилла Тереза назначена на другой день. И в-третьих, Лео никогда себя так со мной не вел, по крайней мере на людях.

Прежде чем я успел возмутиться от такой несправедливости, Американец с Маркетьелло уже ринулись в бой. Они все делали по науке. Каждой шине доставалось три удара по самую рукоять: первый взрезал протектор, второй приходился на боковину покрышки, третий по диагонали рассекал камеру от самого ее края. Движения доведены до автоматизма, решимость – как у тореро.

Маркетьелло указал на серый «мерседес» той же модели, что и у моего отца, только этот был с тонированными стеклами и не такой ухоженный.

– Возьми на себя вон ту, – шепнул он Американцу, пока я нервно оглядывался. – Поцарапай ему капот.

Дважды повторять не пришлось, Лео метнулся к автомобилю. При взгляде на него сразу становилось ясно, что им движет не только примитивная жажда наживы. Ему все это по-настоящему нравилось.

Мне стало совсем дурно, когда я понял, что он уродует машину торговца оливковым маслом. Так милый Маркино восстал против отцовского авторитета и окончательно превратился в Маркетьелло, вдохновившего Американца на изображение огромного фаллоса, который тот сейчас с безжалостной точностью процарапывал ножом на дверце автомобиля.

Наконец Лео закончил, и мы тотчас дали деру. Пробрались через колючую проволоку и вернулись туда, где ранее обсуждали Сильвио Пеллико. Пришло время расчетов, и тут все пошло наперекосяк.

Маркетьелло потребовал расплатиться с ним чистоганом. Впервые за все время нашего знакомства Американец не смог с лету навязать свою волю. Он объяснил, что денег у нас еще нет, Шестипалый

рассчитается с нами только завтра, так всегда было заведено, и никто не жаловался.

– Я хочу получить свои деньги, – повторил Маркетьелло. – Или ты мне их отдаешь, или я иду к охранникам и все рассказываю.

Как я понял из слов отца, тот факт, что Шестипалый нанял нас поставлять ему клиентов, не был такой уж тайной, но во взгляде Лео я прочитал, что огласка чревата неприятностями. Маркетьелло покосился на меня.

– К тому же этот придурок ничего не делал, только глазел. Он даже нож не взял. Если я должен ждать свои бабки до завтра, то гони мне еще и половину его доли.

Поняв, что я ничего не сделаю, чтобы постоять за себя, Американец велел подождать его на первом повороте, метрах в ста от них.

Я отошел, чувствуя, что отваги во мне как у боксера в нокауте. Я ненавидел Маркетьелло, ненавидел себя, но больше всего я ненавидел Лео, который заявил, что я обделался, а теперь унизил, не дав мне стать свидетелем заключения нового пакта между ним и сыном маслоторговца.

Но до нового пакта дело не дошло.

Повинуясь его приказу, я демонстративно зашагал прочь, натянув на голову капюшон толстовки, но на ходу обернулся и увидел, что Американец мертвой хваткой зажал голову Маркетьелло, вытащил из кармана и приставил к его горлу нож.

Лео заявил, что я его партнер, а партнеру полагается равная доля.

Еще он сказал, что Маркетьелло должен передо мной извиниться, и если до завтра он этого не сделает, то может забыть о деньгах.

Наконец ослабив хватку и с силой толкнув Маркетьелло на капот машины, он сказал, что никогда не встречал большего сукиного сына, и добавил:

– Может, мой друг и не умеет орудовать ножом, но он точно не такой слабак, чтобы просить кого-то расцарапать за него машину своего папаши.

Когда Американец подошел, я с невозмутимым видом сидел на ступеньках, хотя внутри меня все ликовало после такой демонстрации дружеских чувств. Он скомандовал мне следовать за ним, и мы побежали, так как уже опаздывали.

Взмыленные, несколько минут спустя мы уже были в своем районе.

– Ты должен научиться защищаться, – выдохнул он, сложившись пополам от одышки. – Мы живем в джунглях. Здесь есть хорошие и плохие, но плохие всегда будут брать верх, даже если их меньше, потому что злоба – это липкая слюна, которая склеивает нас всех вместе без разбору. Кругом полно психов. И ты даже не можешь открыть клетку и сказать им «выходите», потому что сразу кто-нибудь пнет тебя в спину и запрет внутри.

Дух дышит, где хочет

1992–1995

Летние месяцы были наполнены счастьем,
в них не было места страху.

Черный Лось

Падая, он понимает, что в револьвере его убийцы есть что-то знакомое. Золотой отблеск. Миниатюрная лошадка, вставшая на дыбы, напоминает ему об американском городе, где он был счастлив в свои двадцать с небольшим лет.

Он всегда неплохо ориентировался в любой ситуации. Даже сейчас, несмотря на шесть пуль где-то между грудной клеткой и головой, он способен оценить всю иронию этого совпадения. От холода зуб на зуб не попадает. Так темно, что невозможно отличить дорогу, ведущую к дому, от той, что ведет в небытие.

Кольт, думает он. Кольт «Питон» 357-го калибра.

Вот и первые зеваки, привлеченные выстрелами и не поддавшиеся панике. Кто-то узнаёт его.

– Это Винченцо! – восклицает склонившийся над ним человек, лица которого он не видит. – Винченцо Макулатурицик! – повторяет он. – В Винченцо Макулатурицика стреляли!

Снова это прозвище. Как обидно, думает он, лишиться звания супергероя перед самой смертью.

Людей становится больше. Человеческие крики, которые ничего для него не значат. Он знает, о чем все думают. Они думают, что он выкарабкается, потому что именно в это верят никогда не убивавшие люди: никто не может умереть вот так, прямо на моих глазах. – Винче, ты слышишь меня? – ласково шепчет голос. – Не отключайся, Винче, скорая уже едет.

Кровь из ран все льется на тротуар, собираясь в лужицы, от них исходит жар, который растапливает вечернюю сырость.

Я слышу тебя, думает он, но трагедия в том, что я умираю и даже не знаю, кто передо мной. Потом его лицо искажает судорога, и рот наполняется кровью – последняя усмешка перед смертью.

* * *

В день, когда умерла музыка, баночки с гелем остались закрытыми, видеоигры – выключенными, автомобильные покрышки – нетронутыми. Все остановилось. Никакого Ричи Валенса, никаких индейцев. Никакого капитана, никакого матроса. Лео было шестнадцать – в этом возрасте отказываются от отцов, чтобы отправиться на поиски новых. Его же лишили такой возможности, и отныне ему суждено было вечно лелеять воспоминание о сильном, светловолосом и молодом мужчине. Образ героя, который бежал от правосудия, прыгнув с балкона, во многом соответствовал заламинированной фотокарточке усопшего – Американец по любому поводу доставал ее из портмоне, прикладывался к ней губами и осенял крестным знаменем, воздавая дань уважения отцу.

Слеза по умершему высохнет, цветок на могиле завянет. А молитва доходит прямо до сердца Господа Всемогущего^[13].

Мама согласилась пойти со мной в церковь, но отец уперся и заявил, что ноги его сына не будут на похоронах каморриста, поэтому я закрылся в своей комнате и, чтобы хоть чем-то себя занять, погрузился в книгу о бойне на ручье Вундед-Ни^[14].

На самом деле втайне я был ему благодарен за этот решительный запрет: похороны нагоняли на меня тоску. При одной мысли, что придется выражать соболезнования кому бы то ни было, я впадал в уныние. Я слишком хорошо знал Пинуччу и Американку, чтобы ограничиться приличествующими случаю словами, но знал их слишком недолго, чтобы иметь право промолчать. Кроме того, надо было подойти к Лео, прошептать о своей скорби и сделать вид, что я испытываю хотя бы тысячную долю того, что чувствует он. Наши

отношения были предельно искренними, и у меня не хватило бы духу на такой спектакль.

Потом говорили, что в церкви собралось не так уж много народу. Никаких громил в двубортных пиджаках или катафалка с шестью лошадьми, лишь скромная церемония с траурными венками, родственниками жертвы, несколькими монахинями-бегинками и двумя-тремя приبلудными бездомными, которые Винченцо никогда в глаза не видели.

Дон Карло отслужил мессу быстро, бесстрастно и без лишних слов. Многих прихожан удивила его отзывчивость. В прошлом он уже отказывался освятить погребение мафиозного босса и не единожды осуждал с амвона каморристов, установивших господство в квартале. Кто-то ехидно предположил, что на этот раз он не мог себе позволить подобную резкость. Американка создала с нуля столовую для бездомных, без нее новаторские планы священника остались бы мертвой буквой.

На кладбище Лео не проронил ни слова и не пролил ни слезинки. До самого конца церемонии он безотрывно смотрел на гроб, даже когда служители совершенно бесстрастно – словно конверт в почтовый ящик – опустили его в могилу.

– И что теперь? – спросила Пинучча у представителя архибратства. – Что мой отец будет делать там внизу совсем один?

В квартале ходили слухи, что после выхода из тюрьмы Винченцо впал в немилость. Другие подозревали, что он стал перебежчиком, то есть предал свой клан, чтобы примкнуть к другому. Третьи предполагали худшее – сделку со следствием и донос на друзей. Поговаривали, что после тюрьмы есть только два пути: восстановить прежний порядок или раскаяться. Восстанавливать прежний порядок Человек-паук не стал.

Все это наводило на мысль, что убийство было спланировано его соратниками. Слова шелестели, как ветер, и гремели, как приговор: Кирпич не пришел на похороны, не прислал цветы, не выразил соболезнования вдове. Если подумать, я повел себя в точности как он.

С Лео мы встретились не так скоро, как хотелось бы. Прошло три месяца. Большую часть времени он провел с матерью и Пинуччей у родственников в Коннектикуте. В конце лета, незадолго до начала учебного года (я поступил в гимназию, а Лео светил бухгалтерский

учет в техникуме), я пришел к нему в гости и сразу почувствовал, что этот перерыв в общении навсегда изменил нашу дружбу.

На его лице не осталось и следа бывшего куража. Из Штатов он вернулся бритым наголо и более мускулистым, чем раньше. Я тоже изменился. Я никогда бы не признался ему в этом, но меня согревала мысль, что убийца Даниелино отправился на тот свет.

– Почему ты не пришел на похороны? – спросил он после непривычного для нас обмена любезностями.

– Я не смог. Ты знаешь моего отца.

Произнося слово «отец», я почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Его еще можно произносить? Мы помолчали, Лео подошел к окну, откуда мы однажды швырялись апельсинами и разбили вдребезги балконные окна в доме напротив.

– Люди безжалостны, – сказал он. – Твой отец задирает нос, хотя точно так же живет в этом дерьмовом районе, как и все остальные...

Мы никогда не воспринимали Эдуардо как помеху нашей дружбе, потому нам удавалось обходить все подводные камни. Лео понимал, из какой я семьи и из какой он. Это упрощало жизнь нам обоим. Умение с легкостью отличать добро от зла не мешало нам совершать зло или считать его более притягательным, но напоминало, как устроен этот мир. Теперь же все изменилось.

Пока Американец смотрел в окно, меня осенило. Проблема не в том, что мой отец задирает нос и называл клоакой дом, где мы жили всего несколько лет назад, и не в том, что мой отец был жив, а отец Лео нет.

Проблема заключалась в том, что для Лео между добром и злом больше не было никакой разницы.

* * *

Потягивая кофе – наверное, это была его восемнадцатитысячная чашка за все время работы в Банке Неаполя, – мой отец вместе с Паскуале Соммой пытался проанализировать причины, по которым они с недавних пор несли убытки.

– Беда надвигается со стороны Милана, – пробормотал сын мыловара. – Она как чума. Раньше, чем ты думаешь, она обрушится и на нас...

– Даже не думай, Паска́, – возразил Эдуардо. – Все пройдет. Как и любая эпидемия, она соберет свой урожай и отступит.

– А кто сказал, что это не мы с тобой загнемся?

Кофейные чашки замерли на блюдечках. Как всегда, обжигаяще горячие. Отец заметил, что Паскуале не оставил парню за стойкой традиционные двести лир на чай. Только глупцы так поступают, подумал он, верят, что могут остановить лавину, дуя против ветра. Только дурак зажимает в кармане двести лир, когда теряет состояние на «голубых фишках».

– Эти судьи понятия не имеют об ответственности, – продолжил Паскуале. – Нельзя так просто крушить все без продыху. Что ж теперь, за пару взяток уничтожить всю систему?

– Успокойся, Паска. Все под контролем.

– Эдуа, если так будет продолжаться, нас с тобой оставят на бобах. Что случилось с Христианско-демократической партией? Еще месяц назад эту четверку семинаристов разделявали под орех в главном управлении, они приходили и уходили вместе с нами, как обычные работяги. А теперь что?

В барийский филиал попадали только по команде сверху. Никаких махинаций через профсоюз или руководителей – ты мог стать «барийцем», лишь заручившись поддержкой какого-нибудь политика. Желательно из христиан-демократов. Об этой подробности из прошлой жизни мой отец не любил вспоминать.

Весной 1974 года за рекомендациями для молодого студента-экономиста, сына слепого на один глаз бывшего железнодорожника и домохозяйки, большой любительницы шипучки, отправился мой дедушка по материнской линии, в миру Тонино Гарджуло, оптовый торговец мясом из Романьи, симпатизирующий доротеятам^[15]. Как только был объявлен конкурс на замещение двухсот одиннадцати должностей в банке, он прихватил с собой пять килограммов бифштеков и заявился в кабинет нужного депутата.

Завершая недолгую беседу, во время которой он вспотел и потому опасался, как бы не выскользнул зажатый под мышкой сверток с мясом, дедушка со всей искренностью ответил на вопрос о юном экономисте:

– Мама и папа у него убежденные фашисты. На последних выборах он голосовал за либералов, но на следующих уж точно примкнет к

нашим.

– За либералов? Анто́, ты кого нам здесь расписываешь? Может, у него еще и частная собственность есть?

– К сожалению, нет. У парня из либерального только идеи.

Депутат-доротеец едва заметно улыбнулся и добродушно помог Тонино выбраться из неловкого положения с его пятью килограммами бифштексов:

– Анто, ты что учудил? У тебя вся рубашка перепачкана!

Дедушка оглядел себя. Романьольские бифштексы превратили разводы от пота в кроваво-красное пятно. – Не волнуйтесь, здесь чистое филе, в нем ни грамма жира, – заверил он, не теряя присутствия духа. И чуть не поклонился, выходя из кабинета. Секретарша протянула ему лист бумаги, на котором дедушка трясущейся рукой написал имя, фамилию и дату рождения моего отца.

– Что случилось с Христианско-демократической партией? – с жаром повторил Паскуале. – Что случилось с этой четверкой семинаристов?

Отец подумал, что сын мыловара ревет, как осел, поэтому в свои сорок шесть он и ездит на убогом «фиате крома». Однако он прав. Без конца откладываемая приватизация, девальвация, максимальная процентная ставка казначейского векселя на протяжении вот уже десяти лет, абсурдный маневр со ста триллионами лир... Они ничего не контролировали. И вообще вся эта история с «Взяткоградом»^[16] уже в печенках сидит.

– Наверняка думают о своих проблемах. Или о проблемах Кракси.

– Если политики нас кинут, все полетит к чертям.

– Паска?

– Что?

– Чаевые. Ты забыл оставить на чай.

Паскуале с недовольным видом опустил руку в карман своего антрацитового пиджака из ткани «Принц Уэльский», вытащил монету в двести лир и бросил ее на стойку. Бариста с благодарностью взглянул на моего отца.

– Пора менять политику наших инвестиций, – сказал Эдуардо. – Давай не будем мелочиться.

Он задумчиво посмотрел на монету и с сожалением подумал обо всех чаевых, которые не будут получены, если вовремя не остановить эту эпидемию. Двести лир здесь, двести там, и все может рухнуть.

* * *

Пока отец каждый вечер хватался за голову, сидя перед телевизором и слушая, какое апокалиптическое будущее ждет нашу страну, в мою жизнь ворвалась Катерина. У нее были длинные золотистые волосы, высокий лоб и опаловый цвет лица, не скрывавший проступающие на скулах сосуды, вдобавок к этому прилагалась беззастенчивая чувственность. Катерина красила свои длинные ногти лаком – ни одна девчонка в гимназии на это не отваживалась, – что я находил очаровательным, а все остальные – вульгарным. Как и в предыдущие два года, все шло к тому, что экзамены она не сдаст, но, казалось, ей наплевать. Задания в классе и контрольные она игнорировала, ее единственной целью было в совершенстве владеть итальянским.

Она всегда опаздывала и влетала в класс взволнованная и с размазанным макияжем. Выйдя из школы, вспархивала на мотоцикл – не свой, а какого-нибудь парня. У меня каждый раз замирало сердце, когда она устраивалась на сиденье и руками обхватывала за пояс очередного счастливица. Тут у меня шансов не было.

Родители не поддавались даже на мои мольбы о плохоньком подержанном мопеде «пьяджо си».

Девочки ее обожали, потому что хотели быть как она, мальчики мечтали о ней, жаждали потерять с ней девственность, но для четырнадцатилетних подростков, корпевших над переводами с латыни, эта перспектива была недостижима, хоть лопни от злости. Оставалось только подолгу разглядывать ее на уроках, запоминать, как она качает головой или постукивает ногтями по парте, а потом возвращаться домой и справляться с обуревающими чувствами своими силами.

Это благодаря ей я пригласил на свой день рождения гораздо больше людей, чем обычно. Чем чаще она, такая раскованная, появлялась в школьных коридорах в своих «конверсах», тем непринужденнее и

приветливее становились остальные девочки, а значит, и мальчики вели себя посмелее и поумнее. Катерина была носителем духа эмансипации.

Она переехала с родителями из Греции около двух лет назад. Поговаривали, что ее отец, остеопат, творит чудеса. Мать у нее была актриса. Жизнь в Афинах им наскучила, и они остановили выбор на Италии, а именно на Неаполе – «самом европейском городе в Средиземноморье». Так я открыл для себя, что люди снимаются с насиженного места не только ради работы или карьеры, но и чтобы просто увидеть мир, и что есть такие – кстати, их немало, – кто не боится все потерять, не мечтает сколотить состояние любой ценой и купить шикарную машину. Для меня это было до того революционное открытие, что я чувствовал себя чуть ли не Коперником.

Как и все остальные, я любил ее и, будучи подростком, полагал, что моя любовь уникальная, куда более романтическая, мучительная и беспощадная, чем у других. И благодаря Катерине я понял, что вера в собственную неповторимость – это заблуждение, которое порождает лишь монстров одиночества.

Моей первой *бузукией*^[17] стала дискотека в районе Вомеро. Заведение было итальянским, но раз в месяц хозяева устраивали вечера для молодежи из греческой общины. Я даже не думал, что в Неаполе так много греков. По словам Катерины, к иммиграции молодых людей чаще всего побуждали трудности с поступлением в греческие университеты, где мест на факультетах катастрофически не хватало.

К своему удивлению, я обнаружил, что бóльшая часть заезжавших за ней парней были студентами медицинского или биологического отделения, отпрысками скотоводов, живших на границе с Болгарией, которые в жизни не видели Парфенон.

– Мои родители хотят, чтобы я гуляла с кем-то из местных, – призналась она за несколько дней до того, застав меня врасплох во время перемены, когда я хрустел сухариками со вкусом ветчины. – Иначе в следующую субботу меня не отпустят в бузукию.

Я остолбенел. Даже такой тормоз, как я, догадался, какой редкий шанс мне выпал.

– Почему ты не попросишь какую-нибудь подружку пойти с тобой? – спросил я.

– Если я пойду на вечеринку с девчонкой, они сразу поймут, что я вру.

– Я тебе нужен для прикрытия?

Катерина изобразила недоумение, но ее зеленые глаза излучали загадочный свет, они, казалось, говорили: а для чего же еще ты мне нужен?

– Ты не похож на остальных мальчиков из класса. Не маменькин сынок.

– На самом деле я самый младший в классе.

Так оно и было. Многим ребятам уже исполнилось пятнадцать.

– Здесь все меня младше, – возразила она. И это было правдой: оставшись на второй год, она оказалась старшей в классе.

– Может, я схожу с тобой?

Произнося эти слова, я понимал, что есть всего три способа попасть субботней ночью в Вомеро: поехать туда и обратно на такси (и потратить все карманные деньги, накопленные за две недели), попросить отца отвезти меня (и наверняка опозориться перед Катериной и ее друзьями) или позвать с нами Лео.

Родителям я честно сказал, что отправляюсь танцевать сиртаки, но умолчал, что еду туда на «калиффоне» – мопеде Лео. На подъеме в горку он, по своему обыкновению, заглох, поэтому добрались до места мы с огромным опозданием, когда греки уже влезли на столы, а пол бузукии был устлан лепестками цветов.

В главном зале закончился свежий воздух, пахло потом. Когда мне удалось разыскать в толпе Катерину, она сразу схватила меня за руку и потащила в угол небольшого зальчика, где попросила попозировать вместе с ней, чтобы ее подруга нас сфотографировала.

– Теперь у меня есть доказательство для родителей, что ты взаправду существуешь, – довольно заявила она, не удостоив Лео даже взглядом. Я здесь был всего лишь статистом.

Я представил себе, как афинский остеопат и его красавица жена в замешательстве разглядывают фотографию, на которой их дочь стоит

рядом с хилым подростком в очках-авиаторах. Будь они посообразительнее, тотчас догадались бы, что алиби из меня никудышное, хуже любой закадычной подружки. После фотосессии Катерина сразу обо мне забыла и вернулась к подругам с накрашенными ногтями, но и вполтину не таким красивым, как она.

– Подружка у тебя настоящая шлюха, – шепнул мне на ухо Американец, пока мы смотрели, как она, уже навеселе, чувственно двигается в центре танцпола. – Не понимаю, зачем ей такой неудачник, как ты.

– Она просто попросила ее выручить, и все, – разозлился я.

Лео улыбнулся. После убийства отца он не только брился наголо, но еще и ходил в солярий. Уверен, что в некоем темном закоулке его мозга эти две вещи были связаны с тем человеком, которым он намеревался стать. Но что это был за человек?

Как в видеоиграх, на которых мы выросли, он постепенно обзаводился новыми доспехами, обретал силу и опыт на пути к финальной битве с монстром. Хоть мы это никогда не обсуждали, я был уверен, что его главный враг выглядит точь-в-точь как Кирпич – человек, который убил (или, что вероятнее, приказал убить) его отца. Так чего же он ждал?

Загорелый, он казался старше своих лет, у нас в школе таких называли пижонами. И как ни крути, во всей бузукии сейчас лишь его глаза живо блестели на фоне однообразного дискотечного иступления. Меня задело не слово «неудачник», а то, что он осудил Катерину, не зная ее.

– Признайся, ты просто хочешь с ней переспать, – хохотнул он. – Ладно, пойдем выпьем по водке.

Не так давно он сошелся с новой компанией, где все были старше меня и гораздо отчаянней. В выходные они всей толпой мотались по дискотекам на окраинах Неаполя – экзотические названия вроде «Империи», «Гаваны» и «Май той» яркими вспышками расцвечивали его рассказы о сумасшедших гонках на машинах, ночных потасовках, крепком алкоголе и развлечениях с девчонками до самого рассвета. Эти подробные отчеты преследовали вполне конкретную цель – установить непреодолимую дистанцию между нашими жизнями.

Мы виделись все реже и уже не страдали из-за этого, как раньше. Порой между встречами проходило по несколько дней. Когда мы все

же куда-то выбирались, то по привычке называли друг друга «старик» и «Американец», но это было уже не то.

Я залпом проглотил прозрачную жидкость, и мой желудок будто прожгло насквозь. Несколько минут мы просто стояли и наблюдали за неистовствующей толпой, которая накатывала на нас волнами. Нам никак не удавалось в ней раствориться. Вид женских тел обжигал меня не хуже водки. Повсюду, куда ни посмотри, греки боролись за всеобщее внимание: танцоры по очереди выходили из круга в центр танцпола, а гудящая толпа подбадривала их и осыпала лепестками. Девушки визжали.

– Сюда! – крикнула Катерина. – Марчелло, сюда! – Она жестом подозвала нас.

Я оглянулся на Лео, и мы двинулись в ту сторону, где толпа сжималась все плотнее. В эту самую секунду поднялась целая волна из рук – в такт музыке все махали в сторону парня лет тридцати, скакавшего посреди танцпола. Преодолеть эту стену из людей было так же трудно, как пробраться через густой лес ночью в горах.

– Это Лео, – сообщил я, выпутавшись из клубка человеческих тел. Неутихающие крики изливались на танцора. – А это Катерина.

Они обменялись ничего не выражающими, равнодушными взглядами. По какой-то неясной причине мне стало неловко.

– Вы уже заправились? – спросила она. Заметив мое замешательство, она инстинктивно повернулась к Лео, и тот кивнул.

– Я смотрю, вы тут веселитесь не по-детски, – заметил он.

Они снова обменялись взглядами, на этот раз уже не такими равнодушными. Скорее, наоборот. На смуглом лице Американца проступила улыбка. Катерина улыбнулась в ответ. Похоже, пришла ее очередь раствориться в синеве его глаз.

Мне стало не по себе, но тут пол под моими ногами завибрировал, как будто началось землетрясение. Я обернулся и увидел, как сильно раскачивается лес из поднятых рук. Круг стал смещаться в нашу сторону. На этот раз в центре оказался темпераментный мужчина средних лет. Вроде уже немолодой, он так лихо стал отплясывать сиртаки, что развеселая толпа сразу заколыхалась в ответ. Опасаясь, как бы меня не сбили с ног, я решил не сопротивляться, и меня потащило сначала вперед, потом назад, все дальше и дальше. Наконец

я оказался там, где музыка не гремела столь оглушительно, и огляделся, разыскивая Лео с Катериной, но они исчезли.

Первое, что я ощутил, – как пересохло в горле. Поэтому, вместо того чтобы пойти их искать, я прорвался к бару и залпом осушил вторую в моей жизни стопку водки. Чем активнее я пытался выбраться, тем крепче толпа удерживала меня в своих недрах. Я оказался в лабиринте без выхода. Я запаниковал и заметался, как лев в клетке, вслепую прокладывая себе дорогу и не заботясь, на кого или что я наступаю. Пара греков постарше толкнула меня, другие обругали: «*Malaka! Malaka!*»^[18], наконец я оказался на внешней стороне круга, где чьи-то руки подхватили меня и вытолкнули на танцпол.

Я вылетел прямо в объятия к темпераментному типу. На миг его довольное лицо омрачилось. «*Malaka! Malaka!*» – продолжали скандировать голоса, словно доносившиеся из другого мира. Мужчина перестал танцевать, дождь из розовых лепестков залепил мне глаза – и все покатались со смеху.

По лесу рук пробежал очередной электрический разряд, и на миг в заслоне из человеческих тел открылась брешь, в глубине которой я увидел, как Лео и Катерина поднимаются по лестнице, ведущей на улицу. Вышибала поставил им на руки печати. А люди вокруг всё продолжали кричать, подзадоривая меня.

Я ненавидел их всем своим существом, и при этом никогда раньше я не чувствовал себя таким счастливым. Необъяснимая эйфория. Тогда для меня не было ничего правильнее и разумнее, чем сближение двух людей, которых я любил больше всего на свете.

* * *

Вернулись счастливые деньки, и мы ненадолго поверили, что сможем жить так вечно. Большую часть времени мы проводили вместе – Лео, Катерина и я – и расставались, только когда они уходили заниматься любовью в обветшалый полуподвал, где остеопат хранил свой рабочий хлам: старые матрасы, покрывала и медицинские халаты. Я знал, где он находится, и при желании мог туда незаметно пробраться, но Лео всыпал бы мне по первое число.

Мы жили как одна семья, и я играл в ней роль сына. Думаю, прекрати я постоянно за ними таскаться, Американец бы не расстроился, но Катерина ревностно искала моего общества, и не было такого приключения за пределами алькова, в котором я бы не участвовал. Я втайне продолжал мечтать о ней и так иступленно ласкал себя, что ладони потом долго горели. Я чувствовал себя виноватым. У меня сформировался своего рода эдипов комплекс по отношению к девушке лучшего друга.

Тем не менее я чувствовал себя в безопасности. Пусть вход в полуподвал мне и был заказан, я не сомневался, что они чувствуют то же самое. Без них я был полным ничтожеством, любая мелочь могла ранить меня или оказаться смертельной, зато рядом с ними я от восторга забывал дышать и ничего не боялся.

Мы смеялись до упаду. Слонялись по центральным улицам, глазели на витрины, рыскали по улочкам Испанских кварталов в поисках марихуаны, пили пиво, сидя на скалистом берегу в Позиллипо. В те беспечные, окутанные тайной дни мы походили на волков, изголодавшихся по самим себе и безразличных ко всем остальным, мы были пробивающимися сквозь асфальт сорняками.

– Фу, гадость какая! Фу! Мерзкая мышь! Милый, умоляю, убей ее!

Катерина ненавидела мышей, которые то и дело выглядывали из расщелин в скалах, поэтому Лео приходилось гонять их палками и камнями. Пока он выполнял свой отеческий долг, мы с ней мирно нежились на солнце и выкуривали его косячок. Мы курили. Все время курили.

– Держи, – как-то сказала она, протягивая мне остаток косяка. Вытянулась на камнях, пытаюсь сделать невозможное – устроиться поудобнее, и тут мой внутренний видеорегистратор зафиксировал колыхание ее груди. Она была большой, крепкой и не подчинялась вселенскому закону гравитации.

– Лео чувствует, что вы отдаляетесь друг от друга, – вдруг поделилась со мной Катерина. Я ощутил движение у себя в штанах.

– Он сам тебе об этом сказал?

– Он считает, что это из-за меня.

Я вздрогнул.

– Ничего подобного, он ошибается. Если хочешь, я сам ему скажу.

Мои слова прозвучали излишне эмоционально, но я действительно так думал. Ни одна женщина в мире не вызывала такого желания ее добиваться, обладая при этом даром привязывать соперников друг к другу. Не будь Катерины, мы с Лео уже давно бы прекратили общение.

Было совершенно ясно, что хищником, как он, мне никогда не стать и выживать в джунглях тоже не научиться. Я прилежно занимался учебой, много читал и хранил верность коку. Мои однообразные студенческие будни и покорность перед лицом родительских требований наверняка казались ему страшным занудством, поэтому меня поразили слова Катерины о том, что он еще придавал значение нашей дружбе. Я думал, она окончательно увяла, как растение, которое засыхает, если его два дня не поливать.

Все завертелось, когда Американец бросил техникум. Сначала из-за драки его отстранили от занятий, потом поймали с поличным, когда он скручивал косяк в туалете, и, наконец, исключили. Вняв настойчивым мольбам его матери, директор согласился восстановить Лео, но в итоге тот послал все к черту прямо в середине учебного года. Перспектива стать бухгалтером вызывала у него тошноту.

– Это не для меня, – повторял он.

Я пытался его переубедить, но тщетно.

– Мы крылатые существа и созданы для свободного полета, – говорил он. – Дух дышит, где хочет...

Лео понял, что может неплохо заработать, продавая гашиш ученикам из классического лицея. Он с легкостью затоваривался на площадях, к которым эти маменькины сынки и на пушечный выстрел не подошли бы. Стоило Катерине подать знак, как к Американцу уже выстраивалась очередь за углом школы, чтобы купить низкопробную пакистанскую дурь. Десять тысяч лир за брикет, и с каждого пять тысяч лир чистой прибыли. За неделю торговли он узнал об экономике предприятий гораздо больше, чем за целый семестр, проведенный за школьной партой.

Бизнес процветал. Лео попросил меня помочь с распространением наркоты в гимназии, но я увильнул – это было слишком рискованно. Он, конечно же, сказал, что я снова обделался, я же, само собой,

ответил, что это неправда, и мы поругались.

– Всё, забыли, – сказала Катерина, не открывая обращенных к солнцу глаз. – Если он узнает, что я тебе проболталась, мне конец.

К этому времени моя эрекция преодолела точку невозврата. Ширинка на джинсах трещала по швам, голова кружилась. Катерина продолжала говорить о Лео, о чем он думал и что нам следует сказать, дабы убедить его в обратном. Я же готов был его убить, лишь бы только овладеть его девушкой прямо на этих скалах. Она, видимо, что-то почувствовала, открыла глаза и спросила:

– Ты меня слушаешь?

Я вспыхнул. Раньше мне почему-то казалось, что такие взгляды ей даже доставляли удовольствие, – наверное, она считала меня безобидным, послушным созданием; дотронься я до нее, она бы просто шлепнула меня по руке или приняла мой жест за проявление чрезмерной сыновней любви.

Катерина села, прикрыла грудь полотенцем и взглянула на мои джинсы.

– Эй, полегче, – сказала она строго. – Говорят, что так ослепнуть можно. Ты знаешь, что в моих краях слепых собак забивают до смерти?

– Я не собака, – возмутился я.

– Очень надеюсь!

Лукавая улыбочка пробежала по ее губам. Да, приятно было своими глазами увидеть, до какой степени она может возбудить мужчину.

– Я бы никогда не позволила какому-то слюнявому псу так на меня пялиться.

Больше всего на свете мне сейчас хотелось испариться или броситься в море и утонуть, но вместо этого я отвернулся и стал смотреть в ту сторону, где Лео колотил деревяшкой по камням и гонял мышей, оглашая окрестности руганью. За его спиной на солнце сверкал Неаполитанский залив. Молчаливые краны в порту вырисовывались на фоне неба, город в отдалении излучал такой свет, что перехватывало дыхание.

– Прости, это больше не повторится, – униженно прохрипел я.

– Расслабься, – ответила она. – Счастье всегда жестоко.

Я повернулся и изумленно посмотрел на нее. Я хотел спросить, где она вычитала эту фразу или в какой песне услышала, но не успел. Что-то зашуршало. На миг я понадеялся, что рядоммышь и тогда я бы смог выступить в роли спасителя, но это Лео возвращался с охоты.

– Всё, хватит, – сказала Катерина, снова подставив веки солнцу. – Босс на подходе.

* * *

Следующие несколько недель Лео осаждал меня предложениями помочь ему с расширением клиентской базы.

– Если я каждый день буду торговать у выхода из лица, упущу тех, кто идет из техникума, – рассуждал Американец. Я пришел с ним за компанию в подсобку магазина Шестипалого, где он перекрашивал кузов своего «калиффоне». – Если же ты возьмешь это на себя, я займусь другими, – продолжил он. – Объединив наши усилия, мы удвоим прибыль – чистая математика.

Я недоуменно смотрел на него, и так же недоуменно я смотрел на новый цвет кузова – ядовитозеленый. Плакаты с полуголыми красотками поверх календарей от производителей бензина и запчастей напоминали о течении времени.

– Ну же, будет весело, – настаивал он. – Как во времена Банды покрышек.

– Ты псих. А если меня засекут?

– Не засекут. Старик, ты же у нас шустрый.

– Неужели? С каких это пор?

Лео окунул кисть в банку с краской и подержал ее на весу, любуясь плодами своего труда.

– По сравнению с лицейскими ты шустрый. – Он расхохотался.

– Не вижу ничего смешного. – Краска капала на газетные листы, разложенные вокруг мопеда. Запах стоял удушающий. – Я вообще считаю, что эта история просто сошла тебе с рук. Рано или поздно тебя арестуют, посадят, и это будет конец. Черт возьми, почему ты не займешься чем-нибудь полезным и не прекратишь строить из себя протокаморриста?

– «Прото» что?

– Каморриста! – Я сорвался на крик. – Каморриста! Как все те подонки, на которых ты всегда молился и которые теперь ломают твою жизнь!

Я сразу пожалел о своих словах. Довольно-таки прозрачный намек на Человека-паука мог спровоцировать какую угодно реакцию, поэтому я приготовился защищаться, насколько это было в моих силах.

Но Лео молча бросил кисть на газету и закрыл банку с краской.

– Полный отстой получается, – произнес он, и я так и не понял, относилось это к мопеду или к его жизни.

Мы разошлись, и на какое-то время он исчез.

Несколько недель спустя я узнал от мамы, что он снова стал ходить в столовую для бездомных. Он раскладывал еду по тарелкам, мыл полы, а еще наловчился готовить вкуснейший фруктовый салат и стал у постоянных клиентов любимчиком. Три раза в неделю по ночам с другими волонтерами носил горячую еду бродягам, собиравшимся возле железной дороги.

– Бомжи из столовой – французские аристократы по сравнению с вокзальными, которые колются, торгуют собой и мочатся прямо в штаны, – признался он спустя какое-то время после нашей ссоры.

Хотя подобная смена курса казалась мне слишком резкой, я был рад, что он занялся чем-то полезным, похоже, мои слова достигли цели. Он выглядел довольным, вел себя менее враждебно и наладил отношения с матерью.

– А вообще – ужас. Эти люди ничем не заслужили такую жизнь, но, в принципе, у них нет выбора...

– Бездомным надо объединиться и устроить революцию, – оживилась Катерина. – А мы, социалисты, обязаны их поддержать!

Не считая нескольких туманных замечаний о достоинствах капиталистической системы, почерпнутых мной из речей отца, до этого дня я никогда не задумывался о политике. Само собой, выбери Лео и особенно Катерина социалистическую стезю, я бы душой и телом был с ними.

Но потом случилось непоправимое.

Как-то утром, передав парню из техникума дозу пакистанского гашиша, Лео пришел в столовую для бездомных раньше обычного. Он был голоден как волк. Свет в зале не горел, готовить еще не начинали.

Он отправился на кухню, чтобы подождать там посыльного, приносившего пакеты с продуктами, и, распахнув дверь, увидел дону Карло, стоявшего к нему спиной, – тот поправлял воротничок сутаны перед зеркалом, на которое Лео никогда прежде не обращал внимание. Священник заметил его отражение и резко обернулся.

– Привет, Лео, – смутился он. – Что ты здесь делаешь?

За секунду до того, как грубо оттолкнуть дону Карло, загораживающего ему проход, почувствовать, как пощечину, запах ладана, пропитавший его одеяние, открыть дверь в кладовку и обнаружить свою мать, лежавшую среди коробок и укрытую каким-то случайным пледом, Американец впервые со всей ясностью ощутил, что происходит нечто магическое: в этот миг вектор его жизни изменил направление на то, которое он для себя не выбирал.

После обеда он позвонил мне и попросил прийти к Шестипалому. Я нашел его в подсобке – лицо взволнованное, голова опущена, руки трясутся.

– Ты знал, что после похорон мать взяла с меня клятву не мстить за него? «Поклянись, что и на пушечный выстрел к нему не подойдешь, пока я жива!»

– Нет, не знал.

– А ты знал, что Кирпич каждый месяц присылает нам деньги, на которые мы все: мама, Пинучча и я – живем? То есть убийца Человека-паука нас содержит. Знал об этом?

– Нет.

– А знаешь, что это значит? – Он поднял на меня глаза. – Что это мы его убили.

* * *

План был разработан в мельчайших деталях. Лео ждал у входа в полуподвал. Едва завидев меня, он не здороваясь показал, чтобы я следовал за ним. Достал из кармана ключ и вставил его в замок бронированной двери.

– Заходи, – прошептал он мне на ухо, внимательно осматриваясь. – Живее.

Внутри повсюду были следы их любовных бдений. Матрас и одеяла на полу, треснутая лампа, пустые пивные бутылки и пепельница, полная бычков и остатков марихуаны.

В воздухе стоял запах секса и Катерины, порой я улавливал его, когда Лео заходил за мной, проводив ее домой. Однажды я догадался, что он был с другой девушкой: он пах иначе.

– Надо поторапливаться, – сказал я. – Родителям я соврал, что иду в пиццерию с одноклассниками.

– Держи. – Он достал из шкафчика старый подшлемник. – Должен подойти.

Я взял его и засунул в карман джинсов.

– А бензин?

– Вот. – Он указал на пластмассовую канистру. – Нож с собой?

– Он мне понадобится?

– Мало ли что.

Мы молча оглядывали полуподвал, нам вдруг стало не до разговоров. И все же, чтобы заполнить паузу, Лео сосредоточился на уязвимых местах операции. – Главное, чтобы «калиффоне» не заглох. Что бы ни происходило, следи за «калиффоне», очень тебя прошу.

– Ну что, идем? – спросил я, не в силах совладать с внезапно нахлынувшим возбуждением.

– Что с тобой? Не терпится похулиганить? – Он достал из кармана зажигалку. – Покурим? Я пыхну самую малость, и пойдем. Чем позже, тем лучше: меньше людей будет на улице.

Никогда еще я не испытывал такой острой необходимости в косяке. Я кивнул.

Юпитер и Венера в зените, но они на удивление безобидны и сулят скорое завершение вашего исполненного трудностей странствия: на горизонте вырисовывается новая любовь, и долгожданные перемены вот-вот дадут о себе знать.

Я размышлял над своим гороскопом – утром тайком вычитал в дневнике мамы, – пока, потушив фары, сидел на «калиффоне» с включенным зажиганием, а внутри меня щедрая доза гашиша

боролась с боязнью ареста. Тем временем мой друг – хотя теперь было бы логичнее называть его главой клана, клана, состоявшего только из нас двоих, – поливал бензином лестницу, дверь в столовую для бездомных и старый деревянный наличник. Потной ладонью я сжимал ручку газа и время от времени крутил ее, подстраиваясь под слаженный механизм мопеда.

Лео поджег газету и бросился ко мне. На миг пламя осветило его лицо, прикрытое подшлемником, и я уловил странное оживление в его глазах.

– Погнали! – крикнул он, запрыгивая на сиденье. Я замешкался. У нас не было точного плана, что делать после поджога. – Трогай! – приказал он. – Трогай! – В ту секунду, когда я нажал на газ, он швырнул свой факел на землю, и пламя тотчас метнулось от наших ног к столовой.

Я выжал газ до упора и поразился, до чего мы с ним отчаянные. Верхом на этом ископаемом мы бы не сумели удрать даже от бегуна. К счастью, как мы и предполагали, вокруг не оказалось ни одной живой души. Очень хотелось обернуться и полюбоваться делом наших рук, но я не мог, поэтому не увидел всполохи пламени и не услышал потрескивание горящего дерева. Такая грандиозная операция – вероятно, самая грандиозная в моей жизни, – и я не мог ею насладиться. Оставалось довольствоваться надсадным ревом глушителя «калиффоне» и руганью Лео:

– Теперь этот гребаный падре научится держать свой член в трусах!

Он ссадил меня в полукилометре от дома. Я не хотел, чтобы кто-то увидел нас вместе. Я опаздывал и боялся, что мать стоит у окна, высматривая меня.

– Отлично сработано, старик, – сказал Лео. – Завтра после обеда я за тобой заеду, и мы отметим.

Родители уже спали. Мои руки пропахли бензином, и я сразу заперся в ванной. С улицы доносился рев сирен пожарных машин. Я не стал высовываться из окна, чтобы увидеть их своими глазами, мне довольно было пульсирующей от возбуждения вены на шее – я гордился собой.

Лео... Наконец я понял смысл его взгляда. Вместе мы создали что-то новое, разрушив для этого старое. Я ощущал свое могущество и возвышался над всем миром. Теперь, когда я стал частью клана, мне не оставалось ничего иного, как свергнуть короля и занять его место.

* * *

На следующий день Американец привез меня на виа Петрарка, в квартиру с панорамным видом на Неаполитанский залив. Здесь жили две сестры – одной восемнадцать, другой шестнадцать, – которые ждали нас, одетые в шорты и яркие майки.

– Все дети богачей одинаковые: балуются наркотой раньше нас, трахаются больше нас и учатся в школе лучше нас, – сказал он мне, отведя в сторону. – Но они и мизинца нашего с тобой не стоят.

Он познакомился с ними на дискотеке несколько недель назад, и они вошли в число его высокопоставленных клиентов, которым он доставлял гашиш на дом. Хотя его доход напрямую зависел от людской лени, она казалась ему возмутительной. Тот факт, что он охотно мотался до Скампии и обратно, в то время как большинство его покупателей приходило в ужас от одного упоминания об этом районе, гарантировал ему прибыль с каждого брикета пакистанского гашиша, разбавленного новалгином. Поскольку речь шла о небольших суммах, мафия терпела его бизнес. Кто пойдет против сына покойного товарища, чтобы прикарманить жалкую прибыль от торговли дурью?

После пары джин-тонигов младшая, Виола, поставила диск с танцевальной музыкой и начала раздеваться. Сестра последовала ее примеру. Лео не зевал – снял футболку, выставив напоказ накачанные мышцы. Они принялись танцевать и тереться друг о друга, не осознавая, до чего смешны, и стали уговаривать меня присоединиться к этой прелюдии к оргии.

– Давайте устроим групповушку! – предложила старшая, Федерика.

– Да, групповушку! – поддержала ее Виола.

– Групповушка! Групповушка! Групповушка! – хором скандировали они, но я слинял и через несколько секунд уже стоял на террасе, любуясь видом Капри и слушая по радио ремикс на песню «Они убили Человека-паука»^[19]. Интересно, слышал ли ее Лео, пока пытался управиться с обеими девушками в спальне их родителей?

– Младшая оказалась девственницей, – пожаловался он чуть позже, когда мы спускались с холма на мопеде с выключенным двигателем. – Кровищи было... Я еще ни разу с целкой не трахался.

Я его ненавижу. Он взял меня с собой не для того, чтобы отпраздновать успех, а чтобы сделать меня соучастником его измены. Прорванная девственная плева этой девчонки была скальпом, который он без зазрения совести повесил на свой пояс индейца сиу. Возможно, это тоже входило в его план. Почему для мести дону Карло ему понадобился я, маленький неопытный очкарик, а не кто-то из его новых друзей?

Именно тогда, спускаясь к вокзалу Мерджеллина, я ощутил, что наши отношения уже не вернуть. Мы вместе выросли, прошли один и тот же путь, постепенный упадок его семьи и процветание моей не нарушили равновесия на нашей с ним планете, но теперь Лео на моих глазах превращался в бездушного подонка. И я больше не видел в нем и капли той чистоты, которая когда-то освящала нашу дружбу.

Прошла неделя. Я корпел над учебником по истории, когда в дверь постучали. Это была Катерина. По блеску ее глаз я понял: что-то случилось.

– Не делай такое лицо, – налетела она на меня. – Твоих родителей нет дома, и я не уйду, пока ты мне все не расскажешь.

Я проводил ее в свою комнату. Вернись мама раньше времени, я бы сказал ей, что ко мне за тетрадкой пришла одноклассница. На самом деле меня куда больше волновало, что Катерина подумает о моей комнате, где на дверце шкафа висит постер с Ричи Валенсом, и о моем виде: дома я ходил непричесанный и в спортивном костюме.

– Хочешь что-нибудь выпить?

– Я хочу, чтобы ты все мне рассказал.

– О чем?

– Кого трахает этот сукин сын, например.

– Понятия не имею.

– Значит, ты тоже сукин сын.

Она толкнула меня, и я чуть не упал на пол.

– Эй, успокойся! – возмутился я. – Если для тебя это так важно, почему ты его самого не спросишь?

– Потому что он ублюдок и ни за что не признается, – всхлипнула она. Ее лицо, обычно такое бледное и полупрозрачное, мгновенно

распухло от слез. – Как ты не видишь, у него же внутри крошечная темнота!

У меня екнуло в груди, как раньше, когда она запрыгивала в седло мотоцикла какого-нибудь парня.

– Если ты так думаешь, почему вы вместе?

Катерина вытерла глаза костяшками пальцев.

– По той же причине, по какой ты бегаешь за ним, как собачонка, – ответила она. – Потому что мы его любим, хоть он и обходится с нами как с дерьмом.

Впервые Катерина показалась мне не такой привлекательной, как обычно, – от пережитой измены она подурнела. Она походила на самую заурядную разочарованную девчонку, которую водит за нос самый заурядный бабник.

– Наверняка он попросил тебя отвезти его, когда ехал к тем шлюшкам, – добавила она.

– Ничего подобного, – оскорбился я. – Он сам сел за руль. – Я слишком поздно понял, что проболтался. – То есть... – пробормотал я. – Я имел в виду... Не думаю, что он считает нас дерьмом.

Катерина горько усмехнулась:

– Ну вот, это я и хотела узнать...

Она подошла ближе.

– Ты тоже там был, ты такой же, как и он! – Она замолотила кулаками по моей груди. – Ублюдок! Какой же ты ублюдок! – бушевала она, вцепившись обеими руками в мою спортивную куртку.

Я высвободился и отстранился, но она схватила меня за плечи и толкнула. Мы рухнули на кровать. Ее губы оказались рядом с моим ухом, она повторяла, рыдая:

– Ублюдок, какой же ты ублюдок...

Наконец она сдалась и прижалась ко мне. Мы замерли в нерешительности, и ее губы преодолели разделявшее нас расстояние. Она раздела меня, стянула трусы. Я вдруг ощутил, что теряю опору, словно она столкнула меня с крыши небоскреба. Чтобы не упасть, я с силой сжал ее грудь, бедра, моя рука скользнула вниз по ее животу, приспустила трусики и нырнула внутрь.

Я почувствовал, как по уху стекают ее слезы, мой взгляд выхватил простыню в красно-зеленую клетку, которую родители купили в супермаркете «Койн». А потом я оказался внутри нее, она вокруг меня,

и я обреченно доверился механике человеческих тел, которая могла бы замаскировать мою неопытность.

Поначалу Катерина, постанывая в такт моим движениям, направляла меня, а затем отчаяние отступило, и я обнаружил, что уже сам по себе двигаюсь вперед и назад. Толчки стали сильнее – они просто ускорились, – потом меня будто обожгло, и она громко вскрикнула: «Oxi!»^[20] Я представил себе Парфенон, содрогнувшийся от подземного толчка, и людей, разбегающихся с этим криком. *Oxi! Oxi!* Она снова заплакала, потом оттолкнула меня, и мое семя излилось на простыню из «Койн».

Мы молча вытянулись рядом друг с другом. Я задумался, на какой вопрос она ответила «нет». Хотя, если честно, меня это не особо волновало. В моей комнатухе воцарилась тишина. Я лежал с закрытыми глазами и прислушивался к ощущению необычайной легкости в паху, гениталии чуть побаливали. Я был счастлив, что остался в живых.

– Сагапó^[21], – вдруг вырвалось у меня, и я понадеялся, что она не услышала.

Катерина резко вскочила и стала одеваться. Собравшись, она повернулась ко мне, ее глаза полыхали презрением, словно ответственность за случившееся лежала исключительно на мне. Она была в бешенстве. Через секунду раздался топот ее «конверсов» по коридору, потом открылась и захлопнулась входная дверь. Все было кончено. Счастливые летние месяцы, отступившие страхи. Все кончено.

Я поднес руку к лицу, чтобы еще раз ощутить ее запах. Ко мне возвращалась способность мыслить, эйфория понемногу отступала. Черный кок Ричи лоснился, будто лакированный. Я содрал этот дурацкий постер со шкафа и разорвал на тысячу клочков. И подумал: «*Yo no soy marinero, soy capitán*».

* * *

На этот раз Лео убил ее, швырнув камень. Мы нежились на солнце, а останки мыши лежали на камнях метрах в трех от моего рюкзака.

– Сбрось ее в воду, – вдруг попросила Катерина. – Вот же мерзость. Милый, сбрось ее в воду.

Лео оглянулся на меня. Хотя поначалу я не придавал этому значения, от его пристального взгляда мне стало не по себе.

– Ты слышал? – спросил он. – Она с тобой разговаривает. Она велела взять эту мерзкую мышь и бросить ее в море.

Воздух на скалах сгустился, Катерина, побелев, смотрела на Лео. Я тоже не сводил с него глаз. В его взгляде – как у модели из рекламы «Посталмаркета» – полыхала злость, смешиваясь с характерной для торчков заторможенностью.

– Хватит, Ле, – вмешалась Катерина. – Оставь его в покое. – И обратилась ко мне: – Не обращай внимания, он накурился по самое не могу.

– Ну же, твою мать! – Американец не отступал. – Покажи, на что ты способен.

Он шагнул ко мне, размахивая руками и словно запугивая, – обычно этот ритуал предшествовал ссоре. Похоже, он был вне себя.

– Вечно ты болтаешься рядом, а толку ноль, все приходится делать самому. Ну что, слабо взять ее и бросить в воду? Или ты уже обделался?

Я рывком вскочил на ноги, но сразу понял свою ошибку. В наших краях твой собеседник мог сколько угодно суетиться и провоцировать тебя, но если ты не был настроен на драку и к тому же не боялся прослыть трусом, всегда оставалась возможность увильнуть, и положение твоего тела играло при этом решающую роль.

– Ничего не слабо, – оцетинился я.

А у самого, признаюсь, душа ушла в пятки. Мы были в разных весовых категориях. Американец, статный и с развитой мускулатурой, был создан для драки, я же с моим еще хилым тельцем походил на смазанный баббл из плохо нарисованного комикса. Шансов у меня не было, поэтому я отступил на полметра в надежде усмирить его животные инстинкты.

– Хорошо, – решил я. – Дай-ка эту штуквину.

Лео поднял деревяшку, которой прощупывал наш путь по скалам, и швырнул в воду. Волны тотчас отнесли ее прочь от берега.

– Ничего, и так справишься.

– Ну ты и сволочь! – возмутилась Катерина.

Я подошел к мыши, чтобы разглядеть ее вблизи. Она еще была жива, ее легкие едва заметно продолжали втягивать и исторгать из себя кислород. Я сделал еще шаг и, уловив слабое попискивание, оцепенел. То был еле слышный свист, похожий на всхлипы. Мы все понимали, что Лео сам не решается дотронуться до нее, поэтому у меня не было выбора. Я зажмурился и взял мышь в руки. Податливое, скользкое тельце, жесткая шкурка, как тыльная сторона губки для мытья посуды. Я почувствовал, что меня сейчас стошнит. Но нет: я выпрямился и бросил зверька в море. Раздался всплеск, как от тяжелого камня. Невольно я подумал, что он умер, захлебнувшись.

Я добежал до оконечности скалистого берега и вымыл руки, осмотрел их так, словно они мне не принадлежали, и тут меня все-таки стошнило.

– Ну молодец, – усмехнулся Лео и издевательски заплодировал. – Теперь ты точно подхватил какую-нибудь заразу, придурок. Держись от меня подальше, окей?

– Хватит! – вмешалась Катерина. – Не видишь, что ему плохо?

Мне действительно было плохо, и пока они препирались, я заплакал. Незадолго до этого в расфокусированном взгляде Американца мелькнуло подобие осмысленности. Вся та жестокость, которой я всегда завидовал и которой он пытался уязвить мир, теперь обернулась против меня. На этот раз миром был я.

Катерина пришла мне на помощь.

– Ты вел себя глупо, – мягко упрекнула она, глядя меня по голове. – Глупо и отважно, но в первую очередь глупо.

– Он знает? – взволнованно прошептал я.

Смутившись, она кивнула. Ее глаза ничего не выражали, она пробормотала что-то вроде:

– Мы могли быть вместе, все трое. Всегда.

Я потрясенно уставился на нее. Теперь стало ясно, что я потеряю и ее тоже.

– Ты ему все рассказала... – пробормотал я.

Удар был сокрушительный. Я кубарем свалился в воду, толком не успев понять, откуда он подоспел, – чувство было такое, будто на меня рухнула бетонная стена. Когда я вынырнул и открыл глаза, то увидел Лео, который плыл в мою сторону.

– Сукин сын! – заорал он. – Какой же ты сукин сын!

Американец вцепился мне в горло и стал топить. Высунувшись из воды по пояс, он выпрямился и надавил сильнее, я нырнул и хлебнул морской воды. Высвободиться было невозможно. Я не ощущал дна под ногами. Пользуясь своей выигрышной позицией, Лео бил меня куда придется. Через несколько секунд я уже до того наглотался воды, что саднило горло, крики Катерины стали отдаляться. Я утону, и никто меня не спасет. Я полностью в его власти. Мелькнула мысль, что я, вероятно, заслужил ту же смерть, что и мышь.

Вдруг ноги мои коснулись песчаного дна, я наконец ощутил опору. Нас прибило к скалистому берегу. Хотя Лео был гораздо сильнее, теперь я отвечал на удары. Мои кулаки хаотично рассекали воздух, зато его попадали точно в цель и молотили с поразительной настойчивостью.

– Человек-паук! – прохрипел я, уже готовый попрощаться с жизнью. – Это был он!

– О чем ты?

Мы замерли, глядя друг на друга и тяжело дыша. У меня голова шла кругом.

– Бомба в том поезде, – сказал я. – Это он ее заложил. Мне отец рассказал.

– Что ты несешь? Быть такого не может.

Происходящее казалось полным абсурдом. Скалы, мы двое, море, город вдалеке. Я чувствовал, как великолепный розовато-оранжевый закат призывает нас к себе. Я стянул футболку и бросил ее на камни. Катерина наблюдала за нами, не понимая, в чем дело. Она вдруг стала совсем чужой.

– Даниелино убил твой отец, – сказал я.

Потом, уже дома и гораздо позднее, я не раз вспоминал этот миг и поражался тому, что знал с самого начала: Даниелино Карапуз связал нас, он же нас и должен был разлучить. Когда Катерина появилась в наших жизнях, все резко обесмыслилось. Предательство, секс, гашиш. Мы заплутали в лабиринте без выхода. Я неплохо знал Американца и понимал, что, укажи я ему на закат, сумею я поделиться с ним красотой города, который он для меня открыл и который теперь звал нас к себе, все разногласия между нами тотчас рассеялись бы: Лео достал бы откуда-нибудь свою расческу, мы оделись бы и

предоставили Катерину ее судьбе. Мы бы мчались вдвоем на мопеде, капитан и матрос, как в старые добрые времена.

Но я не смог. И виноват в этом только я.

Пока на лице Американца проступало осознание того страшного факта, что его судьба замешана на крови невинного человека, я подумал, что, в сущности, мне было наплевать на всю эту историю. И улыбнулся при мысли, что мой отец подумал бы точно так же, окажись он на моем месте.

Мне хватило пятнадцати лет, чтобы стать как он.

* * *

Понимание, что собственная семья, как и все другие, строится на общей вере во что-то, всегда приходит с запозданием. В моем случае это была вера в будущее. Разумеется, родители, сидя за столом, не возвещали о грядущих чудесах, но то, что человечество движется вперед, ощущалось всеми нами, витало в воздухе, даже звучало в телепередачах.

Вот уже более тридцати лет отношения моего отца с будущим протекали по руслу, крайними пределами которого были голод и мечта о благополучии – печальное дитя нищего детства, в шестидесятые годы нашедшее прибежище в незадачливой молодости. Муки голода поутихли, когда университетский студент получил постоянную работу, а с ней и веское доказательство возможности земного спасения. Банк Неаполя и Миланская биржа обогатили его, хоть и не сделали магнатом, но он получил гораздо больше, чем кто-либо другой, вылезший из той же грязи.

Так что единственной верой Эдуардо было будущее – его личная история о ежедневном труде и домашнем очаге как о защитном покрове, под которым таился сокровенный источник его желаний.

Но что это был за источник?

Если до 1994 года ответ не вызывал сомнений, то дальше царила непроглядная тьма.

В том году убытки составили свыше триллиона лир, в следующем – более трех триллионов. Менее чем за три года долг банка мог вырасти до шести триллионов лир. Масло в огонь жарких дискуссий с

наибольшим рвением подливали политики. Возмущенные северяне, предполагаемые потомки кельтов, обрушились с критикой на паразитов у власти, фаворитизм, вечно нуждающийся в помощи Юг. Отчаянные попытки противостоять этой лавине не возымели успеха.

За несколько месяцев Король Фердинандо полностью лишился власти. Человек, десятилетиями царивший на финансовой арене Южной Италии, от кого зависели судьбы смежных предприятий и одиннадцати тысяч работников с их семьями; кто ссужал деньгами большинство предпринимателей-южан и вплоть до прошлого года одним мановением руки распоряжался на выборах сотнями тысяч голосов; кто устраивал «культурные вторники» в главном здании на террасе с видом на море и прилюдно подтрунивал над ничего не подозревающим Джованни Спадолини^[22]. Человек, который триста шестьдесят пять дней в году содержал в отеле «Британник» на корсо Витторио Эмануэле два алькова: сюит для жены, в котором она останавливалась, приезжая к нему из Рима, и номер для юной любовницы – местной певицы; человек, за счет банка скупивший недвижимость в Венеции, Токио, Сиднее, в чьем ведении находились семьсот пятьдесят банковских окошек по всему миру; тот же самый человек, тот же Король, что был освобожден от должности в результате заговора в верхах, банального несоблюдения формы в административном акте.

Упадок начался с кофе. По крайней мере, так гласит легенда.

Долгие десятилетия в Банке Неаполя поощряли потребление этого напитка, не видя в нем вреда для корпоративных интересов. Поэтому на соседних улицах и в переулках как грибы вырастали бары и рестораны, кафе-мороженые и чайные салоны, магазины с одеждой и пиццерии; год за годом они выживали благодаря банку и работали на его имидж вплоть до того дня, когда все поглотила черная дыра кризиса.

Несколько лет спустя Эдуардо не увидел бы ничего странного в закрытии смежного предприятия, но на заре спокойного 1994 года казалось верхом абсурда заказать за стойкой бара «Сплендоре» кофе и обнаружить в чашечке мутную кисловатую жидкость, – так заявляло о себе поражение, которое день за днем становилось все очевиднее.

– Вы видели выступление Кавалера^[23]? – спросил его бариста.

Отец поставил чашку и растерянно посмотрел на него. Из стоявшего за стойкой радиоприемника безжалостно изливалась музыка, царапая стылый воздух бара. О каком Кавалере шла речь? О каком послании?

– Честно говоря, – ответил он, – я размышлял, почему в баре стало меньше посетителей...

Бариста пожал плечами.

По мнению Эдуардо, единственной тому причиной было состояние кофемашины. Ее явно давно не мыли. Январь, понятно, месяц тоскливый: новогодняя премия рассеялась как дым, и после праздников сложно вернуться к рабочему ритму, но мытье кофемашины – это категорический императив. У клиентов должно возникать желание тратить деньги, а эту бурду пить невозможно.

– По-моему, он справится, – продолжил начатый разговор бармен. – Если ему это удалось в Милане, то и в Италии получится. Как считаете, можно ему верить?

На этот раз из приемника донеслась чья-то неразборчивая речь. Сводка новостей.

Похоже, он один ничего не знал. Помимо всего прочего, ведущий сообщил о видеообращении, где Кавалер объявил, что выходит на поле боя.

Все только об этом и говорили. На календаре было 27 января, а двадцать седьмого числа каждого месяца повторялся единственный религиозный обряд, в котором Эдуардо с неподдельным энтузиазмом принимал участие: выплата жалованья. Если это совпадение не случайно, подумал мой отец, то Кавалера не стоит недооценивать. Лишь человек большого ума мог такое придумать, чтобы заставить людей себя услышать.

– До завтра, – попрощался он с баристой и вышел.

На улице от холода защипало лицо. Эдуардо прошелся по виа Толедо, чтобы согреться. Возле магазина, где он обычно покупал свои элегантные костюмы и который сейчас съезжал, вытесненный сетью дешевой одежды, парень в бейсболке объяснял двум рабочим, куда положить старую вывеску – реликвию конца XIX века, которой он собирался хвастаться перед друзьями. Парень почувствовал, что на него смотрят, и повернулся к Эдуардо.

– Папаша, все в порядке? – развязно поинтересовался он. – Я могу вам чем-то помочь?

Эдуардо отвел взгляд и бодрым шагом прошел мимо.
Вскоре он оказался перед зданием головного офиса. Его внимание привлекла табличка на фасаде:

БАНК НЕАПОЛЯ

ОСНОВАН В 1569 ГОДУ

ЗДАНИЕ ОТРЕСТАВРИРОВАНО В 1939 ГОДУ

К востоку от хмурого на вид здания начиналось море, к западу – Испанские кварталы. Весь этот мрамор с его холодным блеском неизменно вселял в Эдуардо уверенность, с самого первого дня, когда он, запыхавшийся, одетый в купленный по случаю синий костюм, переступил порог сего учреждения.

Тем утром небо над виа Толедо, как и всегда, сияло своим нежным кобальтом. Скоро, сказал себе тогда Эдуардо, он в совершенстве познает устройство машины, которая только и делает, что принимает сбережения. Металл к металлу. В Банке Неаполя деньги гарантировали деньги, и от человека в этой схеме мало что зависело. В ту пору будущее еще было объектом исповедуемой всеми веры.

А сегодня, сказал себе Эдуардо 27 января много лет спустя, он ничего не знает. Он, как обычно, прошел по главному коридору, вдыхая запах купюр и табака.

Сегодня он ничего не знает о том, что ему готовит будущее.

* * *

После той потасовки на скалах я его больше не видел. Мой маршрут был намечен: учеба, девушки, спорт, музыка. Нормальная жизнь хорошего мальчика, которой долгие годы мешала дружба с Американцем. Без особых усилий я превратился в идеального отпрыска, о котором всегда мечтали мои родители. Они возлагали на меня большие надежды, и я этим пользовался, выторговывая взамен некоторые привилегии.

После пожара приход несколько раз объявлял сбор средств на восстановление столовой для бездомных, и местные жители откликались на призыв внести свою лепту (отец пожертвовал миллион лир), но вскоре нас всех выбила из колеи неожиданная новость: дон Карло сложил с себя сан.

Следующие несколько недель все только и делали, что строили всевозможные догадки о причинах такого решения, и самые убедительные версии основывались на довольно-таки фривольных мотивах падре. Поговаривали, что у дона Карло есть любовница и скоро он на ней женится, ходили слухи и о его вероятной гомосексуальности. Наименее возмущенные сетовали, что многие молодые священнослужители поступают в семинарию, заканчивают ее и, получив на руки диплом, вскоре покидают Дом Божий.

Столовую так и не восстановили. Прежде она держалась на плаву лишь благодаря упорству приходского священника и самоотверженности его помощников, но теперь, после ухода дона Карло, не осталось никого, кто был бы способен продолжить его дело.

В итоге обугленный остов здания снесли, а пожертвования вернули. Получив назад свой миллион, отец свозил нас на Капри. За те три дня никто ни разу не упомянул столовую – свалившееся на мать богатство отбило у нее охоту перечить Эдуардо, она и думать забыла про волонтерство, и я не мог этому не радоваться, потому что у меня уже не было ничего общего с тем парнем, который устроил поджог, и меньше всего на свете мне хотелось вспоминать о Лео. Я по нему не скучал и не гадал, чем он занимается; увидев его на улице, я, вполне вероятно, перешел бы на противоположную сторону.

Во время наших коротких каникул на Капри мы ужинали в ресторанчике в бухте Марина-Пиккола, где заказывали свежайшего красного морского леща стоимостью сто тысяч лир за килограмм. Отец

на днях совершил выгодную сделку, и мы могли позволить себе шикануть.

– Лично я собой доволен. Любой дурак может заработать на «голубых фишках», но если ты умудрился выиграть десять процентов на акциях «Желтых страниц», то тебя смело можно назвать гением, – сказал он как-то за ужином самым менторским своим тоном.

Мы разыгрывали из себя потомственных богачей, прекрасно зная, что мы всего лишь выбившиеся в люди бедняки. И действительно, добравшись до самых костлявых частей рыбы, мы обглаживали их, взяв в руки.

Пока я старательно воплощал в реальность мечту моих родителей, жизнь Американца стремительно превращалась в кошмар.

Впрочем, она не всегда напоминала страшный сон – напротив, бывало, свежий ветерок обдувал лицо Лео, когда он на рассвете возвращался домой на скутере, и внезапный прилив счастья напоминал ему после очередной жуткой ночи, что он жив. После очередной ночи, когда водка и кокаин сопровождалась грабежами.

Каждый день он просыпался в обед, включал на полную громкость стереосистему, выкуривал одну за другой несколько сигарет, обзванивал друзей, чтобы договориться с кем-нибудь пропустить по стаканчику, съедал поджаренный хлеб с ветчиной, снова ложился спать, потом шел в спортзал, принимал душ, ужинал и обычно после десяти вечера выходил из дома, надушенный как путана, чтобы вместе с очередным подельником отправиться в бой.

В качестве военных трофеев выступали деньги, часы, золотые цепочки; если же попадался пижон нужной комплектации, Лео возвращался домой с парой почти новых «тимберлендов» и кожаной курткой, которые можно было продать на рынке Дукеска, но модники редко попадались ему в автомобилях, припаркованных на темных улицах Позиллипо, где обычно уединялись парочки.

Его карьера грабителя с самого начала была завязана на сексе. Женщины с поплывшей косметикой, склонившиеся над членом любовника, мужчины среднего возраста с обвисшим задом, трахающие молоденьких девчонок с иностранным выговором, транссексуалы с

огромными причиндалами в компании дружков в галстучках. Нападая на людей, занимающихся сексом в машине, они неизбежно сталкивались с человеческой гнусностью, поэтому сообщников следовало выбирать с умом.

Здесь требовались парни хладнокровные и целеустремленные, которые в любой ситуации сохраняют самообладание. За домогательства и изнасилование полагалось несколько лет тюрьмы. От своих напарников Лео требовал определенной порядочности, по крайней мере в этом отношении. И не желал много на себя брать. Если он наткнулся на адвоката с «ролексом» на запястье, который намеревался запустить руку несовершеннолетней румынке между ног, то следовало сосредоточиться на часах, не поддаваться желанию стать вершителем правосудия и не вызволять девчонку из передраги. В восемнадцать лет золотым правилом Американца было «каждый трахается как хочет».

Но чем более виртуозным грабителем он становился, тем труднее было найти ловких подручных. Большинство знакомых ему бандитов были невероятно дремучими, этих стадных баранов никогда не взяли бы даже на самую низкоквалифицированную легальную работу. Как-то один из таких поделщиков, недовольный тем, как Лео распределял прибыль, пожаловался кому-то в баре, тот передал его слова прихвостню главного по району и так далее по восходящей, пока не дошло до Кирпича, который пару недель спустя отправил своего человека на переговоры с Американцем. Или он вступает в клан и подчиняется ему, или каждый месяц отстегивает нужную сумму и продолжает свою игру.

– Иди в жопу, – заявил Лео пришедшему на переговоры пацану, с виду его ровеснику, с рябым лицом и темными глазами.

– Мне так и передать боссу? – спросил парень, уже предвидя, какую уйму работы повлечет за собой этот ответ.

– Передавай что хочешь, – отмахнулся Лео.

Парень никак не отреагировал – у него не было приказа вправить наглецу мозги, по крайней мере пока, – и ушел восвояси.

* * *

Прошло несколько месяцев, и его сцапали легавые.

Напарник не заметил приближающийся мотоцикл, и двое юнцов, почувствовавших себя матерыми грабителями, вляпались в форменную передрягу, из которой Американец выпутался только четырнадцать месяцев спустя, и то лишь благодаря отсутствию других судимостей и тому, что пистолет его оказался муляжом. Не срасталось тут лишь одно: его подельнику – Анджело, прозванному Пипи за маленький мочевого пузырь, из-за которого ему приходилось каждые полчаса бегать в туалет, – дали всего десять месяцев, хотя послушной список у него был куда внушительнее.

Американца спасло умение приспособливаться к жизни за решеткой. Тем, кто не состоял ни в каком клане, доставалось по полной: тесные камеры, чудовищные санитарные условия, злобные надзиратели и сокамерники, – но Лео понимал, что нельзя опускать руки, он знал, что это вопрос времени, а время, каким бы мерзким, бессмысленным и тягостным ни казалось настоящее, бежит.

В тюрьме Поджореале почти все заключенные ожидали решения суда. Каморристы, карманники, убийцы, наркоманы и иммигранты выступали единым фронтом под знаменем презумпции невиновности, поэтому настроение царило не такое мрачное, как можно было ожидать. Несмотря на грязь, перенаселенность, наркотики и отвратительную еду, в воздухе витали ощущение временности и нетерпение, словно надежда нашла воплощение в окружающем упадке.

Поначалу Лео определили в корпус Авеллино. Его сокамерниками оказались героинщик неопределенного возраста, марокканец с лицом кобры и толстяк-неаполитанец, опытный грабитель, который, кочуя по колониям, провел за решеткой уже девять лет.

Первая ночь обернулась сущим кошмаром. Героинщик бился в конвульсиях несколько часов кряду, наконец толстяк-неаполитанец и марокканец с лицом кобры принялись с воплями барабанить в дверь, и спустя целую вечность показались санитары в сопровождении надзирателей. Чуть позже, уже на рассвете, на глазах у своих новых товарищей Лео испражнился в унитаз, и пока он силился исторгнуть из себя двухдневные запасы, то подумал, что совсем скоро превратится в животное, еще немного, и он тоже станет воспринимать как нечто

само собой разумеющееся, когда кто-то при нем опорожняет кишечник.

Примерно через неделю героинщик вернулся из больницы в еще худшем состоянии, чем прежде, но в камере его дожидалась доза героина, не сходя с места, он укололся, и ему наконец-то полегчало. Толстяк-неаполитанец подмигнул Лео и шепнул:

– Ура, сегодня выспимся.

В первые месяцы главные трудности были связаны со сном, но со временем Американец понял, что недосып – по ночам его каждый час кто-нибудь будил – и бесконечная усталость не имели никакого значения на фоне куда большей проблемы – денег.

Их всем катастрофически не хватало, а поскольку чуть ли не каждый первый загремел на нары за преступления, совершенные из-за денег, ситуация складывалась взрывоопасная. Не так страшны были кражи, как вызванная разногласиями агрессия, причем поводом для нее могли стать как старые, дотюремные убеждения арестантов, так и новые, приобретенные уже в тюрьме с ее чудовищными условиями. В остальном, хотя бы среди сокамерников, царила солидарность.

Проявлялась она в том числе, когда дело касалось еды. Заключение не могли жить без мяса. Кто при деньгах, был обязан закупать его помногу (в столовой готовили скверно, так что арестанты приторговывали едой) и делиться с менее состоятельными сокамерниками. В их камере Американцу и толстяку-неаполитанцу пришлось взять это на себя, ввиду абсолютной нищеты героинщика неопределенного возраста и марокканца с лицом кобры. Со временем стало очевидно, что Американец еле сводит концы с концами, и весь груз лег на плечи толстяка-неаполитанца.

Как-то раз, когда Американец уже освоился в лагерной жизни, дирекция решила перевести его в другую камеру. Он не слишком расстроился. Он привык к тому, что события происходят без всякой логики, следуя неисповедимым магическим законам, и считал себя их жертвой. Американец безропотно собрал свои пожитки, попрощался с товарищами и мысленно подготовился к тому, что теперь придется срать перед кем-то другим.

Ему повезло. Камера оказалась куда уютнее прежней, а сосед с окладистой бородой с проседью выглядел так, будто попал сюда по ошибке. Его сдержанная жестикуляция и вежливая манера общения

заставляли усомниться в том, что этот человек – преступник; почти все время он проводил у себя в углу за чтением и по часам принимал сердечные капли.

Вскоре Американец узнал от других обитателей корпуса, что его сокамерник – политик, попавшийся на получении взятки. Тогда же Американец уяснил, что после педофилов наибольшее отвращение у эков вызывают осужденные политики.

– Ты из какой партии? – однажды поинтересовался Американец.

Сосед притворился, будто не услышал, но, поскольку в тюрьме невозможно увильнуть от разговора, ответил со вздохом:

– Я социалист.

Лео оторвал пару листков туалетной бумаги и сложил их вдвое.

– Социалист, – пробормотал он, подтирая зад. – Значит, ты защищаешь бездомных?

Мужчина взглянул на него.

– Не возражаешь, если мы не станем это обсуждать?

– Хорошо, – согласился Американец и спустил воду. – Я так, разговор поддержать.

В общем, эти перемены его устраивали. Здесь было просторнее и по ночам поспокойнее. Но однажды ночью его разбудили какие-то звуки: сосед плакал. Он выглядел таким жалким, что Лео поднялся с койки и попробовал утешить его:

– Я думаю, мы находимся в заколдованном месте, – прошептал он. – Что-то происходит, но мы ничего не можем изменить.

На следующий день Американец проговорился, что его сокамерник дал волю слезам, и всеобщее презрение к политику достигло небывалых высот. Новость распространилась, как лесной пожар, и дошло до того, что однажды на прогулке какой-то тип подошел к политику и при всех дал ему пощечину.

Тем же вечером, собравшись ужинать, политик забрался на свою койку и впервые не предложил Американцу мясо. На вопрос, что случилось, тот невозмутимо ответил:

– Если что-то происходит, значит, на то есть причина. Только неудачник может верить, что его привела сюда магия.

Через несколько недель политик вышел на свободу. Американец и другие заключенные остолбенели, увидев его по телевизору, гладко выбритого и в хорошем костюме. Он рассказывал в интервью, какие

шаги намерен предпринять для улучшения условий в итальянских тюрьмах, когда с него снимут обвинения.

Лео огляделся. Впервые за время заключения он осознал всю беспросветность своего положения и подумал, что все эти уголовники, включая его самого, – люди без будущего и заслуживают презрения.

Глубокой ночью он не смог сдержаться и разрыдался. По счастью, его новый сокамерник только-только вколол себе дозу героина и ничего не заметил.

* * *

Через несколько дней после выхода на свободу он получил приглашение от Кирпича навестить его в офисе.

– Мне твои гроши на хер не сдались, – сказал босс.

Он обожал бильярд. Хотя дело происходило в конурке, где с трудом помещались две слоновьи туши – его и носатого головореза, который замер в дверном проеме, – профессиональный стол он установил именно там, в своем офисе-притоне в районе Ареначча.

– Тогда в чем проблема? – спросил Лео, разглядывая человека, который раньше был боссом его отца, а теперь хотел и его подмять под себя. Внешность у него самая заурядная, подумал он, если не сказать затрапезная. Поговаривали, что после того, как в Кортина-д'Ампеццо легавые сцапали его, одетого в смокинг, он решил, что элегантные костюмы – это к несчастью, и потому теперь носил только спортивные костюмы.

Кирпич потер мелом кончик кия.

– Проблема в том, что на моей территории ты либо становишься солдатом, либо не рыпаешься, – пояснил он. – К тому же, если ходишь подо мной, можешь рассчитывать на всяческие привилегии...

– К примеру, на меньший тюремный срок, как в случае с Пипи?

Кирпич кивнул, наклонился над столом и ловким ударом начал игру.

– Так что делать будем?

Лео задумался.

– Нет, я пас, – наконец произнес он. – Не сочтите за неуважение, но вся эта история с вступлением в клан не для меня.

Знаком босс велел носатому верзиле подать молодому гостю кий.

– Не сыграть ли нам разок? – предложил он.

Около получаса они состязались в полной тишине. Лео поддался, тем более что черный шар он вряд ли смог бы забить. Он уже было понадеялся, что на этом неприятная встреча закончится, как вдруг Кирпич схватил его за грудки и прорычал:

– Или ты становишься одним из нас, или я велю выпустить тебе пулю в рожу, понял, америкос? А теперь вали отсюда! Не будь ты сыном Человека-паука, мир его праху, давно лежал бы на кладбище!

Сколько почтения мертвецу, которого ты своими руками и прикончил, подумал Лео. Интересно, Винченцо тоже получил предупреждение перед тем, как сдохнуть собачьей смертью посреди улицы? Глаза Американца потемнели от ярости. Будь он благородным человеком, любил он по-настоящему своего отца, убил бы этого подонка, не сходя с места.

В ту же секунду, как в нем забурлила жажда мести, Лео подумал о том, насколько сильно он презирает дешевые ухищрения, с помощью которых мафиози надеются произвести впечатление, – все эти вкрадчивые манеры, слащавые речи и игру интонациями. Кирпич был дешевым комедиантом, а не главой клана. Ни ума, ни харизмы, ни смелости – слишком сильно дорожит своей жалкой шкурой. Да, он безжалостный, но для этого много не нужно.

Эта мысль сильно огорчила Лео. За все четырнадцать месяцев заключения он ни разу не испытывал такой тоски. Он вдруг почувствовал, что и сам ничего не стоит, что ему не на что надеяться, это заколдованный круг, где одна ошибка тотчас влечет за собой другую, а месть порождает новую месть. Настоящая тюрьма – в его голове, а та в другой тюрьме, которой является его жизнь, а та, в свою очередь, заточена в еще одну тюрьму – Неаполь.

Резким движением он высвободился и, посмотрев Кирпичу прямо в глаза, сказал:

– Незачем отправлять меня на кладбище. Дайте мне несколько дней, и я навсегда исчезну.

Это было разумное предложение.

Две недели спустя, в конце августа 1995 года, Американец поднялся на борт самолета компании «Алиталия», следующего по маршруту Рим – Нью-Йорк. Прилетев в аэропорт имени Джона Кеннеди, он сел в

метро, доехал до автовокзала и оттуда продолжил свой путь в Хартфорд, Коннектикут.

– Ну всё, мне пора, – сказал он в день отъезда, пока его дружки спорили, кому нести чемодан.

Мать в полной прострации взглянула на него, не в силах смириться с происходящим: рано или поздно все мужчины покидали ее. На ней какое-то проклятие, подумала она, Иисус Христос наказал ее в тот день, когда она отказалась от своего духовного призвания. Она поцеловала сына в обе щеки и крепко прижала к себе, но по сдержанному ответному объятию поняла, что до сих пор не получила прощения.

С Пинуччей он повел себя иначе.

– Обязательно приезжай ко мне летом в гости. Только не тащи с собой этого нудилу Николу, – улыбнулся он.

Сестра разрыдалась и кинулась ему на шею.

– Пока, мам. Как только смогу, вышлю тебе деньги на билет.

– Не волнуйся, я сама об этом позабочусь, – отозвалась Эстер и добавила, пока сын не успел переступить через порог: – Ле, умоляю, слушайся дядю с тетей. И прежде чем что-то сделать, думай своей головой.

– Моей головой? – усмехнулся Лео. – Какой такой головой?

Еще несколько месяцев по кварталу ходили самые разные слухи. Время от времени кто-то утверждал, что разговаривал с ним по телефону или что говорил с кем-то, кто утверждал, что разговаривал с ним по телефону, но прошло несколько недель, и сплетни рассеялись, как туман, каждое утро на рассвете спускающийся с холма Каподимонте.

Никто больше не вспоминал Лео и не гадал, как ему там живется. Однажды его мать и сестра съехали с квартиры, и в наших краях их больше никто не видел. Начались перешептывания, и среди этого неразборчивого шума вдруг прозвучала не такая уж неожиданная новость: Американка переехала к дону Карло в другой район. Постепенно и их забыли, все вернулись к своим делам и зажили так, словно Американца никогда и не было.

Узник

Часть первая

2001–2010

Ты отринул нас, Ты сокрушил нас, Ты прогневался.

Псалом 59

Когда-то, еще во времена работы в Бари, Эдуардо по той или иной служебной надобности оказывался в кабинете Катальдо Ролло и забавлялся тем, что, покорно внимая очередной тираде директора барийского филиала, разглядывал висевшие над письменным столом гравюры с изображениями пастухов из знаменитого рождественского вертепа XVIII века – жемчужины художественной коллекции банка. Все эти точильщики в лохмотьях, разодетые в пух и прах простолюдинки и полусонные дети всегда были ему симпатичны. Любой, взглянув сначала на этих бедняков, а потом на него, подтвердил бы, что они ничем друг от друга не отличаются – живут впроголодь и надевают в праздник свое лучшее платье.

Потом отец уехал из Бари и не вспоминал о вертепе до тех пор, пока поздней весной 2001 года не пришел в кондитерскую «Мочча» на виа Сан-Паскуале, где ожидавший его представитель профсоюза с неожиданно мрачным видом сообщил, что все катится под откос.

– Туринцы сделали свой ход. – Так его собеседник высказался об инициированной «Санпаоло Ими» покупке большей части пакета акций Банка Неаполя у Национального рабочего банка. Дело дошло до того, что какой-то савойский франт вздумал перевезти это бесценное сокровище в туринский офис. – Они всё разграбили. Письменные

столы, кресла, картины... И вертеп! Все уже упаковано и готово к отправке на север страны.

Представитель профсоюза смерил взглядом чопорного официанта, заказал четыре шоколадных профитроли и два эспрессо, а Эдуардо тем временем приготовился услышать о новых выходках подлых захватчиков. Это был секрет Полишинеля, но, чтобы услышать его своими ушами, следовало назначить встречу в кондитерской.

Досрочный выход на пенсию.

Представитель профсоюза – коренастый человечек, все время теребящий бороду, – испытывал легкую неловкость, произнося эти слова. Желание нового руководства отделаться от него на двадцать четыре месяца раньше, вытолкнув на пенсию, мой отец воспринял как оскорбление. Его собирались уволить в пятьдесят шесть, и это после двадцати пяти лет службы!

Сукины дети были готовы на все, даже выплачивать зарплату просто так, лишь бы он больше не появлялся в коридорах банка.

– Только не принимай на свой счет, всему набору 1974 года предлагают то же самое, – заверил его профсоюзник. – Предложение, конечно, заманчивое. И еще неизвестно, поступит ли оно снова, если ты сейчас откажешься...

Эдуардо, охваченный странным беспокойством, залпом выпил кофе. Посетители кондитерской сновали мимо, безразличные к буре в его душе. Как они могли спокойно заказывать пирожные, пироги, кофе и не замечать, что происходит? Удар по Банку Неаполя – это не просто увольнение его самого и коллег, это поругание достоинства всего Юга, сокращение тысяч рабочих мест, предприятий, уничтожение многовековой истории. Эти люди понимали, что бар «Даниеле» в Вомеро терпел убытки по вине туринцев, аннулировавших подряд на поставки? Как «конкистадоры» собирались укреплять имидж своей организации, если они отказались от кофе-брейков во время совещаний?

Он смотрел в одну точку перед собой. На что будет похожа его жизнь на пенсии? Как же обидно. Именно сейчас, когда новая экономика вот-вот озолотит его.

– Они подмяли банк под себя, Эдуа, – подытожил представитель профсоюза, теребя бороду. – Лучше уйти до того, как они пинками погонят всех прочь.

Отец взял с тарелки профитроль, проглотил его целиком и перевел взгляд на сидевшего перед ним человека. Он не мог подобрать слова, чтобы объяснить, насколько это предложение для него неприемлемо.

Мыльный пузырь новой экономики лопнул куда быстрее, чем можно было ожидать, – всего через несколько месяцев. В мае всплыли на поверхность первые жертвы доткомов^[24], а к сентябрю, когда все вернулись из отпусков, кровопролитие уже свершилось.

– Херня эта новая экономика! – проворчал Паскуале. Несмотря на свою тучность, он вошел в кабинет моего отца так же бесшумно, как и всегда. – Каждый раз одно и то же: они запускают быков в загон, запирают ворота, а потом посылают убийцу, чтобы с ними расправиться. Как мы попались на эту удочку, вот в чем вопрос.

– Мне очень жаль, я ошибся. – Эдуардо оторвался от монитора, в который смотрел, не веря своим глазам. Он упрямо держал этот треклятый запас акций «Тискали». При первых признаках опасности не вышел из игры, хотя следовало бы, и потом так же упорно отказывался их продавать, надеясь на скачок котировок, которому не суждено было случиться. Не воспользовался шансом сбыть акции по сто двадцать лир, а теперь был бы несказанно рад и сорока.

– Кто-то об этом знал, – уверенно сказал отец. – Кто-то должен был нас предупредить.

Когда «туринцы сделали свой ход», банковские офисы превратились в джунгли, где попробуй-ка раздобудь достоверную информацию. На бирже тоже все изменилось. Знак «+» или «—» рядом с наименованием ценных бумаг больше не зависел от бюджета компаний, уровня безработицы, коэффициента инфляции или политической стабильности. Рынок теперь походил на притон любителей азартных игр и никак не реагировал на изменения, происходящие в реальной жизни, – все сводилось к исступленной купле-продаже.

В газетах без конца писали о неопытных юнцах, разбогатевших благодаря интернету. Это новое веяние одержало верх над болтами, сварочными машинами, топливом, рабочими и даже капиталом. Эдуардо не был должным образом вооружен для такой войны.

Связался с доткомами, а сам даже не знал, как подключиться к интернету!

– Что было, то было, – произнес Паскуале, замерев на месте. – Дело в том, что я в минусе, Эдуа. Влип по уши.

– Мы все влипли, Паска.

Сын мыловара бесцельно закружил по комнате, как ослепший от ярости дикий баран. С годами он превратился в копию своего отца, только более упитанную.

– Ты не понимаешь. Я выступил поручителем по кредиту моего сына. Я не могу больше брать ссуды...

– Я никогда не слышал, чтобы банк привлекал своего сотрудника к ответственности за невыплаченную ипотеку, – ответил Эдуардо.

Паскуале взглянул на него с жалостью. До чего же его друг стал медленно соображать, ни дать ни взять бойцовый пес на исходе своей карьеры.

– Ну да. Это когда Банк Неаполя еще был Банком Неаполя.

Отец принялся наводить порядок на столе. Если банк больше не банк, то и я больше не я, решил он.

– Я знаю, что у нас в квартале есть тип, который дает деньги в долг, – толком не подумав, сказал он. – Если хочешь, могу договориться с ним о встрече.

Паскуале замахал руками, отгоняя такую перспективу.

– Ростовщик? Не хочу попасть в лапы к этой братии, Эдуа. Всё, забыли... – И направился к выходу.

– Но он большая шишка, – не сдавался Эдуардо. – Не какой-то там жалкий процентчик. Теперь все изменилось, они не копят деньги, а хотят их тратить. Мне кажется, если мы к нему сходим, он придумает, как тебе помочь.

Паскуале с изумлением смотрел на него, он впервые слышал подобные речи от своего друга.

– Ты уверен, что не получится как с «Тискали»?

– Уверен, – кивнул отец. Но на самом деле он ни в чем не был уверен.

Вернувшись домой тем вечером и заметив его встревоженный вид, мама сразу догадалась: что-то стряслось.

– В чем дело, Эдуа? Ты бледный как смерть. Ты уже слышал? Пока ничего толком не ясно, но по телевизору говорят, что очень много

людей погибло...

Незадолго до этого, около трех часов дня, по коридорам банка разлетелась новость, что в Нью-Йорке от столкновения с двумя рейсовыми самолетами обрушились два небоскреба, а следом рухнул еще один, недалеко от Пентагона. Пять, десять, тридцать тысяч жертв. Первые сообщения в новостях выплевывали цифры, как в лотерее. Телевизор поспешно унесли на верхний этаж, подальше от глаз, и хотя официального объявления не делали, всем разрешили разойтись по домам. Как можно было притворяться, что ничего не произошло, когда террористы перевернули весь мир вверх дном? В такой день на Уолл-стрит никто даже на работу не выйдет.

Интересно, задумался чуть позже Эдуардо, переступив порог Королевского дворца на Пьяцца-дель-Плебишито – к счастью, после публикации в газетах яростных протестных писем туринцы отказались от своей затеи с перемещением вертепа, – здесь всегда так пустынно или сегодня особый день?

Его внимание привлекли несколько сцен. Рынок, источник, рождение. Величественный вертеп, неимоверно разросшийся за несколько веков, поражал тщательной проработкой деталей: шерсть ослика, глаза кобылы, соцветия брокколи, борода волхвов точь-в-точь как у Осамы Бен Ладена, тоже своего рода пастыря, на которого все старательно указывали как на мозговой центр терактов. В действительности же новость дня, подумал мой отец, заключается совершенно в другом: меня поймали. Вот главная новость, и место действия – моя задница, а не Манхэттен.

Он взгляделся в стеклянную витрину перед собой: в ней отражался мужчина с седыми волосами, выпирающим пузом, торчащими из ушей и ноздрей волосками; он тщательно осмотрел свои потрескавшиеся, пожелтевшие пальцы, и они напомнили ему корни векового бука, который он однажды видел в лесу. Подошел смотритель и предупредил, что музей скоро закроется, значит, возвращение домой больше не оттянуть. На площади перед Королевским дворцом было безлюдно, кругом тоже ни души.

– Не хочешь рассказать, что у тебя стряслось?

Анна тенью проследовала за ним в спальню.

Эдуардо развязал узел галстука. Он вспомнил, как начиналась его работа в банке, вспомнил первые годы, проведенные в чистилище,

мешок, который он набивал грязной одеждой и который жена, оставшаяся в Неаполе, потом открывала с таким благоговением, словно это была шкатулка с драгоценностями, вспомнил преследовавшую его всю жизнь боязнь нищеты. Он хотел бы побеседовать с тем парнем и успокоить, что ничего страшного не случится. Надо было наслаждаться жизнью, чаще выбираться куда-нибудь с коллегами, принимать их приглашения на ужин в Старом Бари, может, даже стоило пойти на поводу у своего каприза и переспать с той крашеной секретаршей и вообще – почему бы и нет? – признаться Нане, что никогда не верил в ее гороскопы. Он всегда жил в страхе, но сейчас, когда туринцы вознамерились избавиться от него, а накопленные сбережения сгорели на бирже, он ощутил, как внутри забурлила энергия того юнца. Если он никак не отреагирует, его ждет судьба какого-нибудь пастуха из рождественского вертепа – фигурки в толпе на заднем плане, на которую никто не обращает внимания.

– Я решил уйти на пенсию, – сказал он.

Анна уставилась на него, открыв рот, за ее изумлением проступало легкое беспокойство.

– Знаешь, Нана, что бы я хотел на ужин как-нибудь вечером?

Анна оторопело покачала головой.

– Сырые морепродукты. – Он расстегнул пуговицы на манжетах рубашки. – Я их никогда не пробовал. А ты?

* * *

Экран телевизора освещал гостиную, объятую ночной тишиной. В соседней комнате Миа укладывала Винсента. Пахло очищающим кремом и пеленками. На кресле дожидался завтрашнего дня рабочий комбинезон.

Ночью они вставали вдвоем, даже если было достаточно кого-то одного. Когда наступало время кормления, Лео приносил ребенка Миэ. Если укладывать его должен был Лео, Миа помогала. Но чаще всего Винсент требовал маму, и тогда Миа брала дело на себя, а Лео чувствовал себя никудышным отцом и стоял в сторонке или уходил в гостиную.

Сегодня был тот самый случай.

Лео упал в кресло. На канале WSFB слишком элегантный для столь позднего часа мужчина говорил о понижении температуры во всем штате. Американец подумал, что утром надо бы надеть теплую куртку. Ему нельзя рисковать здоровьем. С рождением Винни простуда стала непозволительной роскошью.

Шесть лет назад он начал с того, что пошел убирать навоз на ферму Миллеров в округе Хартфорд. Как до него дядя Фрэнки, как дедушка Антонио до дяди Фрэнки, как его кузен Энтони, потом устроившийся на завод Кольта, и чем до сих пор занимался Хорхе – испанец, который в молодости увивался за его матерью, пока ее не увез Человек-паук.

Сгребать навоз – простейший способ за что-то зацепиться, с чего-то начать. Шесть дней в неделю он загружал по полтонны коровьего навоза в холодильную камеру грузовика, за рулем которого сидел Хорхе, который периодически ворчал, до чего отстойной стала эта работа. В его время навоз сгребали лопатой, а не сидели в электрокаре, дергая за рычаг.

Через несколько недель, проведенных у Миллеров, он совершил открытие, на его взгляд сенсационное. Коровьи экскременты несколько дней лежали в холодильной камере, потом проходили химическую обработку и только тогда становились удобрением; земледельцы удобряли почву, земля порождала маис, маис становился кормом для кур, куры испражнялись, куриный помет попадал в корм для коров, чьи экскременты и собирал Лео. Получается, заключил он, куры и коровы только и делают, что поглощают дерьмо друг друга, а люди, покупая по акции в супермаркетах «Уолмарт» мясо по 4,99 доллара за упаковку, поедают дерьмо и тех и других.

Платили мало, но эта работа сделала возможной нынешнюю жизнь Лео в маленьком домике в Норт-Энде с Мией, которая просила его то вынести мусор, то поменять подгузник Винсенту. Он знал, что где-то есть люди, чья жизнь куда более захватывающая, но ему было все равно. Здесь, с Винни, пускавшим во сне слюни у него на груди, Лео чувствовал себя в убежище, где никакие враги его не достанут. Пусть делают что хотят – кричат, стреляют, взрывают, – ему все нипочем, он находится на краю света, в Хартфорде, Коннектикут, США.

В свои двадцать шесть он ощущал, что жизнь наконец-то движется в верном направлении. Подростковая стрижка осталась в прошлом, он слегка поправился, возмужал, в очертаниях тела появилась

основательность, как у плюшевого цыпленка, покоящегося где-то на дне ящика с игрушками Винни.

Миа напевала – это означало, что опасность миновала. Лео потер глаза и выключил телевизор, подождал, пока жена откроет дверь и бросит на него заговорщицкий взгляд. Их общение уже давно превратилось в непрерывный обмен знаками в полутьме. Они были готовы на любые ухищрения, лишь бы не разбудить ребенка.

Свет из гостиной осветил темный пушок на головке Винсента.

– Уже ясно, что у него мои волосы, – с довольным видом сказала Миа. – Может, и цвет кожи тоже. Глаза точно твои...

– Пока сложно сказать, – для виду запротестовал Лео.

Если вспомнить обо всем, что удалось с ним приключиться, то никакие усилия, лишения, страдания, смерти, жестокость не стоили и половины той радости, что дарило ему узнавание себя самого в этих синих глазах.

– Врач сказал, это можно будет понять только через несколько месяцев...

Той ночью зазвонил телефон. Винсент проснулся и захныкал. Миа побежала его успокаивать, а Лео кинулся к трубке. Чем меньше раздастся звонков, тем быстрее Винни уснет. А чем быстрее Винни уснет, тем больше у них будет завтра сил для заботы о нем.

Он влетел в гостиную. Кто бы это мог быть? Всем их знакомым было категорически запрещено звонить после девяти вечера, родители Мии тоже не стали бы их тревожить, разве только если случилось что-нибудь действительно серьезное.

Только если случилось что-нибудь действительно серьезное.

Еще звонок. Лео почувствовал, как одеревенела шея, взглянул на лежащую на письменном столе трубку и понял, что это серьезное только что произошло. Сердце его тестя всегда было слабым, должно быть, оно не выдержало.

За несколько секунд он успел вообразить все, что только можно. Похороны старика Армандо, пуэрториканцев в парадных костюмах, воскресные обеды с Ракель, слова утешения для Мии, растерянность, которую он ощутит, когда Винсент спросит про дедушку.

– *Hello?* – прошептал он. – *Hello?*

В трубке слышались помехи, словно звонили с другого конца света.

– *Hello?*

– Братишка. – Голос прерывался от рыданий. – Это я, Пинучча.

* * *

На похоронах Американки царили неловкость и молчание. Как это всегда бывает перед лицом смерти, вся мирская суэта отступила, осталась лишь вытянувшаяся в гробу усопшая со скрещенными на груди руками и безмятежным лицом. О том, что в прошлом она была женой мафиозо, напоминал только венок из гербер и желтых роз, бесцеремонно поставленный одним из прихлебателей Кирпича прямо на алтарь, чтобы ни у кого не возникло сомнений, от кого он.

Кто-то узнал безучастного седобородого мужчину, который, кутаясь в теплую вельветовую куртку, сидел в последнем ряду: это был дон Карло, точнее, теперь уже просто Карло. Бегинки покрепче вцепились друг в друга, старательно не обращая на него внимания. Сам же Карло думал о том, что прогадал с костюмом. Не до него было. После звонка Пинуччи все закрутилось со скоростью света, а приезд Американца внес еще большую неразбериху. Вряд ли Лео обрадуется, увидев его. Карло молитвенно сложил руки и закрыл глаза. Священник в прошлом, любовник вдовы каморриста, своей бывшей прихожанки. Какая еще роль могла быть ему уготована, как не роль человека-невидимки?

– Вот подонок, – пробормотал Лео, глядя на венок из гербер и желтых роз. – Как он посмел? Сейчас я его уберу отсюда...

Пинучча повернулась к брату. Она плакала не переставая с того самого момента, когда осознала, что ее мать уже никогда не поднимется по ступеням, на которых ее сердце решило остановиться.

– Там стоит один из его прихвостней, – сказала она. – Умоляю, только не вмешивайся, лучше я сама...

Бегинки увидели, как Пинучча тихо встала со скамьи в первом ряду, прошла до конца нефа, где стоял сотрудник похоронного бюро, одетый в костюм в тонкую полоску, и что-то прошептала ему на ухо. Он тотчас направился к алтарю, снял венок и унес его, чтобы покойница,

если бы вдруг проснулась – на что в душе надеялась Пинучча, – даже не узнала о его существовании.

– Ты доволен? – раздраженно спросила она, занимая место между братом и Николой, своим бессменным женихом, который первым примчался в больницу, первым посоветовал позвонить Лео в Америку, оповестить Карло, приход и бюро ритуальных услуг. «Пришлось много говорить по телефону», – так Пинучча ответила бы на вопрос, как она провела первые часы после смерти матери. Но никто ее ни о чем не спрашивал.

Наконец вошел священник. Молодой, кроткий на вид, с волосами соломенного цвета, которые напомнили Лео укрытые листвой тропинки в осеннем Кени-парке. Фоновая музыка смолкла. Священник перекрестил тело кадилом.

– Встаньте, – сказал он, сложив руки вместе и неотрывно глядя на паству. – Помолимся. – И склонил голову.

В эту секунду пошел дождь. Городские шумы постепенно заглушил все более настойчивый перестук капель, которые сыпались на улицы, крыши, людей, кучи мусора, деревья; они проникали в трещины в стенах, открытые окна, стекали по водостоку, забрызгивали витрины магазинов, двери подъездов, автобусы, скапливались в грязных лужах, затапливали канализацию, мчались широкими ручьями по обочинам дорог, разъедали город снизу, и вдруг становилось ясно, что у города нет фундамента, он, как самая большая ложь, опирается на пустоту.

В эту секунду Карло пронзило чувство зависти: он позавидовал священнику в алтаре, его молодости и вере, которую излучало все его естество.

В эту секунду бегинки подумали о забытом на террасе выстиранном белье, ожидавшем их вскоре обеде, накопленных купонах из супермаркета.

В эту секунду Пинучча сжала руку Николы и подумала, что любит его, Никола же подумал о шестерке Кирпича, видел ли он пантомиму с венком.

В эту секунду Лео поднялся и сделал свой выбор.

В эту секунду тело Американки впервые осталось в одиночестве, излучаемая ею безмятежность развеялась. Ее путешествие началось, и смерть не могла больше ничего с этим поделать – мирская суэта возвращалась на свое законное место.

* * *

Кругом темнота. Время от времени ее нарушают автомобильные фары, свет в окне напротив, выглядывающая из-за облаков луна.

Лео зажигает спичку, и вспыхивает венок из гербер и желтых роз. На балконе становится как никогда светло. Поднимается дым – черное на черном.

Лео смотрит вниз, и его сердце наполняется ностальгией. Проводит рукой по балюстраде. Темно, холодно. Он спустился отсюда, думает Лео, именно здесь Винченцо стал супергероем.

Он заходит внутрь и оказывается в своей бывшей комнате. Открывает один ящик, другой: надо же, вроде бы помнил, где он, но...

Вот он.

В руке лежит нож. Он раскрывает его снова и снова. Кажется, раньше он делал это быстрее, но и так сгодится.

Стремительно, словно олень по лесу, Лео мчится по улице, никто не видит его, и он никого не видит.

– Я бы хотел поблагодарить дона Луиджи за цветы, которые он прислал на похороны моей матери. Завтра я возвращаюсь домой, в Америку, – говорит он одному из головорезов у входа в игорный притон. Они его не узнали или же узнали, но им все равно. Они совершили ошибку, не обыскав его. Встретившись с Кирпичом, он достанет из кармана нож и ударит его в горло, потом выскользнет через черный ход и отправится напрямиком в аэропорт. Такой у него план.

Лео пропускают внутрь. Кирпич играет в бильярд. Он постарел и кажется совсем нестрашным.

– Добрый вечер, дон Луиджи, – тихо говорит Лео, а кровь бешено бурлит в венах.

– Здравствуй, Американец. Соболезную. Твоя мать была храброй женщиной.

– Точно, очень храброй, – соглашается он. – Спасибо за венок, не стоило.

– Пустяки.

Их тела, находясь совсем рядом, излучают совершенно разные вибрации. Один будет жить, другой умрет.

– В чем дело, пацан, ты в порядке?

– Все в порядке, – говорит Лео, подходя ближе. Опускает руку в карман, сжимает нож, и в этот миг решается человеческая судьба.

* * *

Он сидел, прислонившись спиной к скалистому выступу на вершине холма. Языки пламени из жаровни, подхваченные ветром, поднимались по дымоходу, и синефиолетовые искры сыпались на отцветшую мимозу.

Ветер переменялся. Лео слышал, как ниже по холму снуют лисы. Их твюканье удалялось вниз по склону, в направлении речного русла, становилось все тише и тише и наконец совсем смолкло, когда стая укрылась в какой-то заброшенной норе.

На западе по долине стелились огни далекого Беневенто, будто упавшие на землю небесные тела. Лео поднялся, пытаясь угадать, в какой стороне лисы, но вскоре снова сел на корточки спиной к выступу и сплюнул.

Карим поворошил угли кочергой.

– Во всем виноваты эти чертовы куры, – сказал он. – Опасность их приманивает.

Хотя крестьяне научились укреплять курятники как военные форты, ночью все равно приходили лисицы. Так было всегда. Они выбирались из нор, чтобы поохотиться на куриц, и так или иначе получали свое.

– От этого все проблемы, – продолжил египтянин. – Их ни с того ни с сего тянет за ограду, где они гарантированно попадают лисам прямо в пасть...

Поутру не досчитавшиеся кур крестьяне обходили окрестности в поисках останков, потому что лисы порой убегали метров за сто, чтобы растерзать добычу. Обычно от птиц оставалась лишь кучка перьев и обглоданных костей. И глаза – один или оба глаза отдельно от тела, брошенные на землю, словно игрушечные стеклянные шарики. Вот ведь глупые пернатые, удивлялся Лео, о чем они вообще думают, когда отправляются навстречу своим убийцам?

Карим вытащил вертел из жаровни, снял с него куски курицы и протянул Лео полную миску.

– На, бери.

Американец взял ножку, окунул в соус от картошки и вонзил в нее зубы. Доев, он облизал пальцы и запустил руку в миску, выбирая новый кусок.

– Полегче, оставь и мне что-нибудь!

– Не волнуйся, тут много. – Лео ухватил еще одну ножку.

Ветер снова переменялся. Помолчав, Карим сказал: – Никак не пойму, почему лисы убили эту курицу, но не съели.

– Может, они были сытыми.

– Настоящий хищник никогда не бывает сытым.

Они молча жевали, сидя у огня, пока он не погас. Лео взглянул на небо:

– Сегодня видно Млечный Путь.

– Это ненадолго. Через несколько дней придут заморозки, и до весны ни одной звезды не увидишь, – поспешил расстроить его Карим. Он бросил кости на землю, а пустую пивную бутылку швырнул за шеренгу елей, огораживающих ферму. – Я спать. Завтра повезу Али в район Кайаццо.

– Зачем?

– Племянница босса играет свадьбу. Попросили у меня лошадь, чтобы впрячь в повозку с молодыми... Фу! Чистокровный жеребец будет тянуть коляску с двумя жирными двадцатилетками, которые осла от быка не отличают.

– Обязательно везти к ним Али?

– Босс требует чистокровку. – Египтянин оглядел долину, невидимая река текла совершенно бесшумно. – Очень прошу, увидишь лисицу – задай ей жару.

– Постараюсь.

Той ночью к ним приехали. Карим постучал в дверь вагончика и с удивлением обнаружил, что Лео еще не спит.

– Пойдем, – позвал он. – Они здесь.

Они вышли на улицу. Американец посмотрел в сторону реки и различил мерцающий свет рядом с конюшней, в том месте, которое прозвали «свалкой». Эта светящаяся точка нарушила привычный

ночной пейзаж с его зловещими шорохами и стелющейся по земле сыростью.

Обычно джип с «посылкой» приезжал не раньше двух часов ночи. Он появлялся из-за подножия холма, следовал по местной дороге вдоль западного берега реки, проезжал полкилометра по проселку, гасил фары и сворачивал на неприметную дорогу, скрытую за металлической решеткой, затем, минуя снопы сгнившего сена и давно не стриженные тутовые деревья, поднимался на площадку. Когда машина заезжала на свалку – неухоженный участок между конюшней и основными строениями, Кариму звонили на мобильный.

Между «посылками» проходили дни, недели, а порой и месяцы.

– Возьми лопату, – велел Карим.

Чем ближе они подходили к конюшне, тем сильнее нервничал египтянин. Лео молча следовал за ним. Дилемма посредника заключается в том, подумал он, что перед подчиненными надо играть роль хорошего начальника, а перед начальником – хорошего подчиненного. Пока они шли, ломая сапогами покрывающую землю корку, Американец обратил внимание, до чего ярким был в ту ночь Млечный Путь – он высветил два силуэта рядом с джипом.

Одного из них Лео хорошо знал. Невысокий, коренастый, лет пятидесяти, носатый, на этот раз он был одет в спортивные штаны и толстовку с надписью *California*. Едва их завидев, он обратился к Кариму, указывая пальцем на холмик из свежевскопанной земли:

– Эти гребаные кроты вернулись. – И затянулся сигаретой.

Карим взглянул на Лео.

– Не кроты, а лисы.

– Что? – переспросил носатый, которого эта новость будто бы озадачила на секунду.

– Лисы.

– Вот мрази...

– Можешь говорить громче.

Лео взял лопату и воткнул в землю, а Карим с носатым стали обсуждать самый эффективный способ борьбы с лисицами.

– Надо бы повсюду разбросать отраву.

– Это опасно для лошадей. Лучше их отстреливать.

– Лучше бы разобраться с этими гребаными кротами.

Второй парень (его Американец никогда прежде не видел) пристально его разглядывал и курил одну сигарету за другой.

– Не волнуйся, завтра начнется большая охота, – сказал египтянин.

– Мне так и передать дальше?

– Мы все берем на себя. Вытащим их прямо из норы.

– Ладно, посмотрим, – сказал носатый. – Как справляется твой помощник?

– Как видишь, он трудяга.

– И не слишком разговорчивый.

– Могильщики беседы не жалуют. Твой парень тоже неразговорчивый.

– Мой-то немой.

– Что, правда? – удивился Карим.

– Правда, – ответил носатый. Он засунул руки в карманы толстовки и подошел к напарнику.

– Сазá! – крикнул он, встав у того за спиной. – Иди сюда!

Парень даже не повернулся.

– Похоже, этот debil еще и глухой.

Они заготовали.

Когда яма была готова, глухонемой бросил сигарету, вдавил ее в землю носком ботинка и пошел открывать багажник. Лео направился к джипу. Перевязанный крепкой бечевкой тканевый куль не позволял разглядеть содержимое. Он был похож на рождественскую елку вроде тех, что они с Мией выбирали на рынке на Мейн-стрит в Хартфорде.

Мужчины сели в машину, а Карим пришел Лео на подмогу. Раз, два, три. Они вытащили сверток и сбросили в яму. Похоже, этот худой, подумал Американец, он куда легче предыдущего. Привычным движением взял лопату и принялся закапывать яму. Карим закрыл багажник и подошел к окошку со стороны пассажира.

– До встречи, – попрощался носатый. – Займись лисами, очень прошу.

– Не беспокойся, – заверил того Карим и хлопнул ладонью по крыше автомобиля.

Глухонемой повернул ключ зажигания, и машина двинулась с выключенными фарами.

Вскоре габаритные огни исчезли из виду, и Лео продолжил свою работу в крошечной темноте.

Египтянин пошел на ферму.

– Пожалуйста, закопай как следует, – сказал он. – Не хочу проснуться утром и обнаружить, что лисы позавтракали руками этого бедолаги.

Следующие два часа Лео утрамбовывал землю как мог. Потом, уже раздеваясь в своем вагончике, он задумался, чем не угодил лисам: почему они пытались вытащить на свет то, что он так тщательно прятал?

* * *

Случившееся он считал очередным магическим событием в своей жизни.

Как он когда-то загремел в тюрьму не из-за ограбления парочки подростков, а чтобы искупить грехи прошлого, так и теперь его сослали в эту глушь, где клан Кирпича закапывал трупы, которым надлежало бесследно исчезнуть, не потому, что попытался убить босса, а потому, что промахнулся.

Так работает магия, размышлял Лео, люди уверены, что знают, почему мир устроен именно так, а не иначе, думают, что все доступно их взгляду, тогда как в действительности они не знают ровным счетом ничего. Чтобы знать, надо смотреть вглубь, а вглубь смотрят только волшебники.

По прибытии на ферму ему разрешили написать жене:

Дорогая Миа,

я знаю, что в эти дни к тебе приходили разные люди.

К сожалению, они сказали правду, сейчас я не могу вернуться домой. Прошу, делай то, что тебе говорят. Не ходи в полицию и не ищи меня. Позаботься о Винни. Если тебе что-то понадобится, скажи Пинучче, она знает, как со мной связаться. Я проявлюсь при первой возможности. Прости. Я люблю тебя,

Лео

Тем вечером он познакомился с Каримом, который повторил то же самое, что говорил двум его предшественникам:

– Со временем все наладится, и то, с чем ты не в силах смириться сегодня, ты примешь завтра. Раньше, чем ты думаешь, наступит день, когда тебе позволят написать новые письма, а потом и это послабление станет привычным. Буду с тобой откровенен, потому что ты мне нравишься и я не хочу тебе врать. Никто никогда не забудет, почему ты здесь оказался, твоя жизнь теперь принадлежит им. Но со временем, если ты будешь усердно трудиться, помалкивать и хорошо себя вести, положение твое улучшится, и однажды ты возблагодаришь Бога за то, что не сдох на дне ямы.

– Если я должен провести здесь всю жизнь, лучше убейте меня, – ответил Лео.

– Все так говорят, попав сюда. Подумай хорошенько. Ты в ответе не только за свою жизнь, но еще за сына и жену.

– Их убьют, если я не стану выполнять твои приказы?

– Можешь не сомневаться.

– А если я покончу с собой? Их оставят в покое?

– Не знаю. Может, убьют, а может, и нет. В любом случае с этого дня я за тебя отвечаю, и у меня нет ни малейшего желания заниматься еще одним трупом. У тебя будут свои обязанности.

– Мне придется убивать?

– Нет, ты будешь копать.

– Копать?

– Копать и сторожить. Отныне ты сторож невидимого кладбища. Если захочешь, то со временем сможешь вместе со мной работать в огороде. Но я бы не слишком на это рассчитывал, поскольку копать в земле – мое любимое занятие, и мне не нравится, если кто-то путается под ногами, когда я поглощен своим любимым занятием. Если хочешь, можешь помогать мне с лошадьми. Этим животным нужно уделять много внимания.

– Они убьют моих жену и сына, если я не буду ухаживать за лошадьми?

– Нет, конечно, нет.

– Тогда иди в жопу.

– Как хочешь. Но в деревне заниматься особо нечем, а тебе все равно захочется чем-то себя занять.

– Что стало с тем, кто был до меня?

Карим молча посмотрел в ответ.

– Господи Иисусе...

– Не забывай, ты счастливчик – тебе дали второй шанс. Насколько я знаю, никто из тех, кто пытался укокошить босса, не живет сейчас в собственном вагончике.

– Почему он не убил меня? Почему не закопал здесь, как всех остальных?

– Кто-то должен работать.

– Ему не хватает рабочей силы? Поэтому меня сделали могильщиком?

– Да. Ну и чтобы наказать тебя.

Египтянин был прав. В тюрьме – а Лео находился в тюрьме, несмотря на кажущуюся свободу передвижения, – злейшим врагом всегда оказывалось время. Его надо было чем-то заполнить, не дать мыслям заплутать в лабиринте без выхода.

Первые несколько месяцев он действительно подумывал о самоубийстве, но сознание его было до того путаным, что дальше размышлений дело не заходило. Мысли Лео трезво, то сразу догадался бы, что никто не причинит вреда Мие и Винсенту, если он покончит с собой. Он понял бы, что Кирпич боится тюрьмы больше всего на свете. С какой бы легкостью мафиозо ни проливал кровь, за убийство все равно полагалось самое суровое наказание.

Поэтому босс закапывал свои жертвы. Пока тела покоились под землей, никто не мог предъявить ему обвинение. Для клана свалка была стратегически важным местом, равно как и ферма – хитроумное прикрытие с ее фальшивой оградой, снопами сена, лошадьми Карима и огородом. Пока его положение узника ни у кого не вызывало вопросов, Американец тоже находился под защитой.

Каждый закопанный в яму труп усугублял его душевные терзания. Лео чувствовал, как постепенно становится соучастником преступлений, вину за которые ему рано или поздно придется

искупить. Каждый грамм взрыхленной земли увеличивал пропасть между ним и Коннектикутом, с каждым днем, проведенным в молчании, воспоминание о Мие и Винсенте становилось все болезненнее, а уверенность в том, что ему удастся выжить, ослабевала.

Таким образом, первые месяцы на ферме стали для Лео месяцами внутреннего сопротивления необходимости адаптироваться к ситуации, смириться с изоляцией от мира и безмолвием, это было время бесконечных внутренних монологов, депрессии, кошмаров, слез и битья головой о стену вагончика. Как-то утром он проснулся, ощупал образовавшийся на лбу маленький шрам и понял, что пора смириться.

Он уже не вернется назад. Магия одержала верх, и против нее он бессилён, остается только ждать, пока не случится нечто, способное снять с него заклятие. В тот же день Американец подошел к Кариму и предложил помочь с лошадьми.

* * *

На следующий день после ночного визита носатого и глухонемого Лео заглянул в конюшню, увидел, что лошади спят, и решил вернуться попозже, чтобы доложить им овса.

Он торопливо пересек свалку и наткнулся на застрявшую в еловых ветках банку из-под кока-колы, которой – он в этом не сомневался – вчера там не было.

Американец подошел к изгороди, вытащил жестянку, рассмотрел ее со всех сторон и смял в кулаке. Потом вернулся к себе в вагончик, взглянул на часы, заткнул за пояс фонарик и вышел. День был солнечный и теплый. Лео вытащил лопату из груды инвентаря возле вагончика, перелез через ограду, отделяющую ферму от соседнего участка, и уверенно зашагал в сторону реки. Земля здесь выглядела невозделанной, на ней почти ничего не росло. Но это была иллюзия. Их сосед владел самым настоящим сельскохозяйственным предприятием, со знанием дела культивировал почву, в отличие от их фермы на его территории не было ни строительного мусора, ни сорняков. Та же история и со скотиной: его животные были выносливыми и спокойно доживали до старости, а им своих, истощенных и хворых, рано или поздно приходилось забивать.

Около грота дул сильный ветер. Он миновал яму, образовавшуюся из-за падения сосны, и оказался в роще, где сквозь кроны деревьев еле-еле виднелось небо. Землю покрывал чахлый кустарник, меж выступающими корнями рос мох, на котором легко было поскользнуться. От шагов Лео по опавшей листве поднималось гулкое эхо.

Он остановился и прислушался к журчанию реки. Затем опустился на колени, заглянул в лаз, выбитый в скале, разгреб засыпавшие вход листья, бросил внутрь лопату и последовал за ней. Прополз вперед, помогая себе локтями, и пробрался через узкую арку свода.

Сердце стучало в висках. Чем глубже он забирался в грот, тем слабее становился дневной свет за его плечами. Он сжал черенок лопаты, прополз еще несколько метров и, когда на него повеяло холодом, почувствовал, что лаз расширился. Весь выпачканный в грязи, он поднялся на ноги. В этой части пещеры можно было выпрямиться в полный рост. Лео вытер рукой пот со лба и достал фонарик.

Выхваченный лучом искусственного света, грот казался нереальным в своем безмолвии. Лисы – если они тут были – спрятались за валуном или в какой-нибудь норе. Он внимательно осмотрел каждый угол, вздрагивая при каждом шорохе, но, кроме трупика ужа, ничего не обнаружил.

Американец по-пластунски выбрался из пещеры и направился было к ферме, но донесшийся из кустов шум его насторожил. Он замахнулся лопатой, резко обернулся и увидел девушку.

– Ты, случаем, не лисиц ищешь? – спросила она.

Лео опустил лопату.

– Да. Видела их?

– Я живу в этих краях с самого рождения и ни разу ни одной не видела. Когда отец хочет размяться, то залезает внутрь, – девушка указала на лаз, – и выгоняет оттуда парочку. А когда убьет, сбрасывает их вниз, на табачные поля. Он говорит, что лисьи скелеты – отличное удобрение для почвы.

– В любом случае в пещере их нет.

Они разглядывали друг друга, словно пытаясь разгадать, что на самом деле привело сюда каждого из них.

– Сегодня Карим не придет на встречу, – сказал Американец. – Он уехал рано утром.

– Я знаю.

– Если знаешь, то зачем оставила банку?

– Я надеялась, что ты придешь, – пробормотала девушка, подходя ближе.

Лео попятился. Возможно, под слоем грязи и засаленных лохмотьев и скрывалось тело настоящей женщины, но в это сложно было поверить.

– Хватит, – процедил он. – Ведешь себя как шлюха. Ты девушка Карима.

– Я не его девушка.

– Ну, он считает иначе. В любом случае меня это не касается.

– Однако ты увидел банку и пришел.

Лео снова махнул лопатой.

– Я пришел из-за этих чертовых лисиц.

В полумраке лицо девушки осветила лукавая гримаса.

– Ну да. Но мне почему-то кажется, что ты не прочь меня трахнуть. Все-таки даже рабу, мечтающему о своей возлюбленной, иногда надо расслабиться.

Лео схватил ее за воротник.

– Ты совсем дура, что ли? Хочешь втянуть меня в неприятности?

Лицо девушки было перепачкано грязью, от одежды несло гнилым сеном. Все в ней казалось варварским, примитивным и неуместным – о том же он подумал и в первую их встречу в конюшне, когда она стояла, раздвинув ноги и опершись на стенку кормушки, а Карим имел ее сзади.

– Держись от меня подальше, ясно? – Лео оттолкнул ее. Девушка упала на землю и вскрикнула от боли. – Чертова психопатка!

Ничего не ответив, она ощупала поцарапанное колено и перевела взгляд на Американца. Провела пальцем по ранке, продемонстрировала ему окровавленный палец и с довольным видом сунула его в рот. – Будь пайнкой, и я позволю полизать себя, а Карим будет на нас смотреть, – усмехнулась она. – Только сначала придется его усмирить... связать, например...

Лео молча сплюнул на землю и отвернулся. На западе плотной стеной сгрудились черные тучи. Вдруг, разрезав небо на две части, сверкнула молния.

Американец насыпал лошадям овес, когда Карим вырос у него за спиной, держа в руках разодранную тушку курицы.

– Еще одна, – сказал он. – Эти гребаные лисы у меня уже в печенках сидят.

Лео посмотрел на болтавшееся в руках египтянина тельце, поднял граблями охапку овса и бросил ее в стойло своего любимчика – малыша-альбиноса по кличке Бальбоа.

– Я сегодня ходил в грот, – сообщил он.

– И что, поймал хоть одну?

Лео покачал головой.

– Даже следов не нашел.

– Точно?

– Точно.

– Вот черт.

– Они явно поменяли нору.

Шорох колосьев привлек внимание малыша Бальбоа. Он был весь белый, только между глаз чернело пятиугольное пятно. Лео нравилось наблюдать, как тот жуёт, при этом пятно вытягивалось и походило на равнобедренный треугольник.

– Где ты оставил Али?

– Он ждет тебя в грузовике, – ответил Карим. – Проголодался, должно быть, после сегодняшнего шоу. – Он поднес курицу поближе к глазам. – Мы ее даже зажарить не можем, – посетовал он, внимательно ее разглядывая. – Если только бульон сварить. Да, для бульона сгодится.

– Значит, сварим бульон, – согласился Лео.

– Тогда иди за Али, а я пока поставлю кастрюлю на огонь. – Карим двинулся было прочь, но затем вернулся. – Скажи-ка... ты сегодня около пещеры девку не видел?

Лео замялся. Надо было вмиг принять решение, и он выбрал молчание.

– Нет, не видел.

– Отлично. Тогда до скорого.

– Карим?

– Что еще?

– Давно тебе хотел сказать, что она не в моем вкусе.

Бальбоа принялся жевать, пятно между его глазами задвигалось, а во взгляде проступила признательность.

Карим рассмеялся.

– Тем лучше, – сказал он, сжав курицу так, что кишки вывалились на пол. – Значит, у нас с тобой не будет проблем.

* * *

Первые несколько лет ему удавалось вести учет происходящего на свалке. С самого начала он решил, что стоит неукоснительно придерживаться точных цифр. Он был уверен, что однажды к его версии событий прислушаются, если он сможет без запинки назвать количество закопанных им трупов. А также место и дату захоронения.

Вскоре стало ясно, что мысленный учет тел (во избежание неприятностей он решил полагаться только на память и не оставлять никаких письменных свидетельств) – весьма полезное занятие: оно давало ему силы жить дальше и спасало от скуки и отчаяния. Жить, чтобы помнить, помнить, чтобы жить.

Еще одна причина побуждала его составлять этот список. Осознание, что у человека, которого он хоронил, были лицо, руки, ноги – пусть и далеко не в самом лучшем виде – и благодаря Лео они не исчезнут бесследно, давало чувство принадлежности к миру живых.

Желая упорядочить хаотичную картографию своих воспоминаний, он стал присваивать жертвам имена индейцев, чьи приключения так увлекали его в детстве. В результате среди примерно сорока закопанных Лео трупов оказались легендарные представители коренного американского населения: Сидящий Бык, Красное Облако, Неистовый Конь, Джеронимо, Вождь Джозеф, Белый Медведь, Кочис, Дождь-в-Лицо. Когда имена индейцев закончились, он перешел на любимых певцов, затем – на легендарных игроков НБА и американских президентов.

Однажды, в середине третьего года, им привезли тело женщины. Несколько месяцев он подыскивал ей подходящее имя и, наконец, назвал Донной в честь Донны Людвиг, одноклассницы Ричи Валенса, которой тот в 1958 году посвятил песню, впоследствии вошедшую в

альбом *La bamba*. Знания, полученные в прежней жизни, оказались очень кстати.

Какое-то время спустя Карим нарушил протокол, запрещавший говорить о трупах, и выговорил Американцу, что площадь свалки чрезмерно разрослась, ему следовало придерживаться более четких границ.

– Тогда получится братская могила, – запротестовал Лео.

Египтянин посмотрел на него так, словно тот выругался.

– Тебе-то какая разница? Ты их закапываешь, и всё.

Из дальнейших слов Карима Лео понял, что чем ближе друг к другу захоронены тела, тем быстрее в случае необходимости клан сможет выкопать останки и лишит возможное следствие недвусмысленных улик. Новое распоряжение Карима несколько месяцев подпитывало его надежду: получается, кто-то мог выйти на его след. Однако время шло, ничего не происходило, и вскоре его взгляд потерпевшего кораблекрушение перестал устремляться к горизонту.

Это стало прелюдией к краху.

В конце шестого года и правда что-то изменилось. Американец вдруг впал в затяжную депрессию, заставившую его усомниться в полезности учета. Вполне вероятно, что ни один следователь никогда не узнает, что творится на ферме. И все равно, бывало, по ночам он рылся в куче ненужной информации, накопившейся в голове за это время. В минуты глухого отчаяния он называл себя фантазером, жертвой кораблекрушения, безумцем, копающим ямы для призраков.

* * *

Ему разрешили переписку с женой. Лео сочинял письмо, показывал Кариму, тот или оставлял его без изменений, или просил убрать подробности, которые могли вывести на ферму, после чего передавал конверт одному из головорезов Кирпича, и он уже организовывал доставку за океан.

Когда письмо попадало в место назначения, жена писала ответ и отправляла его на адрес Пинуччи, оттуда запечатанный конверт забирал прихвостень Кирпича и доставлял на ферму, где Карим проверял, соответствует ли содержание эмоциональному состоянию

пленника. Американец сосредоточенно читал послание, стараясь запечатлеть в памяти не только слова, но и особенности почерка, цвет выбранной Мией бумаги, после чего Карим рвал письмо на мелкие клочки, и Лео сам не свой возвращался к себе в вагончик, готовый начать все сначала.

Такой процесс коммуникации занимал много времени, и зачастую ответы Мии на его лихорадочные расспросы о ней, Винни и кузене Энтони приходили в шахматном порядке. Вскоре первоначальное упоение новой возможностью притупилось, и он обнаружил, что этот эпистолярный диалог с женой только обостряет его депрессию.

Настоящей пыткой были бессонные ночи, когда он пытался слово в слово восстановить последнее письмо от жены или же размышлял, почему она выбрала именно эту бумагу, а не другую, в каком магазине она ее купила, говорила ли там с кем-нибудь и не был ли этим кем-нибудь привлекательный продавец, бросавший на его жену пламенные взгляды и потом самым пошлым образом старавшийся с ней сблизиться.

Каждый эпизод его прошлой жизни вызывал в памяти запах Мии, ее голос, звуки Норт-Энда, легкий шорох дождя по крыше автомобиля ранним утром, запах травы, только что скошенной садовниками в Бушнелл-парке, хмурые лица его коллег – а потом вдруг воспоминания смешивались с фантазиями. Он чувствовал запах Мии на коже другого мужчины, который – пока она сидела в гостиной (в *их* гостиной!) и писала письмо, чтобы утешить бедного муженька, застрявшего на другом краю света, – выходил на прогулку с Винсентом и учил его названиям цветов и деревьев, животных и звезд, именам президентов и коренных индейцев.

Он чувствовал, что теряет рассудок. Самые незначительные мысли впивались шипами в сердце и увеличивались в размерах, пока не вырастали в целые алебарды, которые разрывали его душу на части. Но чем глубже он погружался в это безумие, тем больше жаждал получить новое письмо, грозящее свести его с ума.

Он зажег лампочку рядом с койкой. Гора немой посуды в кухне подчеркивала общее запустение, царившее в вагончике. Ночью периметр его существования сужался до этих жалких девяти квадратных метров. Но теснота одновременно и успокаивала. Его угнетали бескрайние пространства, начинавшиеся за дверью.

Лео поднялся и выглянул в окно. Над свалкой стоял легкий, напитанный влагой туман. Он попробовал представить, как разлагаются трупы. Он больше не гадал, когда привезут следующего кандидата на захоронение, но в душе надеялся, что скоро: это позволило бы ему ночью отвлечься на работу, а утро потратить на сон.

К последнему письму Миа приложила их с Винсентом фотографию, где они стоят, обнявшись и улыбаясь, а позади них виднеется берег реки Коннектикут. Вечером Карим показал ему этот снимок, и Лео с неизменно щемящим чувством всматривался в нее до тех пор, пока с удивлением не обнаружил, что больше не узнаёт изображенных на ней людей. Спавший у него на животе младенец за семь лет превратился в полноватого смуглого мальчишку, а его жена – в роскошную женщину, на которой время оставило чарующий отпечаток зрелости.

Фотография пробудила в Американце желание рискнуть, поэтому, когда Карим собрался порвать ее у него на глазах, он нашел в себе смелость попросить не делать этого.

– Ты знаешь правила, – сказал египтянин. – Я не могу.

– Какой в этом смысл? – не отступал Лео. Ему была важна не столько сама фотография, сколько взгляд жены и сына, который он хотел спрятать от всего мира, вознамеривавшегося его отнять. – Что изменится, если я заберу фото?

– Не знаю, в чем смысл этого правила, но мне так велели.

– А если ты сохранишь ее для меня? И потом будешь показывать из своих рук.

Карим отвернулся. Холодное дыхание сомнения незаметно проникало в его сознание раба. Больше всего на свете Американца печалило то, что его жизнь напоминала раскачивающуюся на ветру ветку, которая зависела от прихотей других людей, причем в ином, менее испорченном, мире они бы даже не имели права голоса по такому важному вопросу.

– Почему ты не напишешь жене, чтобы она в каждое письмо вкладывала по фотографии? – предложил ему египтянин, разрывая карточку на неровные полоски до тех пор, пока лица Мии и Винсента не превратились в кучку бесформенных фрагментов мозаики. – Тогда я бы показывал их тебе, как сегодня...

По пути к вагончику Лео понял, что не переживет еще один такой удар. Он знал, что не устоит перед соблазном и каждую ночь будет

восстанавливать в памяти эту фотографию, а также все те, которые получит в будущем.

Лишь полный отказ от воспоминаний мог помочь ему сохранить рассудок. Так как слова и образы – а значит, и люди – являлись по первому его зову, лучше было о них больше не вспоминать. То же относилось к *его* трупам. Никто не станет их искать и не спросит у него, где именно они зарыты. Да и какой следователь поверит его словам?

К тому же за все эти годы он уже стал сообщником. Каждый месяц Кирпич переводил на счет Мии деньги, и она оплачивала ими аренду квартиры. Пинучча через весь город возила для него запечатанные конверты, передавала их в заботливые руки местного мафиозо, и ни в одном не было и намека на принуждение. За семь лет никто его и пальцем не тронул, ни разу не связал. Карим всегда был добр к нему. Мог ли он сказать со всей уверенностью, что оказался там не по своей воле и что это был не его выбор? Может, он всегда хотел состоять в клане?

Часы показывали пять утра. Солнце поднималось из-за неподвижных ветряков, возвышавшихся на холме напротив фермы. Лео засыпал кофе в кофеварку и включил плитку. Где-то залаяла собака, вскоре к ней присоединились псы со всей округи.

Он должен забыть имена мертвецов и их лица.

Он должен забыть Мию и Винни. Никакой другой жизни за пределами фермы для него не существовало. Его жизнь – или то, что от нее осталось, – была здесь, на кладбище, хранителем которого он являлся.

Около восьми утра он присоединился к Кариму, тот у конюшни насыпал корм Али.

– Сегодня везу его на конкурс, – сообщил египтянин. – Босс решил его продать, поэтому надо показать товар лицом. Меня не будет несколько часов.

Американец подошел поближе и погладил черную гриву с кармазинным отливом.

– Не знаю, – пробормотал он. – По-моему, это неправильное решение.

– Лучше не привязываться к животным. Они или умирают, или их продают.

Али зарылся мордой в кучу овса и не обращал внимания на чужие разговоры. Поэтому Лео и нравились лошади. Даже свинья чувствовала, что ее ведут на бойню, и только лошадь могла плевать на все в своем безупречном стиле.

– Хорошо, – кивнул Американец. – Я тут обо всем позабочусь.

Пока египтянин тащил жеребца за поводья, Лео набрался смелости, чтобы сообщить о своем решении. – Карим!

Тот остановился.

– Что такое?

– Я не хочу читать эти письма и больше никогда ни одного не напишу.

Карим непонимающе посмотрел на него.

– Ты уверен?

– Уверен, – ответил Американец. – Больше никогда.

* * *

Он еще раз с силой толкнул бедрами девушку, которая, постанывая как раненая сука, стояла на четвереньках задом кверху, с раздвинутыми ногами и задранной юбкой. К ее волосам присохли грязь и соломинки. При каждом движении, в такт испытываемому наслаждению, ее покрытые цыпками руки сжимали пучки сухой травы, на которой она устроилась. Лео продолжал двигаться, стиснув ее обвислую грудь, показавшуюся из-под кофты.

Когда дело было сделано, он натянул штаны, застегнул их и закурил. По обыкновению его сразу начинало глотать чувство вины: *как он мог опуститься до такой девки?* Снаружи кони ржали в своих стойлах. В полумраке девушка лежала голым животом на колосьях овса. Солнечный луч, проникнув через щель, падал на деревянные доски и освещал ее тощие бедра. – Вставай, – приказал Лео. – Убирайся, обойдешь дом сзади.

Девушка не ответила. Стоя на четвереньках, она на ощупь нашарила между двумя цилиндрическими связками сена свои трусы. Надев их,правила юбку и поднялась.

– Дай мне сигарету, – сказала она с привычной усмешкой на лице.

– Я же сказал: убирайся.

– Сначала дай сигарету.

Лео вытащил пачку из нагрудного кармана и бросил девушке.

– Обойдешь дом сзади, – повторил он.

– Но это же огромный крюк.

– Мне плевать, делай, как говорю.

Девушка выдавила из себя презрительную ухмылку и вернула пачку.

– Он меня не увидит с такого расстояния, – сказала она. – У тебя паранойя, ты в курсе?

Лео подошел к щели в стене и посмотрел на улицу. Вдалеке он увидел свой вагончик, потом силуэт дома, где сейчас отдыхал Карим; прикинул на глаз расстояние. Глинистая почва под деревянным сеновалом была испещрена извилистыми трещинами, в которых колония несметных сверчков исполняла саундтрек послеобеденного часа. От сорняков волнами поднимался нестерпимый жар. Если ему отсюда все видно, то египтянину и подавно.

Секс с дочерью местного земледельца был для Лео одним из способов постепенно отдалиться от мира. Его больше не отталкивали ни исходящий от нее тяжелый запах, ни покрывавшая ее тело грязь, но одна мысль о том, чтобы трахать ее, глядя в глаза, была до того нестерпимой, что вызывала тошноту. Однажды девчонка попыталась поцеловать его (или это было больше похоже на укус?) – в ответ Лео ударил ее наотмашь, так что у нее из носа пошла кровь. С момента, как он начал с ней сношаться, он будто бы заразился от нее нечистоплотностью: перестал следить за собой, волосы и борода росли как им вздумается, личная гигиена свелась до минимума, он все реже носил чистую одежду и вскоре потерял всякое сходство с тем мужчиной, каким когда-то был, окончательно превратившись в узника.

Чем активнее он сношался с девушкой, тем прочнее становилась его связь с фермой и ее обитателями, наблюдавшими за их совокуплением животными, даже с соломой, на которой они спаривались. Эти тайные встречи приближали кульминацию его душевного разложения: он решил слиться с землей, стать одним из трупов в ее утробе.

Американец посмотрел на девушку. Она курила как новичок, скрючившись над сигаретой и кривя губы, как старая брюзга. В темноте она выглядела гораздо старше своих двадцати пяти лет.

– Просто сделай это, и всё! – Лео лягнул ее. Вместо того чтобы отшатнуться, она с ухмылкой подставила свое тело под удар сапога.

Лео ненавидел ее всем своим существом. В глубине души он понимал, что от такой девушки можно ждать только неприятностей, но именно их он и искал. И это вонючее создание с гнилыми зубами было первым за последние годы реальным предложением для смерти.

* * *

Выйдя на улицу, он свистнул. Грендайзер – немецкая овчарка с тупым взглядом – выбежал из конюшни и потрусил за ним.

Они прошли мимо огорода, где кусты помидоров гнили на солнцепеке, и направились к реке. Грендайзер угадал направление и бросился со всех ног в сторону долины. Постепенно ослепительный солнечный свет рассеялся, уступив полумраку подлеска. Показались сказочного вида прогалины, поросшие мхом. Из лощины пахло сыростью и холодом.

На берегу реки высился торфяной холмик – Лео частенько на него взбирался, чтобы полюбоваться холмами на другой стороне долины. Американец устроился на верхушке и устремил взгляд на видневшийся в отдалении призрачный городок Апиче. Со временем он разобрался, как работает здешний странный природный феномен.

Именно в этой точке северный ветер менял направление, сталкивался с выступающим на западе гребнем, отражался рикошетом и устремлялся в другую, совершенно непредсказуемую сторону, после чего рассеивался и стихал. Лео чудилось, что благодаря движению веток, листьев и травы можно разглядеть воздушный поток, который бьется меж двух образующих долину склонов, будто муха в банке. Он видел, как тот дует в одном направлении, а потом, спустя несколько минут или дней, вдруг сворачивает, чтобы выместить свою ярость где-то еще, и оставляет долину во власти угрюмого оцепенения. Он меж тем продолжал наблюдать за рекой со своего торфяного холмика. Когда муха вырывалась из банки, начинались дожди или устанавливалась хорошая погода.

Американец взглянул на Грендайзера. Пес рычал на стальную решетку, которая закрывала вход в туннель, сделанный в скале. За решеткой томились взаперти несколько умирающих лисиц, молча

терпевших этот унижительный лай и разлетающиеся во все стороны слюни – так заявляла о себе проснувшаяся в овчарке жажда крови.

Лео сполз по склону, ухватил Грендайзера за ошейник, привязал к дереву и шлепнул по боку, чтобы тот унялся. Из кучи металлолома, сваленной за скалистым выступом, он вытащил лопату и уложил ее на тележку, потом бросил взгляд на лисиц. Американец заранее перегородил лаз доской, чтобы они не ушли вглубь и оставались в поле зрения. В углу этой клетки лежал недавно умерший лисенок, у него был рыжий мех, только на голове и хвосте виднелись темные пятна. Казалось, будто он спит.

Лео принялся копать. Он недавно закапывал здесь других лисиц, и земля была еще рыхлой, поэтому не приходилось долго искать место, куда воткнуть лопату, надавить и нащупать верное направление. Через десять минут была готова образцовая яма.

Он вытащил из кармана ключ и направился к клетке. Лисица покрупнее подошла обнюхать его руки, но отшатнулась, когда он тихо выругался. Еще одна ткнулась высохшей мордой в решетку, из последних сил стремясь на волю, остальные в углу бились в предсмертной агонии. Лео отпер ключом засов, отодвинул решетку, уложил трупик лисенка на тележку и закрыл клетку.

Толкая перед собой тележку, он подошел к яме, сбросил в нее тельце и стал закидывать его землей. На миг он засомневался. Удивительно, что даже перед лицом мучительной смерти лисы не нападали друг на друга. В аналогичных условиях люди или собаки не стали бы думать дважды. Почему? В них говорит совесть? Или они лишены инстинкта поедать себе подобных?

Американец их ненавидел. Ненавидел, даже когда они были при последнем издыхании.

Он решил, что не имеет смысла тратить силы на одного глупого лисенка, и бросил лопату на грудь металлолома. Озадаченный Грендайзер умолк и, словно почувствовав, что будет дальше, ощетинился и начал рваться с поводка. Лео подошел к дереву, отвязал пса и отвел его к дальнему краю ямы. Овчарка почуяла запах крови и принялась возбужденно рыть лапами землю. Встав на краю ямы, Американец отпустил поводок, и его верный друг, опьяненный жаждой крови, набросился на трупик лисенка.

Возвращаясь в вагончик, он услышал вдалеке рев мотора – машина огибала холм, нарушая царящую в округе тишину.

Джип с затемненными стеклами проехал мимо неухоженных тутовых деревьев и поравнялся с ним.

– Привет, америкос, – сказал носатый, высунувшись из окна. – Ходил к реке, чтобы свести счеты с этими сволочами, а? – Он бросил довольный взгляд на овчарку. – Молодец, трудишься в поте лица...

Лео кивнул и заглянул в салон: глухонемой курил за рулем.

– Непривычно вас видеть в такой час. Случилось что? – Ничего особенного, не волнуйся. У нас для тебя посылка... – Он кивнул на заднее сиденье. – Только она еще не готова.

Лео вздрогнул.

– В каком смысле? – растерялся он.

Носатый рассмеялся, нажал кнопку на приборной панели, и заднее окошко опустилось.

– По-моему, представлять вас не нужно. Или я ошибаюсь?

Американец смотрел на пассажира и не узнавал его. Может, виноваты были потухший взгляд и испуганный вид этого человека. За все время плена ему ни разу не приходилось смотреть в глаза жертвы до того, как она становилась очередным телом для захоронения. А потом его как громом поразило.

– Помнишь сына Человека-паука? – спросил носатый, обернувшись.

И пассажир еле слышно прошептал:

– Привет, Лео.

Меня зовут Эдуардо

Они будут следить за снами и наказывать за них.

Жан Кокто

Я родился в одной из желтых малоэтажек в глубине улицы. Не лучшее место для ребенка, прямо скажем. Были там и перебивавшиеся случайными заработками нищие, и путаны, оставшиеся без работы после отъезда американских военнослужащих, и бедняки всех мастей, которые целыми днями только и делали, что прохлаждались, распахнув двери и слушая радио. Время от времени кому-то везло, и он открывал колбасную лавку или бар или же переезжал, но куда бы он ни подался, все воспринимали его как выходца из желтых малоэтажек.

Так и со мной. Я уже давно там не живу, но люди до сих пор называют меня «Эдуардо из желтых малоэтажек», если узнают на улице.

Пока у отца не обнаружили глаукому на правом глазу, он работал машинистом на железной дороге в Валле-Каудина. Просыпался каждый день в четыре утра, бежал на станцию, заводил электромотрису и дожидался рабочих, направлявшихся в Беневенто. На поезде в пять пятьдесят в среднем ехало восемь пассажиров. То же было и с вечерним поездом в восемнадцать ноль одну. Каждый день он ездил туда-обратно по маршруту Беневенто – Неаполь. Если кто-то из утренней восьмерки не являлся, он притворялся, будто чинит поломку, и ждал до тех пор, пока кто-нибудь не начинал качать права. Как можно бросить товарища на платформе в пять пятьдесят утра, повторял дон Джеппино, это же не по-христиански. И что он получил за все эти годы? Ничего, даже спасибо не сказали.

Однажды он уснул в районе Канчелло, и поезд сошел с рельсов. Ничего страшного не случилось, только осталось несколько вмятин на составе, но техник из железнодорожной компании заметил бутылку

водки и заподозрил неладное. Отец яростно защищался. Алкоголь тут ни при чем, настаивал он, просто уснул, и всё.

К счастью, техник тоже родился в одной из желтых малоэтажек. Он пустился в расспросы о старых друзьях – а этот чем занимается? а такой-то где теперь живет? – и дону Джеппино пришлось сказать правду: кто не умер и не загремел в тюрьму, ничем особым не отличился, кто-то открыл колбасную лавку, кто-то – бар, большинство разъехалось. В финальном отчете техника про водку не было ни слова.

Однако после того случая пассажиры взяли моду перемывать ему косточки прямо по дороге, до отца долетали обрывки их разговоров, от которых он впадал в уныние: его называли горемыкой и алкоголиком, кто-то выдумал, что по ночам он устраивает подпольное казино в поезде. В этих словах не было ни капли правды, но сплетников не остановишь и пушками.

– Разве из обитателей желтых малоэтажек может выйти что-то путное? – злословили они.

Его уволили.

Вскоре я подобрал пятнистого кота. Не помню, какого он был цвета, но точно пятнистый. Я не мог принести его домой: отец задал бы мне трепку. Мы жили в одной из тех квартир со сниженной арендной платой, которые курия выделяла неимущим семьям. Если бы священники обнаружили кота, нас могли вышвырнуть на улицу. Поэтому я спрятал его на крыше. Тем вечером я отнес ему немного молока и, улегшись в кровать, мог думать только о его голодных глазках и жалобном мяуканье. Как вспомню об этом, так сразу мурашки по коже.

На следующий день я пошел в школу и все утро ломал голову, как его прокормить, а мои одноклассники только и знали, что болтать всякие глупости.

– Как его зовут? Почему ты до сих пор не придумал коту имя?

– Да при чем тут имя! – злился я. – Еда – вот настоящая проблема!

По дороге домой у меня все внутри сжималось от тревоги. Я открыл дверь, и как вы думаете, кто уплетал бифштекс, купленный мамой на ужин? Да-да, пятнистый кот. У меня потемнело в глазах от бешенства.

Я схватил его за шкуру, вышел на террасу и, даже не дав ему выплюнуть мясо, сбросил с пятого этажа. «Мяуууу», – вопил в полете мерзкий предатель. Очень странное ощущение, когда бросаешь с такой высоты живое существо. Вниз я даже не взглянул. Вернулся в кухню, ополоснул то, что осталось от бифштекса, и убрал в промасленную бумагу.

В эту секунду дверь открылась, и вошла моя мать. Она сразу догадалась развернуть бумагу и увидела изуродованный бифштекс. Я не мог придумать ни одного более или менее правдоподобного ответа на вопрос, что случилось, поэтому просто молча смотрел на нее. Она повторила вопрос. И еще раз. И тогда я, не сходя с места, разыграл совершенно безумную пантомиму, монолог без единого слова, который и по сей день считаю шедевром актерского искусства. Я задержал дыхание и не дышал до тех пор, пока не покраснел, как помидор сорта «сан-марцано», затем бросился к ее ногам и разрыдался, как младенец. Любой, кто знал мою мать, сказал бы, что за этим последует хорошая порка, но вместо этого она прижала меня к себе, погладила по голове и сказала, что ей очень жаль. Она заплакала, будучи уверенной, что я от голода набросился на сырое мясо. Тем вечером дон Джеппино вернулся из бара, мы вместе поужинали бифштексом, и я помню, что мама положила себе надкушенную часть.

Я знаю, о чем ты думаешь. Что я повел себя как негодяй. Не буду спорить, но это был перст судьбы. Благодаря тому низкому поступку я понял, что должен сделать в жизни. Глядя на мою мать, жующую кусок мяса, до того побывавший в кошачьих зубах, я решил, что никогда не буду бедным.

Когда мне было двадцать лет, мой брат Марчеллино с болезнью почек попал в больницу Аскалези. Это был очень странный период, потому что там же в то же время уже больше месяца лежал дон Джеппино. Одному предстояло удалить почку, другого ожидала очередная операция на глазах. Я хорошо помню, как отработывал по две ночные смены за раз. Одну на втором этаже в палате у брата, другую у отца на третьем. Меня знала вся больница, я был любимчиком медсестер.

Я начинал с Марчеллино, который обладал спокойным нравом и любил поболтать. Около полуночи я на цыпочках выбирался из его палаты и поднимался наверх, стараясь не шуметь. Там дела обстояли хуже: дон Джеппино бредил во сне – попав в больницу, он бросил пить, что и вызвало такую неожиданную реакцию организма, кроме того, он ополчился на соседей по палате, а в больнице ссориться ни с кем невыгодно, ведь тебе в любую минуту может понадобиться чья-то помощь.

Однако в ту ночь отец пообещал не бредить и сдержал слово, так что впервые за очень долгое время я смог уснуть. На рассвете меня разбудила медсестра и велела срочно бежать вниз: Марчеллино стало хуже.

Я спустился, и врач сообщил мне, что нельзя терять ни минуты, оперировать надо без промедления. Прежде чем засесть в комнате ожидания, я зашел к отцу. Он уже почти ничего не видел и ощупал мое лицо, как слепой старик, которым он, собственно, и являлся. Это был первый и последний раз, когда он приласкал меня, если можно так назвать проведенное им обследование.

– Ты что, не побрился? – рассердился он. – Ну и какой из тебя мужчина?

– Папа, у меня нет на это времени, – ответил я, – и где я должен бриться? Я ведь живу в больнице.

– Постыдился бы, твоему брату предстоит серьезная операция, а ты тут ходишь как оборванец.

– Хорошо, папа, – попытался я его успокоить, – завтра побреюсь, обещаю тебе.

– И что с того, – отмахнулся он, – тебя уже все видели.

Так был устроен дон Джеппино, и я не принял его слова близко к сердцу. Брат всегда был отцовским любимчиком. Да и дел в тот день у меня было невпроворот: предстояло поддерживать мать, сестер и бедного Марчеллино, которому собирались удалить левую почку и влить в вены литры зараженной крови – она вскоре и свела его в могилу. Но то – гда никто и представить не мог такое развитие событий, мы все свято верили в больницы и врачей. Мы были бедняками, а у бедняков ученые мужи всегда вызывают больше доверия, чем они того заслуживают. Хирург вел себя как спаситель мира, в его присутствии моя мать запинаясь и, изо всех сил сохраняя

самообладание, устремляла на него полные надежды взгляды, которых раньше удостоивалась исключительно статуя святого Януария в кафедральном соборе.

Вероятно, она смотрела на него тем же взглядом, когда он сообщил, что Марчеллино умер.

Однажды утром меня разбудил телефонный звонок.

– Эдуа, приезжай, как только сможешь, – всхлипывая, попросила она. – Предупреди отца... Неправильно это – пережить собственного ребенка.

Но вместо того чтобы разбудить его и сказать: «Вставай, надо ехать в больницу, твой первенец мертв», – я заперся в ванной и побрился как никогда тщательно.

Это воспоминание каждый раз вызывает у меня чувство вины из-за потраченного впустую времени на бритье, когда мама сидела одна в больнице рядом с телом загубленного Марчеллино. Я отчетливо помню, как прихорашивался перед зеркалом, а в голове билась одна мысль: врачи, медсестры и анестезиологи должны увидеть перед собой не обросшего оборванца, а аккуратного брата покойника.

Я никогда не смогу забыть, как дон Джеппино молча гладил лицо моего брата, а из его глаз градом катились слезы. Пусть я и понимал, что в тот день главную роль играл Марчеллино, все равно не переставал надеяться, что отец повернется и увидит, как идеально я выбрит. Но он не произносил ни слова и продолжал гладить шершавое, пожелтевшее лицо моего брата. Тогда я подумал: ну вот, видишь, Марчеллино отец не ругает за то, что он умер не побрившись.

Несколько недель спустя у отца окончательно ослеп правый глаз. И в свои неполные пятьдесят лет дон Джеппино отказался смотреть на этот мир: с того дня он заперся в спальне и больше из нее не выходил, предпочитая слушать радио в полумраке.

Что ты хочешь услышать, Американец? Двадцать семь лет за письменным столом – это целая вечность. Я сразу понял, что работа в Банке Неаполя будет скучной, но мне нравится скука, она оставляет время на размышления и принятие решений. А в таких условиях

можно заработать кучу денег. Пусть я и отдал банку все свои силы и время, но в итоге остался в выигрыше.

Поначалу я рассчитывал, что мне в рот сами посыплются крохи с богатого стола, и терся у ног других сотрудников, как собачонка с высунутым языком, из пасти которой несло хронической неудовлетворенностью. Но крохи меня не интересовали, я хотел целую буханку, хотел пить из того же источника, что утолял жажду сидящих за столом банковских служащих в вечерних костюмах, чьи пухлые щеки розовели от выпитого низкосортного вина.

Я начал с небольших пакетов акций. Покупал их и продавал. Прибыль выходила смешная, но это все же была прибыль. Тогда экономика была нехитрой материей: существовала только одна верная интерпретация фактов, и от тебя требовалось лишь быстро обрабатывать новую информацию, хоть немного знать статистику, а если ты парень шустрый, достаточно было внимательно просмотреть газету «Иль соли вентикваттро оре», чтобы понять, на какую лошадь поставить.

Я обладал сверхъестественным чутьем и предсказывал динамику биржевой торговли, но этот мой дар никогда особо не ценился руководством.

Банк. Он, казалось бы, должен был быть оплотом капитализма, но я чувствовал себя так, будто живу в СССР при Сталине.

Руководители, политики, профсоюзные деятели, предприниматели. Каждый день я видел, как они роятся в коридорах банка, и эти сукины дети наверняка знали, что на крохи с их стола я мог купить все, о чем мечтал и о чем мечтали мои жена и сын. Вопрос только в том, какие границы ты устанавливаешь для своей мечты.

А потом ни с того ни с сего Банк Неаполя приказал долго жить. Бум!

Без предупреждения. Хлопнули по плечу, сунули в руки паек и сказали: «Иди, добрый человек, радуйся пенсии, теперь здесь все принадлежит нам».

Но никогда нельзя недооценивать человека, не определившегося с границами своей мечты.

Игрок на бирже из Паскуале Соммы был неважный, однако он мог похвастаться сообразительностью и честностью. К сожалению, от его никчемного сына залетела вертихвостка с частного телеканала, и тому пришлось на ней жениться. Они купили дом, влезли в долги. А потом парня уволили. И Паскуале пришлось взвалить на себя их кредит.

Мы тогда переживали не лучшие времена из-за пузыря доткомов, так что я отвел своего друга к Кирпичу, чтобы взять денег в долг.

Я всегда старался держаться подальше от преступного мира. Но я тоже не с луны свалился. Я вырос на улице и знал, что жестокость – это стратегия для продвижения собственного бизнеса, причем, вероятно, самая действенная. Но в то время я толком не понимал, что это значит. Когда я, еще будучи студентом, писал диплом о таможенных пошлинах, то увидел, что мир бизнеса движется как раз в противоположную сторону. Угрозы и физическая расправа были контрпродуктивными методами. Что мне никак не удавалось понять, так это упрямое желание мафиози, имеющих безграничные возможности для инвестиций, оставаться в рамках примитивной финансовой системы координат и не отступать от нее ни на шаг. Когда на рынке только и говорили, что о глобальном развитии, интернационализации и дематериализации денег, эти старомодные джентльмены удачи расхаживали по городу, засунув пистолет в трусы, и прятали деньги под плиткой. Так они и жили, только если не получали пулю в голову от бывшего соратника или не попадались в лапы полиции.

Но даже далекие от либеральных идей головорезы могли догадаться, что пришло время перемен.

Однако в тот день, когда мы с Паскуале отправились просить займы, я еще не понимал, сколько это время перемен сулит возможностей, как и не представлял, что рядом с боссом уровня Кирпича нет никого, кто направил бы его в нужную сторону.

– Добрый день, господа, – поприветствовал нас невысокий, коренастый мужчина с довольно-таки незапоминающимся лицом, – чем я могу вам помочь?

– Мой друг переживает тяжелый период. – Я указал на сжимавшего в руках шляпу Паскуале, чьи оттопыренные уши цветом напоминали томатный соус.

– Прекрасно, – приободрил нас Кирпич, – мы как раз и занимаемся тем, что помогаем справиться с тяжелыми периодами.

Несколько месяцев спустя сын мыловара пропустил выплату очередного взноса, а раз я выступал его поручителем, меня, как было заведено, сопроводили в подпольное казино в районе Ареначча, чтобы разобраться, в чем дело.

– Добрый день, – сказал Кирпич, улыбнувшись своей невыразительной улыбкой. – Присаживайся.

Я сел на обшарпанный стул около бильярдного стола, а босс продолжил упражняться с кием. Через десять минут я понял, что он успел навести обо мне справки.

Он знал все. Где я родился, кем были мои родители, как я познакомился с женой, какую роль играл в банке. Он знал даже о том, что Нана какое-то время активно помогала в столовой для бездомных и что мой сын учился в университете на отлично.

Перечислив основные факты моей биографии, он поставил кий в киевницу. От него не укрылось мое волнение. Он подошел к холодильнику, достал две бутылки пива, откупорил, одну из них протянул мне и, наконец, опустился в кресло по другую сторону письменного стола.

– Не бойся, – успокоил он, – тебе ничто не угрожает, я хочу помочь.

Ему было плевать на деньги, которые задолжал Паскуале, он относился к этой ситуации как к мелкому недоразумению, которое вот-вот разрешится.

– Расслабься, – сказал он, – я тебя пригласил, потому что хочу стать твоим другом.

– Другом? – переспросил я подозрительно.

– Другом, – подтвердил он.

– И что я должен делать в этом новом для меня качестве?

– То, что обычно один хороший друг делает для другого, – давать советы. Это уникальная возможность, в Банке Неаполя ты мог о ней только мечтать: ты наконец-то проявишь свои таланты и будешь распоряжаться реальными деньгами, ты себе даже не представляешь какими. А взамен тебя ждет царское вознаграждение.

Сперва я растерялся и даже немного обиделся на такое предложение, поэтому возразил, что он многого не знает: банк дал мне о-го-го какие возможности, помог выкарабкаться из нищеты, в которой я вырос,

позволил мне стать уважаемым человеком, мужем, отцом семейства. Если говорить о карьере, то много лет назад у меня была возможность возглавить филиал в Гонконге. Прими я это предложение, сказал я, стал бы важной шишкой и большим начальником.

– Так почему же ты его не принял? – перебил он меня.

– Жена не захотела жить так далеко.

– Ну вот, видишь? Ты жертва. И всегда ею был.

– Нет, я не жертва.

– Ты жертва. Ты был способен на большие свершения, но тебе помешали.

– Вероятно, у судьбы были на меня другие планы.

– Если бы все решала эта гребаная судьба, таким, как мы, даже не дали бы родиться. Мы родом с улицы. Все, чего мы добились, досталось нам потом и кровью. Судьба на стороне господ, а не на нашей.

– Но мы с вами не с одной улицы родом.

– А вот и нет.

– И пот, и кровь у нас разные.

– Одни и те же. И теперь ты можешь получить все, о чем мечтал.

– Уже поздно, я слишком стар.

– У тебя полно времени, Эдуа.

– Мое время ушло.

– Ты познакомился со мной, и я говорю, что время есть.

Он улыбнулся. И на пороге шестидесятилетия я понял, что только что встретил своего первого друга.

Да, да, я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, что я согласился из-за денег. Ты думаешь, что у такого, как я, с моим-то прошлым, разыгрался аппетит. Конечно, разыгрался. У любого умного человека сердце колотится быстрее при виде пачки хрустящих банкнот с портретом Караваджо^[25].

Нет, Американец, я так поступил по другой причине.

Я так поступил потому, что мне это нравилось. Потому что я никогда в жизни не чувствовал себя таким живым. Есть лишь одна истина, в которую я слепо верю: деньги – величайшее изобретение человечества

после Бога, но с ними куда веселее, и их можно потрогать.

Никто и чентезимо бы на меня не поставил, в том числе я сам. Однако я справился. Съехал из желтых малоэтажек и избавился от одежды, пропахшей отсыревшим туфом, из которого построен этот город. Я служил банку верой и правдой до тех пор, пока меня не выбросили на улицу, как пса, а зализав раны, я учуял приближение нового хозяина.

В начале 2002 года Кирпич предположил, что наша разведка еще много лет будет занята одной лишь террористической угрозой, а значит, он пока может заняться превращением своей огромной кучи дурно пахнущих денег в солидный капитал честного магната.

Так я и занял должность налогового консультанта в «Каламаро 3000», крупнейшей на юге Италии компании по оптовому производству полуфабрикатов. В своем крошечном офисе, спрятанном за холодильными витринами с осьминогами и креветками, я боролся со временем. Каждый день я по распоряжению Кирпича разыскивал выгодные возможности для инвестиций, и надо было поторапливаться, пока Усама бен Ладен не вернулся в горы Пакистана или Афганистана.

Чем старательнее Усама прятался от правосудия, тем вольготнее мы себя чувствовали, тем беспрепятственнее продвигали свои схемы капиталовложения по всему миру, создавали фиктивные компании с привлечением иностранных аферистов, получали гарантированные подряды на строительство дорог и аэропортов в Казахстане, установку видеокамер в Сахаре, поставку комплектующих деталей эмирам Катара, покупали и продавали недвижимость в Южной Америке. Если бы не миллионы людей, ежедневно использующих слово «глобализация» и вкладывающих в него вполне определенный смысл, никто и не сомневался бы, что глобализация – это процесс, в ходе которого устанавливается связь между наркоторговцем из Тираны и компанией, строящей стадионы в Омане, при посредничестве неаполитанского каморриста и заядлого игрока в бильярд, не по дням, а по часам осваивающего географию.

Вскоре на месте сточной канавы со стекающим с наркорынка дерьмом раскинулась благоухающая экономическая империя – я

превратил прошлое в будущее. Вдобавок я зарабатывал огромные деньги.

Как-то раз, много лет назад, мой сын вернулся домой гораздо позже условленного часа. Я тогда частенько просыпался среди ночи и потом не мог уснуть. В банке в те времена только-только начали поговаривать о кризисе.

Я услышал, что он пришел, и решил устроить ему нагоняй. Или же мне просто хотелось хоть с кем-то поговорить.

Я прислушался к происходящему в ванной и заподозрил неладное. Я не знал, что с ним происходит. На самом деле я вообще ничего о нем не знал. Может, он страдал из-за девушки или поругался с тобой. Я решил вернуться в спальню и разбудить жену, сказать ей: «Сходи проверь, что там с твоим сыном, он уже час как заперся в ванной». Но я этого не сделал.

Я тысячу раз слышал, как он плакал в младенчестве, видел, как он падал с велосипеда и разбивался в кровь, помню, как он чуть не задохнулся, случайно проглотив игрушечного солдатика. Бывали у него и жар, и рези в желудке, и свинка, и ветрянка. Пару раз приходилось вызывать скорую помощь, а однажды он мучился от странной боли в животе, и Нана всю ночь провела, не понимая, на каком она свете. Однако никогда до той ночи я не испытывал по отношению к нему чувство, которое можно назвать отеческой любовью.

Я был уверен, что у этого пятнадцатилетнего паренька есть некий секрет. На нагоняй я махнул рукой.

На следующее утро я узнал, что кто-то поджег столовую для бездомных.

Вернувшись домой, я подождал, пока жена выйдет в магазин. Зашел в комнату Марчелло, поднял жалюзи и распахнул окно. Он тотчас проснулся и спросил, протирая глаза:

– Что случилось?

– Сегодня суббота, – ответил я. – Побрейся. Поедешь со мной на кладбище к дедушке с бабушкой.

Он раскололся меньше чем через час. Мы как раз успели поменять воду и поставить два букета хризантем в вазы на могилах Джеппино и Амалии.

Он все мне рассказал. Коктейль Молотова, пожар, бегство на «калиффонне». И разрыдался под конец.

– Папа, ты меня простишь? – повторял он. – Ты простишь меня?

Я решил его выгородить. Это был правильный ход.

За следующие несколько месяцев он вышел из вашей компании и с головой окунулся в учебу. В награду за примерное поведение я отправил его на две недели в лондонский колледж. Я надеялся, что там он обзаведется новыми знакомыми. Знакомыми, которые в семь лет не разгуливают по улицам с ножом в кармане, не живут в этих переулках, не цедят сквозь зубы одни и те же фразочки на местном наречии. Не успел я и глазом моргнуть, как он стал тем сыном, о котором я всегда мечтал, а я – тем отцом, которым всегда мечтал быть. С каждым днем я любил его все сильнее.

В университет он поступил образованным, независимым юношей, обожающим виндсерфинг. Он не получил чемпионский титул, но соревновался наряду с лучшими. Летом ездил по Европе в поисках идеального ветра. Более надежного средства, чтобы удержать его подальше от здешней клоаки, и представить было нельзя. Мать оплакивала каждый его отъезд, я же, наоборот, лучился от радости. Я знаю лишь два способа, как не угодить в клоаку: или очистить ее, или уйти. Я не из тех жалких мечтателей, которые верят, что могут сделать мир лучше, поэтому сосредоточился на втором способе.

В двадцать четыре года мой сын окончил университет с наивысшим баллом по специальности «Экономика предприятия». Через месяц я поехал с ним в Милан, где он собирался поступать в аспирантуру на кафедру экономики и рационального природопользования.

Мне нравились образ мыслей Марчелло и его подход к собственному будущему. Он смотрел на все глазами человека, который осознает, что траектория мирового развития навсегда изменилась и единственный шанс выжить в непрерывных циклах, состоящих из экономических кризисов, терактов и загрязнения окружающей среды, – это стать лучшим в своей отрасли, найти высококвалифицированную работу по специальности и пустить корни где придется, не жалуясь на судьбу.

После аспирантуры его пригласили на стажировку в голландскую компанию, производящую экологичные теплоэнергетические системы по заказу казахских нуворишей и других выходцев из бывших республик СССР. После стажировки ему предложили стать консультантом за три тысячи евро в месяц, плюс премии и командировочные на все время прохождения практики в головном офисе в Амстердаме. Там он и познакомился с Ребеккой.

Она родилась в Голландии, ее отец был фламандцем, а мать – уроженкой Конго. На два года старше его, в свои двадцать восемь она уже была главным инженером и возглавляла экспериментальную группу по созданию первой когенерационной термодинамической солнечной электростанции, производящей электрическую и тепловую энергии.

Они общались как коллеги до тех пор, пока десять месяцев спустя не отправились вместе в Брюссель на конгресс ООН, посвященный климатическим изменениям. Вечером накануне возвращения в Нидерланды они переспали. Они встречались еще несколько месяцев, и, наконец, Ребекка переехала к Марчелло. – Папа, мне не терпится вас познакомиться, жду не дожусь, когда мы уже приедем к вам на Рождество.

– Твоя мама составила ее гороскоп, – сказал я, надеясь, что он не рассердится.

– Как ты узнал дату ее рождения?

– Неужели ты думаешь, что мы не можем набрать имя в поисковике? Совсем за дураков нас держишь?

– Прости, я не хотел тебя обидеть. В любом случае через две недели мы приедем к вам и лично расскажем обо всем, что вы пожелаете узнать.

– Ловлю тебя на слове.

– Обещаю.

Думать, что знаешь человека, после того как прочитал о нем в интернете, – типичное для нашего времени заблуждение. Когда Ребекка переступила порог нашего дома и на ломаном итальянском сообщила, как рада познакомиться с родителями своего *piccolino*^[26], я должен был предугадать, что ждет нашу семью. Но я недооценил опасность и все свалил на ее экзотичность.

Великолепно сложенная темнокожая девушка, старше моего сына, которая к последнему курсу университета изъездила планету вдоль и поперек. Неуправляемая частица мира, по ошибке залетевшая в нашу квартиру в Каподимонте, в рождественскую пору, пропитанную запахами традиционного печенья «струффоли» и «рококо». Наша жизнь, в отличие от ее, прошла на одном и том же квадратном метре.

Наши внуки окажутся чернокожими? Будут ли они говорить по-итальянски? Той ночью в спальне мы с женой так и не набрались смелости произнести вслух эти животрепещущие вопросы. Не в силах побороть бурлившие в моем сознании сомнения, я обвинил во всем нашу с Наной провинциальность и раздраженно выключил ночник на тумбочке. Я не понял тогда, что, приведя Ребекку в нашу семью, мой сын вплотную подошел к пропасти и, заглянув в нее, совершил роковую ошибку.

Несмотря на смуглую кожу, близнецы не были точной копией Ребекки. Ну, или, по крайней мере, не во всем.

Перебравшись в миланский офис, она уволилась, чтобы все время проводить с детьми. Это была не ее идея. Сын настоял, чтобы она сделала выбор в пользу материнства, и в итоге, как следует все обдумав, она решила, что не такой уж это и мужской шовинизм – дать ей и детям возможность привыкнуть к новой обстановке.

В 2008 году, не достигнув и тридцатилетия, Марчелло зарабатывал гораздо больше, чем дети моих бывших коллег. Я же благодаря работе в «Каламаро 3000» скопил приличную сумму. Зачем мне такая куча денег? Я подумал открыть трастовый фонд для близнецов, чтобы, повзрослев, они могли оплатить свое обучение. Однако, как я ни одергивал себя, идея современной семьи без предрассудков продолжала казаться мне слишком иллюзорной, чтобы в нее верить.

Ребекка решила сменить направление деятельности и вошла в университетскую группу инженеров, изучавших возможности использования мобильных приложений в сфере природопользования. С ее опытом и знакомствами это занятие казалось детской забавой. А раз так, она сможет уделять много времени близнецам. Сын ее решение одобрил.

Первые месяцы Нана без конца моталась в Милан и обратно, чтобы помочь Ребекке с домашними делами и детьми, но та родилась в последней декаде июня, и очень скоро упрямство Рака в сочетании с безграничной жадной независимости проявило себя в виде сдержанного противостояния моей жене.

Благодарность, которую, по мнению Наны, должны были вызывать бесконечные стирки и систематическая стерилизация всей утвари и каждого квадратного сантиметра дома, Ребекка предпочитала выказывать Дорине – домработнице, которой они с Марчелло платили кучу денег. Представление о человеческих отношениях, где члены семьи по очереди помогают друг другу, не было близко черной Венере.

– Не хочу сказать ничего плохого о Ребекке, – однажды поделилась своим беспокойством жена по возвращении в Неаполь, – но вести хозяйство она совершенно не умеет. Как можно доверить дом юной молдаванке, которая только и делает, что болтает по телефону бог знает о чем с очередным из своих многочисленных ухажеров?

– Твое замечание кажется мне неуместным, – ответил я.

– Уместное или нет, неважно, убираться она все равно не умеет, – отрезала Нана.

– А тебе обязательно надо вкалывать, приезжая к ним? Нана, тебе уже шестьдесят. Ты не можешь заняться чем-нибудь другим?

– Эдуа, ты ничего не понимаешь.

Я действительно не понимал. Интуиция моей жены что-то ей подсказывала, но пока не было ясно, что именно.

Я в очередной раз подумал, что мне до нее далеко. Я снова придал куда большее значение, чем следовало, Ребекке и ее действиям. И снова не защитил своего сына.

– Ну все, китайцы вот-вот сдадутся, – однажды сказал он мне по телефону. – В следующую пятилетку мы всякого навидаемся.

Время от времени я засиживался на террасе своего любимого бара в Марекьяро, а Марчелло звонил мне, чтобы поделиться новостями из мира «зеленой экономики». В какие-то дни Неаполитанский залив напоминал огромный бассейн, из которого никому – ни воде, ни рыбам, ни людям – не дано было выбраться. Перспектива казалась до того сплюсненной, что горизонт походил на неприступную каменную ограду.

Работа в «Каламаро 3000» шла как по маслу, деньги порождали деньги. Иногда я задавался вопросом, что стану делать, когда надобность в моих советах отпадет. Мы с Кирпичом перестанем быть друзьями? Эта мысль не давала мне покоя. Я разглядывал роскошные виллы на холме Позиллипо и с ностальгией вспоминал те времена, когда у денег была своя история, когда на каждую банкноту приходилась своя отдельная мечта, а не одна-единственная на все – плодить до бесконечности всё новые и новые бумажки. Может, купить одну из этих вилл и поселиться там с Наной?

Прожить старость в красоте не самая плохая идея. – Они наконец-то заглотили наживку, – с энтузиазмом сообщил сын.

– В каком смысле?

– Помнишь первое обращение Барака Обамы к нации? По его мнению, нельзя больше закрывать глаза на ситуацию в Киото. В условиях кризиса и всего остального Запад должен пойти по пути «озеленения» экономики, и китайцам рано или поздно придется под нас подстроиться. Наша цель – двенадцатая пятилетка, если на тринадцатую надежды мало. Но мы уже вступили на этот путь...

– Да, только когда этот путь хоть куда-нибудь приведет, – пошутил я, – ты уже давно будешь на пенсии.

– Разве не ты всегда верил в будущее? – вспыхнул Марчелло. – Что мне до моей личной выгоды? Может, хотя бы мои дети будут жить в лучшем мире, мне этого вполне достаточно.

Мы попрощались, и я заказал еще один бокал просекко. Около часа дня я расплатился и вызвал такси. Когда я вышел на пенсию, жена сделала традицией ежедневные совместные обеды.

Во время сиесты я никак не мог уснуть и, ворочаясь в кровати, обдумывал слова сына. *Будущее*. Он в него действительно верил.

Долгие годы и я в него верил, но мне и в голову не приходило воспринимать его как что-то вне меня самого. Этот парень преподавал мне хороший урок. Я перезвонил ему.

– Слушай, прости за сегодняшний разговор, – начал я, не дав ему и слова сказать. – Я очень рад, что ты так доволен своей работой, по моему, здорово, что китайцы поняли, насколько это важно. Подождем результаты следующей пятилетки. Сынок, прости меня.

Но в ответ я услышал только всхлипывания.

– В чем дело? Что случилось?

На другом конце провода воцарилась долгая пауза, которую наконец нарушили рыдания.

– Ребекка... Ребекка в коме.

Я и не подозревал о существовании некоторых практик. Поначалу я не мог взять в толк, что случилось. Я понял, что Ребекка впала в кому. Понял, что причина – удушье. Но как так вышло?

– Мужчина. Мужчина, с которым она встречалась, папа, тип из университета.

– Она с кем-то встречалась? У Ребекки был любовник?

– Да, папа. Любовник. Мы с ней об этом говорили.

– Когда?

– Давно.

– И вы не расстались?

– Конечно, нет, папа. Она моя жена, мать моих детей, и я люблю ее. А сейчас она в коме.

– Но никто не задыхается и не впадает в кому от наличия любовника, – помнится, сказал я.

Через несколько дней мы с Наной перебрались в Милан, чтобы быть в курсе происходящего. Ребекка дышала с помощью кислородной трубки.

– Папа, они занимались шибари, он связал ее, но слишком сильно затянул узел. Сначала нарушилось кровообращение, затем на несколько секунд остановилось сердце. Наконец он ее развязал. И тут она впала в кому.

– Он ее изнасиловал?

– Нет, папа. Они занимались шибари. Это эротическая японская практика. В теории она неопасна, но риск всегда есть.

– А мужчина? Профессор из университета?

– На него заявили в полицию, но пока нет меры пресечения. С ними был еще один человек.

– Еще один мужчина?

– Еще одна женщина.

Я не сдержался:

– Господи Иисусе. Умоляю, только маме не говори. Да и мне тоже не стоило.

– Хорошо, папа. Прости меня.

– Скажем, что это несчастный случай.

– Это и есть несчастный случай.

– Да, но какого рода несчастный случай!

– Папа, не кричи.

– А ты не защищай ее.

– Я не защищаю ее, я просто не хочу, чтобы она умерла.

А я хочу, подумал я, но промолчал.

После пяти дней, проведенных в коме, Ребекка очнулась, и дерьмо полетело во все стороны.

Прежде всего, адвокат – похоже, специалист по ритуальным жертвоприношениям – сообщил нам, что вторая женщина решила отозвать заявление. По ее версии, которой впоследствии стала придерживаться и Ребекка, эта игра была совершенно невинной и никто никому не хотел причинить вреда. К тому же В. П. не в первый раз приводил ее к себе домой на одиннадцатый этаж небоскреба в районе Гарибальди, где они перевоплощались в господина и рабыню.

Мужчина был опытным вязальщиком, он знал, как надо затянуть веревку, чтобы получилась интересная обвязка, и делал это с большой осторожностью. И они получали удовольствие, да. Доходя до этого места, адвокат сбавлял темп, с трудом подбирая синонимы, чтобы реплики звучали более обтекаемо.

Вторая женщина затрагивала такие темы, как абсолютное доверие другому, ощущение свободы через лишение себя оной, удовольствие

как плод принуждения. Насколько она знала, для Ребекки это был первый опыт, но ей не терпелось попробовать. Сначала они выпили, покурили травки, потом мужчина ушел в другую комнату и вернулся с пеньковыми веревками и страховочным ножом – на всякий случай. Он предложил им попробовать новую обвязку под названием «качели». Он собирался связать их таким образом, чтобы получился противовес: пока одна опускается вниз и перекрывает второй доступ кислорода, он занимается последней, когда же вниз опускается вторая, затрудняя дыхание первой, он переключается на нее.

Они перешли к делу и продолжали до тех пор, пока колени второй женщины вдруг не подкосились, отчего Ребекку подбросило вверх. У нее поднялось артериальное давление, удушение усилилось, а потом остановилось сердце. Ее спас страховочный нож – В. П. в последнюю секунду успел перерезать веревки.

Сутью такого рода практик, добавил адвокат, расстегивая воротничок рубашки, является взаимосвязь между нехваткой кислорода и физическим наслаждением, хотя изначально искусство шибари не было предназначено для сексуальных забав.

– К сожалению, – заключил он, – необходимо доказать, что это покушение на убийство. Необходимо доказать, что для этого мужчины кульминация оргиастического экстаза неразрывно связана с жадной смертью. Ребекка должна написать заявление – это наш единственный выход.

И еще это его имя.

Вольфанго Патане. Само воплощение зла. Ночью оно барабанной дробью стучало у меня в голове, порой я ни с того ни с сего просыпался и повторял его вслух, чтобы оно отпечаталось на моих губах. *Вольфанго Патане*. Я набрал это имя в поисковике. Фотография на сайте университета оставляла простор для воображения: узкие темные очки на переносице, мягкие черты лица, темные кудри, борода клинышком и вычурные усы а-ля д'Артаньян.

Он был доцентом и пользовался популярностью в университете. Похоже, он особо не скрывал своего увлечения шибари (когда я впервые произнес это слово, чтобы объяснить Нане суть дела, то отвел глаза), и, оказавшись с Ребеккой в одной исследовательской группе, он положил на нее глаз. «Мы не могли назвать себя любовниками. До того вечера мы виделись наедине лишь пару раз, – цитирую его признание

следователям. – Сначала мы встретились в гостиничном номере в районе выставочного центра “Фьера Милано”, потом в мужском туалете на факультете машиностроения. Ребекка сразу же заинтересовалась связыванием. Я и сам не мог дождаться, когда же обвяжу своими веревками эту черную статуэтку».

Он не мог дождаться, когда же обвяжет своими веревками эту черную статуэтку.

Доцент Вольфанго Патане.

Трепло Вольфанго Патане.

Грязная свинья Вольфанго Патане.

И Ребекка, которая не собиралась заявлять на него в полицию.

Они часами обсуждали, как быть дальше. С одной стороны Марчелло с его неизменным желанием все проанализировать, понять и простить. С другой – Ребекка, упорно защищающая свою независимость, свой образ жизни, свое видение фактов. Лишь она знала, как все было на самом деле. Никто ею не манипулировал и ни к чему не принуждал.

Поэтому я и не мог ее простить. Из-за того, что она отстаивала свою независимость. Месяцами она бессовестно обманывала мужа и нас, зато теперь, когда надо было лишь разок соврать (адвокат настаивал, что необходимо упираться на версию с манипуляцией) и выступить против этой свиньи Патане, она вдруг осознала всю важность искренности. А мой сын упрашивал: – Доверься мне, любовь моя, хоть раз открой мне душу, я хочу знать, кто ты, о чем ты думаешь, это твоя последняя возможность дать нам шанс.

Стоило мне приложить ухо к двери палаты, где черная статуэтка лежала в ожидании исцеления, я все время слышал, как он нашептывает ей подобную чушь. Я даже не мог смотреть ей в глаза. Если бы что-то зависело от меня, то я бы взял близнецов, сел с ними на ближайший поезд и увез как можно дальше из этого дурдома.

– Как такое вообще возможно, что она отказывается на него заявить? – спросил я сына, пока мы шли по пульмонологическому отделению больницы.

– Она даже слышать об этом не хочет.

– Вы уже приняли какое-то решение? Я имею в виду, что делать прямо сейчас?

– Пап, я не знаю. Да, это сложно понять, но я не хочу оставлять ее в таком состоянии после всего, что случилось. Ее надо показать врачам, потом мы все обсудим и вместе придумаем, как быть дальше.

По прошествии двадцати двух дней руководство больницы решило выписать Ребекку. За полчаса до того, как она вышла из клиники, в квартире на Порта-Романа моя жена застегнула дорожную сумку, поцеловала детей в лоб, пожала руку Дорине и вызвала такси. На центральном вокзале она села в первый поезд до Неаполя. Нана не желала ни минуты дышать одним воздухом с этой шлюхой. Она сообщила об этом Марчелло, и он принял ее решение без лишних разговоров.

Дни шли за днями, Ребекка ходила по врачам. Дни складывались в недели, недели – в вереницу одинаковых недель. Менялась погода. Дни становились длиннее, весна захватывала скверы, газоны, парки – каждый сантиметр земли в этом бесконечном переплетении улиц и бетонных домов.

Ни Ребекка, ни мой сын не просили меня уехать, поскольку я помогал с близнецами. Мы с ними часто ходили в парк, и никто даже не интересовался, где мы были и чем занимались. Их безразличие по отношению к детям меня пугало. Ребекка все время спала, Марчелло с головой ушел в работу. Я пытался что-нибудь выудить у Дорины, но, судя по ее ответам, откровенничать она не желала.

Это был тяжелый период, по накалу страстей не уступавший папскому конклаву. Сын входил и выходил из спальни Ребекки. Невозможно было понять, когда они уже покончат с разговорами и отправятся к адвокату по бракоразводным делам. Они все говорили и говорили. О чем? Хотя мы это не обсуждали, я был уверен, что Марчелло просчитывает все возможные последствия. Лучше всего, если бы Ребекка навсегда исчезла из нашей жизни, но она мать близнецов, и нельзя просто взять и выставить ее за дверь, хотя я не сомневался, что после всей этой истории ни один судья не встанет на ее сторону. А если она их похитит? Что будет лучше для всех? Навсегда избавиться от этой потаскухи или поставить детей под удар?

Однажды я проснулся на рассвете от какого-то шума на кухне. Я отправился на разведку и обнаружил Ребекку, которая, стоя с чашкой в руке, смотрела в окно. Должен признать, что никогда не видел более привлекательной женщины в домашнем халате.

– Привет, пап. – Она улыбнулась как ни в чем не бывало. – Хочешь стакан растительного молока?

Не знаю, что именно натолкнуло меня на эту мысль. То ли зародившееся во время мимолетной утренней встречи предчувствие, которое вскоре переросло в уверенность, что она никогда не станет достойной матерью, то ли ее улыбка. На лице Ребекки не было и намека на раскаяние или стыд, хотя она выжгла клеймо на наших жизнях. Ни тени сомнения, страдания или сочувствия по отношению к тем, кто ее любит. Наоборот. Только презрение и натянутая улыбка. Неужели она считала нас посредственностями, потому что мы не позволяли себя связывать, как сардельку, и не отдавались первому встречному, рискуя умереть от удушья?

Да, именно ее улыбка и натолкнула меня на эту мысль.

Я всегда осознавал собственную ограниченность. Я был жадным и ленивым консерватором. Никогда по-настоящему не вглядывался в суть вещей, никогда не копался ни в своей душе, ни в чужой и взамен обрел необычайный покой. Я предпочел давать простые ответы на сложные вопросы. Даже будучи советником криминального босса, я ухитрился сохранить свой апломб средней руки чиновника, атавистическую склонность оставаться мелкой сошкой. Я упустил шанс воспользоваться предоставленными мне возможностями, как сказал бы сын в один из своих приступов извращенного вдохновения. За десять лет, проведенных в чистилище, я ни разу не ступил в Старый Бари. Я покурил сигарету и наблюдал за бурлившей там жизнью, скользя по поверхности своих мыслей.

Вот почему я решил избавиться от Ребекки и завершить ритуал жертвоприношения, который провалил этот идиот Вольфанго Патане.

Это был самый надежный способ стереть улыбку с ее лица.

Привет, пап, хочешь стакан растительного молока?

Я не отвечал. Просто стоял и смотрел на нее. На обнаженной шее виднелись побледневшие синяки. – Так что, пап? Молоко будешь?

Я скрипнул зубами и заставил себя посмотреть ей в глаза.

– Знаешь, как он тебя называл, – пробормотал я, – знаешь? Черная статуэтка, вот как. А ты не хочешь нам помочь.

Я не стал дожидаться ответа. Развернулся и ушел в свою комнату.

В последующие дни я старался как можно реже бывать дома. Я покорно ждал, когда сын попросит меня уехать. Не хотелось бросать внуков в такую минуту, но теперь было ясно, что я уже ничего не могу для них сделать. Однажды я вернулся с прогулки по району Навильи, и Марчелло сообщил, что у Ребекки планы на вечер, а мы останемся дома, закажем пиццу и посмотрим фильм по телевизору.

Промучившись полчаса от нездорового любопытства, куда и с кем она пошла, я позволил себе расслабиться впервые за долгое время. И сомнений не осталось: без нее жизнь действительно была бы куда лучше. Около полуночи дверь распахнулась, на пороге появилась Ребекка в белом платье в красный горох, сняла туфли на каблуках, чтобы не поцарапать паркет, с надменным видом бросила их в угол и прошествовала в спальню. Сын тотчас вскочил и последовал за ней, как собачка. Этой ночью они снова ссорились.

С моими связями избавиться от нее не составляло особого труда. Да, пришлось бы отдать целое состояние, но я мог себе это позволить. Стоит однажды осознать, что ты в состоянии оплатить убийство своего врага, как сразу чувствуешь себя властелином мира, и это похоже на эйфорию ребенка в луна-парке.

Ребекка стала все чаще выходить из дома. Теперь она посещала психотерапевта. Близнецами невестка почти не занималась, перепоручала их Дорине, которая, в свою очередь, перепоручала их мне. С мужем она едва перебрасывалась парой слов. По ночам я иногда слышал, как они яростным шепотом ругаются за стенкой. Невозможно было разобрать, о чем идет речь, но, похоже, Ребекка все время чего-то хотела, а мой сын не соглашался, и потом мой сын чего-то хотел, а Ребекка не уступала. И всегда находилось что-то, чего они оба хотели, но оценивали каждый со своей колокольни.

Как-то ночью я в очередной раз подслушивал под дверью.

– Пожалуйста, отпусти меня, – умоляла она. – Ты не понимаешь, что все кончено?

– Твое место здесь, – отвечал Марчелло. – Рядом со мной и твоими детьми.

После этого диалога мне стало до слез жалко сына. Должно быть, я чувствовал ту же горечь, что и дон Джеппино, когда, проходя мимо бара «Гамбринус» на пьяцца Триесте-э-Тренто, я попросил купить мне мороженое, а он со слезами на глазах признался, что у него не хватает денег.

Я мог купить сыну все что угодно, но, как оказалось, подарить ему то, о чем он действительно мечтает, я был не в силах.

Как-то вечером я решил за ней проследить. Идти в Милане за кем-то по пятам и оставаться незамеченным невозможно: даже в самых людных местах всегда царит тревожное молчание, люди сонно бродят по улицам, словно одурманенные низким электрическим напряжением, которое пронизывает город, и любая мелочь может выдать преследователя.

И тем не менее.

Несмотря на толкучку в метро, я ни на миг не упустил Ребекку из виду на перегоне между станциями «Крочетта» и «Турати», а потом проводил до неприметной улочки в районе виа Монтебелло. Она прошла чуть дальше, до подъезда какого-то здания, позвонила в домофон и несколько секунд спустя исчезла за дверью. Я подождал немного и подошел ко входу, чтобы взглянуть на табличку с именами. Не знаю точно, что я рассчитывал там увидеть – по моим представлениям, женщина, трахающаяся в университетских туалетах, способна на любые извращения, – но машинально сопоставлял фамилии на панели с той, что без конца крутилась в моей голове. Сердце колотилось как бешеное. Лишь когда я понял, что бессмысленно искать там Патане, я сфокусировал взгляд на надписи «КАБИНЕТ КОГНИТИВНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ – ДОКТОР БЕЛИЗАРИО» и смог восстановить дыхание.

Она вышла примерно через час и показалась мне совершенно опустошенной, как человек, только что сведший счеты с чем-то весьма

неприятным. Мне вдруг стало ее жалко и даже захотелось подойти и предложить свою поддержку. Кто я такой, чтобы осуждать ее? Я понял, в чем ее трагедия: она больше не хотела жить прежней жизнью. А мой сын силой удерживал ее подле себя, пользуясь близнецами как предлогом.

Может, подумал я, смерть от удушья во время сексуальных утех была уготована Ребекке судьбой.

Я следовал за ней по Корсоди-Порта-Нуова. Она выглядела как обычный житель мегаполиса среди миллионов других людей, которые точно так же поглядывали на витрины магазинов и замедляли шаг, набирая сообщения в мобильном телефоне. Преследование до того меня поглотило, что я не заметил, как далеко мы ушли. Я никогда прежде не бывал в этом районе.

Здания вокруг изменились, стали выше и неприступнее, темные стекла не пропускали свет, по мостовым из белого камня мел ледяной ветер. Цоканье каблучков Ребекки эхом разносилось по гранитным плитам, которые придавали этому месту сумрачный, бездушный вид. Даже трамвайные пути – единственное, что в Милане вселяло в меня уверенность, – исчезли. Вдруг Ребекка остановилась посреди тротуара. У меня на миг перехватило дыхание.

Наверняка она обнаружила слезку. Недолго думая, я нырнул в бетонный портик и потерял ее из виду, когда же снова выглянул, то обнаружил, что она объясняется жестами с кем-то за стеклом – с кем, мне не было видно. Сначала она улыбнулась, потом подняла руку и помахала. Тот человек открыл дверь и вышел на пустынную улицу, за его спиной промелькнул битком набитый бар, где гремела музыка. Мужчина бросился к ней и обнял, в ответ Ребекка страстно поцеловала его в губы, после чего они вместе зашли внутрь.

Я узнал его, это был он. Тот же мужчина с бородкой клинышком и усами д'Артаньяна, которого я видел на сайте университета.

Тем вечером Ребекка вела себя идеально. Она вела себя идеально с детьми, с мужем и, даже учитывая нашу взаимную холодность, со мной. Если бы в квартиру в этот миг заглянул консультант по маркетингу, он непременно заключил бы с нами контракт на исполнение роли счастливого семейства в рекламном ролике. Мне стало стыдно, что я ее пожалел.

На следующий день я спросил у Марчелло, знает ли он, куда его жена ходит каждый день, и тот ответил, что на прием к психотерапевту.

– Каждый день?

– Ладно. – С печальным видом он поднялся с кресла. – Похоже, тебе пора возвращаться в Неаполь. Спасибо за все, что ты для нас сделал в этот тяжелый период, мы тебе очень благодарны.

Я убедил себя, что близнецам будет лучше с матерью-шлюхой, чем вообще без матери. Я не мог сделать детей сиротами, никогда бы себе этого не простил. И потом что-то мне подсказывало, что в глубине души Марчелло знал о моих намерениях.

Свидетельство моего крупнейшего провала было прямо передо мной. Все эти годы я мечтал уберечь сына от жизни в клоаке, я не дал ему превратиться в хулигана с окраин, разлучив с лучшим другом, – устранив все, что могло бы помешать мне сделать из него приличного человека – здравомыслящего, современного, состоятельного. А в результате он оказался слабаком, неспособным справиться с трудностями, рабом собственных широких взглядов, потерявшим голову из-за женщины. Но виноват в этом я. Я задавил его индивидуальность, и вот, глядя вглубь бездны, он выбрал единственно верный путь, чтобы не рухнуть вниз, – стал хорошим, культурным и свободомыслящим юношей.

Пришло время все исправить. Я должен был лично взяться за дело. Это как вернуться в «Гамбринус» в Неаполе, усесться за один из лучших столиков и заказать то самое мороженое, которое дон Джеппино не смог мне купить.

Я взглянул сыну в глаза, надеясь, что он поймет, как сильно я его люблю.

– Хорошо, – ответил я, – дай мне пару дней.

Той ночью я забил имя Вольфанго Патане в поисковик и обнаружил, что на следующий день он выступал в Палаццо Медзанотте на университетской конференции.

Если и было место, куда я всю жизнь мечтал попасть, то это здание Миланской биржи.

К несчастью, фашистский храм торговых сделок, на который я молился все эти десятилетия и через который прошли все указания головного офиса Банка Неаполя о купле и продаже акций, остался в прошлом, превратившись в конгресс-холл и место паломничества для туристов. Биржевой зал разделили модульными стенками на зоны, где многочисленные Патане по очереди толкали свои туманные прогрессивные речи, на историческом балконе расположился кейтеринг, а Купол созвездий, подобие небосвода, заменили современные фонари.

Вдруг меня осенило.

Я всю жизнь испытывал ностальгию по тому, что мне не принадлежало. Лишь в эту секунду, оказавшись среди сотен людей, бродивших, как отары овец, и вежливо объяснявших друг другу, как пройти к желтому или синему залу, бару с витаминными напитками и туалету для инвалидов, – лишь в эту секунду мне стало ясно, что моя эпоха ушла, прошло время любить, ненавидеть, надеяться, бороться, богатеть и созидать. Что осталось от выкриков и испарины брызжущих слюной биржевых брокеров, жадных до комиссионных?

На этой конференции Вольфанго Патане продвигал идею мира, в котором промышленность не загрязняет окружающую среду, потребление не выходит за пределы разумного, экономика – “зеленая”, научные исследования всегда верны и точны. Мира, где вчерашние плохие стали сегодняшними хорошими и, как водится, станут завтрашними богатыми. Мира, где тирания прибыли завуалирована, не приметно бежит себе по электронным автострадам протяженностью во много миллиардов километров, на которых непрерывно совершаются сделки, где без конца продают и покупают, – построенная на крови арена, где не проливается ни капли крови.

Я дождался окончания конференции, зрители потянулись в зону фуршета. Вольфанго Патане встретил меня с застывшей на лице глупой улыбкой.

– Это вам, – сказал я, протянув ему чек.

Мерзавец непонимающе на него уставился.

– И что я должен с этим сделать? – спросил он с высокомерным видом.

– Обналичить. И хорошенько повеселиться.

Он увидел цифру и изумленно посмотрел на меня. – Они ваши, – продолжил я, – если вы согласитесь навсегда исчезнуть из жизни Ребекки.

– Ничего не понимаю, – пролепетал он, став вдруг каким-то кротким. – При чем тут Ребекка? Кто вы?

– Можете считать этот подарок мирным способом уладить дело, – ответил я. – Пожалуйста, подумайте над моим предложением. Уговор останется в силе, если никто не узнает о нашей встрече.

Я протянул свою визитку и ушел, оставив его теряться в догадках. Из Палаццо Медзанотте я вышел в состоянии эйфории, Милан еще никогда не казался мне столь прекрасным. Весенний воздух опьянял, памятник Среднему пальцу идеально гармонировал с моим настроением. При мысли о том, что я купил этого человека, что сумел назначить верную цену его одержимости, у меня отлегло от сердца.

Сияя от радости, я направился в сторону дома и решил как можно скорее вернуться в Неаполь. Но сначала я зашел за подарком близнецам. Сын встретил меня улыбкой, какой я у него давно не видел, и сообщил, что уговорил Ребекку съездить на море.

– По-моему, это прекрасная идея – сменить обстановку, – поддержал я его.

Когда я проснулся на следующее утро, они уже уехали. Я неспешно побрился, выпил кофе и попрощался с Дориной. Море пойдет ему на пользу, море все лечит.

Телефон зазвонил, когда таксист выписывал мне квитанцию. Это был Вольфанго Патане.

– Я не возьму ваш чек! – высокомерным тоном заявил он. – Я никогда от нее не откажусь, ни за какие деньги! И я уж точно не пойду на поводу у какого-то бандюгана с жутким акцентом. Что вы с вашим сыном себе позволяете? Прийти ко мне и подкупить своими деньгами!

У меня в голове закрутилось сразу несколько мыслей: я мог бы объяснить, что моя инициатива носит сугубо личный характер, мог бы порассуждать, каким образом связаны моя история, происхождение этих денег и его отказ, мог бы спросить, к какому такому северному народу причисляет себя обладатель фамилии Патане и почему он считает себя вправе называть мой акцент «жутким».

Ничего не ответив, я выключил телефон.

Пока я, никуда не торопясь – как все старики, одним из которых я успел стать, – вытягивал ручку у своего чемодана на колесиках и готовился сесть в поезд, направляющийся домой, у меня созрел запасной план.

Прибыв в Неаполь, на вокзале возьму такси и отправлюсь напрямиком к Кирпичу в офис, подожду, пока он меня примет. Он спросит, что стряслось, если я пришел к нему без договоренности, а я отвечу, что готов заплатить кучу денег, чтобы избавиться от человека, вознамерившегося разрушить мою семью.

Кирпич задумчиво посмотрит на меня, убедится, что я в своем уме, и, настойчиво обо всем расспросив и смирившись с тем, что я жажду смерти Вольфанго Патане, расскажет о возможных последствиях и предупредит о подстерегающих рисках: если этот труп однажды обнаружится, то наша дружба и все дела, которые мы вместе проворачивали, ничем мне не помогут. А я ему отвечу: договорились, сделай все, что нужно, последствия меня не волнуют.

Хорошо, замечано, согласится он, и мы пожмем друг другу руки. Завтра, самое позднее – послезавтра дело будет сделано, и кто-то из его парней мне об этом сообщит.

Спасибо, друг мой, скажу я, вернусь домой к жене, и тем вечером мы сходим куда-нибудь поужинать жареной пиццей, например в «Де Фильоле».

Все сложилось точно так, как я и задумал.

Лишь одну деталь я упустил из виду, ключевую для моего плана. Именно по этой причине я и нахожусь сейчас здесь, а ты вот-вот начнешь рыть мне могилу.

Узник

Часть вторая

2010–2014

Прошлое никогда не повторяется: раз – и его больше нет.

Никола Кьяромонте

– Мне и в голову не пришло, что после этого звонка Вольфанго Патане может сохранить чек. Вероятно, хотел дождаться возвращения Ребекки и показать ей, – сказал Эдуардо. Он облокотился на деревянный стол и скрестил руки. – Проблема в том, что он убрал чек в левый карман брюк. И он был в них же два дня спустя, когда двое молодчиков Кирпича похитили его из подземного гаража и задушили.

Лео подлил ему вина в бокал.

– К сожалению, добросовестные киллеры старой закалки остались в прошлом, когда компания «Каламаро 3000» превратилась в уважаемую транснациональную корпорацию. – Эдуардо залпом осушил бокал. – И эти бездари забыли проверить его карманы перед тем, как выбросить труп на окраине города.

Весь вечер, с самого приезда Эдуардо на ферму, Американец пытался его напоить. Он был всего лишь скромным деревенским могильщиком и не знал, как еще можно облегчить участь приговоренного к смерти. Пока тянулись часы, которые отделяли моего отца от смертоносной пули, Лео выступал в роли исповедника.

– Я сожалею лишь об одном, – наконец, сказал Эдуардо.

– О чем?

– Утром я пообещал жене вернуться к ужину, зная, что не сдержу слово.

– И почему ты переживаешь?

Эдуардо помрачнел.

– Мы всю жизнь прожили вместе, и это было наше последнее прощание. Я не должен был ей лгать.

Лео открыл дверцу буфета, где Карим хранил вино.

– Я до сих пор не могу понять, – сказал он, в очередной раз наполняя бокал Эдуардо, – зачем ты распустил слухи про моего отца?

– О чем ты?

– Ты говорил, что он заложил бомбу в тот поезд, где погиб Даниелино Карапуз. Ты всех в этом убедил, хотя прекрасно знал, что это ложь.

Отец положил руки на стол.

– Мне надо было отдалить вас друг от друга. Я не хотел, чтобы мой сын вращался в определенных кругах... – Он поднял глаза и горько усмехнулся.

Лео поставил на стол графин, в эту секунду он выглядел как палач, которому предстоит в последний раз перевернуть клепсидру.

– Вот. – Он наполнил бокал. – Вот об этом и стоит сожалеть.

Уже давно стемнело, когда к ферме подъехал джип, в котором сидел носатый. Увидев, как машина паркуется возле свалки, Американец догадался, что они торопятся, все будет кончено менее чем за полчаса.

Эдуардо вконец измучился. Разговоры, ожидание и алкоголь лишили его сил. Он дремал в шезлонге, укрыв колени пледом, а вокруг него, легкой добычи, с жужжанием кружили комары.

Карим вышел в патио и торжественно возвестил: – Приехали.

Эдуардо конвульсивно дернулся. Несмотря ни на что, он до самого конца лелеял надежду, что Кирпич передумает. Он мог бы поклясться, что не проронит ни слова, даже сев за решетку. Но таков был уговор, и Эдуардо в свое время принял его условия.

Карабинерам, нашедшим тело Вольфанго Патане, оставалось только проверить корешок чека, чтобы тотчас выйти на него – и всё, дело сделано. На допросе Эдуардо потребовал адвоката, Кирпич прислал

ему лучшего из тех, кого знал, – загорелого пижона с напوماженными волосами и в очках в оранжевой оправе, – и вскоре без предъявления обвинения Эдуардо вышел из казармы свободным человеком.

Но долго ли ждать, пока его вновь возьмут под стражу? Сколько времени понадобится следователям, чтобы установить связь между чеком, убийством и работой консультантом в «Каламаро 3000»? Кирпич не станет рисковать своей империей из-за прихоти бывшего банковского клерка, который и в тюрьме-то ни разу не сидел.

Эдуардо поднялся с шезлонга. Он подумал, что успел пожить, а теперь пришло время умереть, так что все по справедливости. Перспектива пересечь финишную черту оказалась не столь пугающей, как он полагал. Только сейчас, готовясь упокоиться на дне ямы, он перестал чувствовать въевшийся в его кожу запах клоаки. Он глубоко вздохнул, представил, как скоро обнимет дону Джеппино и донну Амалию, и поднял бокал:

– Вперед.

Карим направился к конюшне.

– Пойдемте.

В эту секунду мой отец сделал то, что навсегда изменило судьбу Лео: обнял его с той же теплотой, с какой обнял бы меня, окажись я там. И прошептал ему на ухо:

– Прощай, Американец. Позаботься о себе.

Потом, когда Карим тащил плачущего Эдуардо прочь, тот прошептал что-то, что Лео в ту минуту счел бредом умирающего. Гораздо позже, после того, как он дотащил кровоточащее тело к реке, подальше от безымянных мертвецов, уже после того, как у него засадили мозоли на руках, после того, как он предал тело Эдуардо земле, после того, как он сделал все тайное явным, – так вот, только тогда, гораздо позже, он понял, что означали те слова: *расскажи ему все, выживи и расскажи.*

* * *

Осенью случился самый настоящий потоп. Такого прежде не бывало: за четыре часа выпало сто двадцать миллиметров осадков, и вся округа потонула в грязи и мусоре.

И без того бедственное положение усугубила безумная идея открыть плотину в Камполаттаро, а еще – вошедшее в поговорку бессилие самнитских крестьян^[27] перед лицом всего, что не произрастает из земли. Привыкших веками иметь дело исключительно с тем, что пускает крепкие корни в почву, излившийся с небес потоп застал врасплох, равно как и его последствия: размытые дороги, обрушившиеся мосты, поваленные деревья, погибший урожай, затопленные подвалы, да еще и унесенная прочь потоком значительная часть поголовья скота.

На рассвете под оглушительный перестук дождя, ворвавшийся в тоскливое, скорбное спокойствие наступающего дня, на ферме подсчитывали убытки.

– Я слышал, что двое пропали без вести, – сообщил Карим, разгребая грязь лопатой. – То есть двое погибли, – добавил он.

Лео понял, что упустил свой шанс. Будь он посообразительнее, воспользовался бы потопом, чтобы исчезнуть без следа, и уже был бы на свободе. Пропал без вести – значит, мертв, то есть в его случае – жив. У него было двести сорок минут, чтобы разыграть эту комедию, однако, пока дождь обледеневшими пулями барабанил по его вагончику, он молился, чтобы выдержала крыша, чтобы выстояла запруда на реке, чтобы лошади не утонули, чтобы *он* выжил и продолжил свое унылое и бессмысленное существование. Он не пропал без вести, не умер, но и живым его нельзя было назвать.

Через два дня почти вся вода впиталась в почву, и Американец решил, что дорога пригодна для движения: он надел сапоги и отправился к реке. В его взгляде читалось беспокойство.

Тутовые деревья и мимоза повалились на землю, река смела запруды и разлилась метров на пять в каждую сторону. Выжившие растения торчали над водой, как в тропиках. Прокладывая себе дорогу между обломками и камнями, он пробрался к лисьей темнице. Металлическая решетка не выдержала напора воды. Интересно, они утонули до того, как их утащил поток, или после?

Его внимание привлек какой-то предмет, плывший по реке, – течение уносило на запад лисий скелет.

Лео бросил встревоженный взгляд на торфяной холмик, но он, по счастью, устоял. Его секрету ничто не угрожало.

– Завтра пядь за пядью прочеешь свалку, – приказал ему Карим, вороша головешкой горящие угли. – Не хочу, чтобы потоп вынес на свет божий какую-нибудь «посылку»...

Прошло несколько недель, и последствия наводнения постепенно слились с пейзажем, люди перестали замечать завалы на дорогах, склоны с поваленными дубами, горы обломков на табачных полях, превратившихся в растительное месиво. Если ландшафт приспособлялся к новым условиям не по дням, а по часам, то людям возврат в русло сельской жизни давался нелегко.

В таких чрезвычайных обстоятельствах и прозвучала мысль, что за продуктами в город теперь может ездить Американец. Естественно, эта уступка, поспешил объяснить Карим, возможна лишь в том случае, если он будет возвращаться к семи утра и не станет отклоняться от намеченного маршрута, сведя, таким образом, к минимуму встречи с местными жителями. Лео согласился.

Новая обязанность возникла не без причины: Американец в последнее время сидел без дела. Поскольку клан узаконил свою экономическую деятельность, количество «посылок» сократилось, а в этот период и вовсе свелось к нулю.

Лео часто спрашивал Карима, что будет, если перестанут появляться новые трупы. Поначалу египтянин отвечал невозмутимо и рассудительно:

– Мы работаем на мафию. А мафия убивает людей и потом избавляется от тел.

Но с недавних пор он начал злиться.

– Не знаю, – раздраженно отмахивался он. – Почему ты все время спрашиваешь об одном и том же?

Если клан решит сократить расходы и избавиться от безработного могильщика, то, предположил Лео, есть вероятность, что в будущем и надзиратель в пустой тюрьме станет обузой, – отсюда вытекало очевидное: поручая новую обязанность, Карим исходил из личных интересов. Лео согласился, сделав вид, что ничего не понял. Теперь он трижды в неделю вставал ни свет ни заря и отправлялся за продуктами, таким образом участвуя в жизни фермы, где от огорода ничего не осталось, а из животных выжили только лошади.

И то не все.

Не так давно несколько особей заболели и те – перь медленно умирали, одна за другой. Пару раз Американец видел, как встревоженный Карим бродит по конюшне вместе с отцом девушки. Однажды Лео случайно подсмотрел, как ветеринар сделал лошади укол, а через несколько часов та умерла в своем стойле. На вопрос, что происходит, египтянин рассказал о распространившемся среди животных опасном легочном вирусе, который почти не поддается лечению.

Когда он приходил на задний двор супермаркета, похожий на ветерана войны хромой мужчина с хвостиком – на вид ему было лет пятьдесят – открывал металлическую дверь склада и впускал Американца внутрь, даже не здороваясь.

Обычно пакеты ожидали его сразу за порогом. Лео оставалось только погрузить их на тележку, переложить в машину, и через десять минут он уже снова был на ферме. Обычно он с жадностью разглядывал все вокруг, подмечая мельчайшие детали и вдыхая сладкий, но ядовитый воздух свободы. И гадал, звонит ли хромой Кариму, когда он садится за руль, чтобы предупредить, что узник скоро вернется.

* * *

Той ночью Лео услышал стук. Он открыл глаза, вскочил с постели, подошел к двери вагончика и распахнул ее. В темноте, едва освещенной тлеющим кончиком сигареты, стоял его отец. Он был молодой, с длинными светлыми волосами.

– Пойдем, – сказал Человек-паук. – Надо кое-кого похоронить.

Лео не дыша последовал за ним.

Ему показалось, что они шли бок о бок целую вечность. Американца переполняли счастье и чувство легкости.

– Папа! – восклицал он. – Папа! Я помню запах твоей куртки, твоей подушки. Запах сигарет, твой запах, папа...

Они дошли до свалки, Человек-паук вытащил лопату и протянул ее сыну.

– Комай, – приказал он. – Давай, сынок. Вырой поглубже.

Лео принялся за дело.

Он думал лишь о том, чтобы яма получилась достаточно глубокой. Лоб его заливал пот, он копал до тех пор, пока факел не осветил хитросплетение подземных ходов. Кто мог создать этот лабиринт?

От ощущения счастья ничего не осталось.

– Папа! – крикнул он, и к нему вернулось эхо его собственного голоса. – Папа! – повторил он, углубляясь в туннель. Яркое пламя факела обдавало его жаром. Пот катился с Лео градом.

– Сынок, – издали позвал голос. – Иди сюда, не бойся.

И Лео пошел.

Сколько часов это продолжалось? Или дней? Месяцев? Не выпуская факел из рук, он погружал сапоги в землю, в трясину и грязь, которая порой доходила ему до икр. Где-то далеко сновали лисы, он слышал их тревожный, испуганный лай. Вдруг он ощутил порыв ветра, и потолок галереи начал обваливаться.

– Папа! – закричал Лео. – Папа! Здесь все рушится!

В ответ тишина.

Он побежал. За спиной осыпались подземные ходы, песок и пыль погребали под собой отпечатки его сапог.

– Папа! Папа, где ты? – вопил он во всю глотку.

А потом факел потух. Стало темно. Лео остановился и увидел среди обломков проход. Еще метров сто, и он спасен. Он посмотрел на свои ноги и обнаружил, что идет босиком.

– Папа!

– Мне жаль, сынок, – сказал Человек-паук, чертами лица теперь походивший на носатого.

– Где Винченцо?

Мужчина с удивлением посмотрел на него.

– О чем ты, сынок? Это я, разве ты не видишь? – спросил носатый. – Это я, Человек-паук. Посмотри, мы пришли...

Лео взглянул в сторону выхода из туннеля, на улице светило солнце. Неподалеку шумела река.

– Иди, – сказал носатый. – Иди.

– Куда?

– Наружу.

Повторять дважды не пришлось. Он лег на землю и пополз, помогая себе локтями, полз до тех пор, пока не оказался на другом конце.

– Я не могу выйти, – пожаловался он носатому. – Мне мешает решетка. – Пещеру отделяло от реки металлическое ограждение. – Что мне делать?

Носатый пожал плечами.

– Смотри, – сказал он.

И Лео посмотрел в указанном направлении.

Плюшевый цыпленок его сына лежал у кромки воды, а река на глазах выходила из берегов. Лео парализовал страх.

– Нет! Нет! – закричал он. – Винни, нет!

Чем выше поднималась вода, поглощая тело цыпленка, тем отчаяннее кричал Американец:

– Винни, нет! Осторожно!

Лео обернулся. Носатый сидел по-турецки на земле.

– Помоги мне! – потребовал Лео. – Выпусти меня отсюда! Выпусти меня отсюда!

Носатый вытащил пачку «Лаки Страйк» из кармана рубашки.

– Зови меня папой, – сказал он, прикуривая сигарету.

– Но ты не мой отец.

– Зови меня папой! – рявкнул тот. – Или не выйдешь отсюда.

Американец посмотрел на поток, который вскоре должен был поглотить игрушку, потом перевел взгляд на мужчину и опустил голову.

– Хорошо! – крикнул он. – *Papa...*

Носатый поднялся, затушив сигарету о камень.

Улыбаясь, раскинул руки.

Вдруг поток хлынул в клетку, Лео успел увидеть, как уходит под воду лисья темница, после чего и сам оказался под водой.

Дорогой братишка,

на этот раз я пишу тебе по радостному поводу. Ты не поверишь, но Никола сделал мне предложение. Я уже потеряла всякую надежду! Само собой, я согласилась. Ты можешь представить, что в следующем месяце мне стукнет тридцать пять? Свадьба запланирована на лето. Надеюсь, что к этому времени ты уже будешь с нами. Я обсудила это с кем следует, и мне намекнули, что твое хорошее поведение в следующие месяцы может сделать эту мечту реальностью. Я так на это надеюсь! Кому-то надо вести

меня к алтарю, а кто может быть лучше моего братишки? Пообещай, что подумаешь. Только представь, я замужем! За Николой! За тем пареньком, которого ты постоянно высмеивал за его кок! Наверное, не стоит так говорить, ведь никогда не знаешь наверняка, но я уверена, что наш брак будет счастливым. Сейчас мне надо идти, поэтому я прощаюсь. Я пришлю тебе приглашение, как только типография удосужится мне их доставить. Очень прошу, не сдавайся и позаботься о себе. Обнимаю,

Пинучча

В эти последние недели 2013 года письмо сестры, которое Карим с подозрением изучил вдоль и поперек, и его до боли бесхитростная каллиграфия нарушили привычный ход мыслей Лео.

Несколько часов спустя Американец стоял в вагончике, вглядывался в зеркало и не узнавал себя. Тридцать семь лет. Худое лицо, ослабевшее за долгие зимы тело, длинные седые космы, спутанная борода, потухшие синие глаза. Когда он в последний раз смотрелся в зеркало и был доволен увиденным? После двенадцати лет в заточении прежний хвастливый и энергичный парень с расческой в нагрудном кармане и уложенной гелем прической уступил место изможденному безымянному дикарю.

Он разрыдался и, еле сдерживая рвущийся наружу крик, замолотил кулаками по хлипкой двери вагончика.

Угнетало не письмо само по себе и не приглашение на свадьбу, а вторжение в его аскетическое уединение, избитые фразы («Кому-то надо вести меня к алтарю...») и лицемерие («Надеюсь, что к этому времени ты уже будешь с нами»), отношение к беззаконию как к чему-то привычному («Я обсудила это с кем следует»). Он понимал, что сестра ни в чем не виновата, просто становился очевидным непреложный факт: у других жизнь продолжалась, тогда как он в свои тридцать семь лет мог считать себя конченным человеком.

Когда в работе случался перерыв, он отправлялся на поиски крепкой ветки, на которой можно затянуть петлю. Он был не прочь повеситься на мимозе, хоть та и не оправилась до конца после потопа и просматривалась из окна Карима.

Больше всего ему подходил дуб у реки. Дерево устояло при наводнении, значит, наверняка выдержало бы его вес. Даже если он решит отравиться ударной дозой лошадиного кленбутерола, умереть хотелось на берегу. Проглотив роковое зелье, он бы из последних сил забрался на свой холм и там, глядя на Млечный Путь, отошел в мир иной. Это ли не идеальная смерть? Никто не стал бы мстить Мие или Винсенту. К сожалению, он слишком поздно это понял.

Ночью ему снилось, что он уже мертв. В ту секунду, когда конское слабительное вспарывало его внутренности или привязанная к ветке дуба веревка душила его, он чувствовал себя свободным и счастливым – счастливым, поскольку удалось убежать от себя самого, – и чувство это было столь сильным, что он просыпался, понимал, что все еще жив, и не мог сдержать слезы.

Наконец однажды утром Американец поднялся на рассвете и вышел из вагончика. Он взял лестницу и, стараясь не шуметь, зашагал по тропинке, ведущей к реке. Вставало солнце. Вскоре он вышел на берег, приставил лестницу к дубу, достал веревку и привязал ее к самой крепкой ветви.

Стоя на ступеньке, Лео затянул петлю на шее и закрыл глаза. Вдруг он ощутил спиной порыв холодного ветра из долины, ветки дуба задрожали. Лестница пошатнулась и чуть не упала.

Американец открыл глаза. «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, – вспомнилось ему, – а не знаешь, откуда приходит и куда уходит». Он никогда не воспринимал Евангелие всерьез, и со временем ничего не изменилось, но эти строки неожиданно всплыли из глубин его памяти. «Как может человек родиться, будучи стар? – спросил Иисуса фарисей Никодим. – Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?»

Он взглянул на торфяной холмик внизу, вспомнил последние слова Эдуардо, и впервые ему показалось, что он понял их смысл.

Примчался Грендайзер и испуганно заскулил. Лео ослабил узел, отвязал веревку, спустился на землю и побрел к ферме. Зашел в вагончик. В небольшой ванной с биотуалетом посмотрелся в зеркало, ощущал лицо отразившегося в нем незнакомца. И взял в руки ножницы.

Час спустя, когда ферма просыпалась в лучах теплого зимнего солнца, гладко выбритый и подстриженный Лео скомандовал овчарке

забраться в машину, завел мотор и пробормотал себе под нос: *«Расскажи ему все, выживи и расскажи»*.

Он словно вернулся в утробу матери, и в то утро, когда надо было ехать за продуктами, начался первый день его новой жизни.

* * *

Хромой с ним больше не заговаривал, но лицо его смягчалось всякий раз, когда Грендайзер выпрыгивал из машины, – он любил собак. Так и тем утром овчарка издали учуяла его симпатию и с энтузиазмом откликнулась на нее, позволив себя погладить в обмен на печенье.

– Как дела? – спросил Лео, чтобы завязать разговор.

– Ты побрился, – заметил хромой, толкая дверь склада. – Похож на овцу после стрижки...

Он вытащил из кармана печенье, бросил Грендайзеру – тот проглотил его со своей всегдашней незлобивой жадностью, – потом, согнув здоровую ногу, присел и погладил пса по спине.

Лео проверил пакеты с покупками.

– Это всё?

– Это всё.

– А корм для лошадей?

– Его не было в сегодняшнем списке.

– Ну как же. Три мешка по пять кило.

– Нет, я такого не помню.

– Ну, неважно. Сходи за ним.

На лице хромого появилось привычное недовольное выражение.

– Не знаю, есть ли он на складе.

– Сходи, а я пока отнесу пакеты в машину. – Он свистнул, и Грендайзер подбежал к нему.

Американец закурил, ожидая. Огляделся. Все вокруг постепенно начинало оживать. С каждой минутой машин становилось все больше, ставни в заведении через дорогу, которые он всегда видел закрытыми, теперь были подняты, и внутри проступали сонные очертания бара. Потом появился парень, подошел к бензоколонке на углу и отпер замок, висевший на цепи. Впервые за все время своего заточения на

ферме Лео видел, как просыпается мир. Этот всплеск жизненной энергии взволновал его.

Он переступил порог склада.

– Есть кто-нибудь? – крикнул он, осторожно продвигаясь вперед.

Тишина.

Чем дальше он проходил в зал, где выстроилась шеренга деревянных палет с упакованными в целлофан продуктами, которым суждено было оказаться на полках магазина, тем очевиднее становилось, что это место куда больше, чем он предполагал.

– Эй, дружище, мне пора...

Его голос отразился от дальней стены и вернулся к нему приглушенным эхом. В конце коридора он увидел открытую дверь, откуда лился желтый мерцающий неоновый свет, и направился к ней. Воздух в камерке без окон был спертый, пахло газом. На столе в беспорядке валялись документы, горел экран монитора и стояла чашка остывшего чая. Рядом на полке расположились походная плитка и ковшик.

Со склада донесся шум, через секунду загудел автопогрузчик. Лео уже собрался было уйти, когда его взгляд упал на стол. В углу, между чашкой и бумагами, лежал телефон.

Он мгновенно принял решение.

Машинально, еще толком не понимая, что он делает и зачем, Лео схватил телефон, положил его в карман, вышел из камерки и направился к выходу.

Хромой с электрокара уже сгружал у машины мешки с кормом.

– Ты куда запропастился? – поинтересовался он.

– Хотел тебя о том же спросить, – парировал Лео. Он пытался вести себя как ни в чем не бывало. – Я уже хотел тебя искать, – добавил он. Поднял мешок и взвалил на плечо. – Ты это добро целую вечность собирал...

– Ты ни на шаг не должен отсюда отходить, ясно? – предупредил хромой. – Хочешь, чтобы у меня были неприятности?

– Я? Да какие неприятности...

Тот смерил Американца грозным взглядом, раздумывая, стоит ему верить или нет, после чего, не проронив ни слова, развернулся и заехал на автопогрузчике на склад. Через секунду стальная дверь с шумом захлопнулась, и Лео остался в одиночестве.

* * *

Тянулись часы томительного ожидания. Казалось, будто все небесные и земные силы на него ополчились.

Как и следовало ожидать, Карим отчитал Лео за опоздание и отправил его работать в огород. Не так давно было новолуние, так что пришло время для подзимнего посева. Помидоры, перец, баклажаны, базилик. Чуть позже египтянин сообщил, что у очередной лошади жидкость в легких, поэтому вечером заедет ветеринар. А Лео еще предстояло посадить чеснок и лук.

Вечером он вспомнил о разнице в часовых поясах. Следовало дожждаться возвращения Мии домой (ей наверняка пришлось выйти на работу, несмотря на ежемесячное пособие Кирпича), чтобы она точно взяла трубку.

А вдруг она переехала? Это вполне возможно. Тогда смогут ли новые жильцы дать ее номер? Все больше и больше вопросов роилось в голове, заставляя его сомневаться в успехе предприятия. А если трубку возьмет Винсент? Знает ли он что-то о нем?

Твой отец умер.

Твой отец уехал далеко-далеко.

Твой отец не сладил с ножом и стал рабом.

Твой отец променял нас на месть.

Your dad^[28].

Пока он с ноющей от сырости спиной, стоя на коленях, высаживал в землю треклятые луковицы, ему в голову пришла еще более горькая мысль – но при этом совершенно естественная, мысль как мысль, неизбежная после стольких лет разлуки и молчания: а если у Мии появился другой мужчина? Если она, наконец, согласилась поужинать с продавцом, у которого покупала почтовую бумагу? Возможно ли, что, пока он поднимался с колен и снимал садовые перчатки, Винсент называл словом *dad* другого мужчину?

Да и мог ли он ее в чем-то упрекнуть после двенадцати лет разлуки?

Двенадцать лет без возможности увидеть друг друга, коснуться, поговорить, двенадцать лет с мыслью, что человек, за которого она вышла замуж и который стал отцом ее ребенка, уехал в Италию на похороны матери и больше не вернулся. После ужина, когда в

Хартфорде уже наступил вечер, он сидел на своей койке – безучастный, опустошенный, изможденный человек. Даже затея с телефонным звонком свелась к чисто рефлекторному усилию, подобному дыханию умирающего.

Он вспомнил тот день, когда, уже живя какое-то время в Америке, познакомился с Мией в кинотеатре, у автомата по продаже напитков. Вот уже несколько недель он не видел рядом с ней ее парня, типичного мускулистого блондина из Ист-Хартфорда. Смуглая девушка с кротким взглядом, сегодня не таким печальным, как прежде. Темные колготки, зеленое платье до колен, на талии затянут кружевной поясик. Судя по начищенным до блеска туфлям на высоком каблуке, жила она неподалеку.

– Ты местная? – спросил он.

Миа кивнула.

– Моя семья приехала из Пуэрто-Рико.

– Я так и думал. Ты слишком красивая для чистокровной американки.

– В Коннектикуте нет ни одной чистокровной американки. – Она сжимала в руке стаканчик с кофе. – Ты что-нибудь будешь? – спросила она, видя, что он так и стоит столбом.

Пока они тщетно искали слова, за которые зацепиться, их взгляды на миг пересеклись. В паузу вклинился писк автомата, разрядив обстановку.

– А тот парень? – Сердце Лео бешено колотилось. – Вы больше не вместе?

Миа улыбнулась, выбросила стаканчик в урну и направилась ко входу в зал.

– Эй! – окликнул он ее. – Ты что, так и уйдешь?

– Живее, – поторопила она. – Фильм вот-вот начнется.

Американец открыл телефон-раскладушку. Много лет назад у него был такой же, но теперь огрубевшие от полевых работ пальцы с трудом попадали по кнопкам. Наконец он изловчился набрать номер, нажал на зеленую клавишу и приложил телефон к уху. Сглотнул, глядя прямо перед собой.

Соединение устанавливалось целую вечность.

Миллионы беззвучных электронных импульсов, посылаемых аппаратом спутникам, вихрем кружились вместе с миллионом испытываемых им в этот миг беззвучных эмоций. Человек построил дороги, акведуки, дворцы, мосты и пирамиды, сконструировал поезда, самолеты и спутники; он покорил космос, создал две идентичные клетки, научился находить месторождения газа в морских глубинах. Но ни одно из этих достижений не могло сравниться по важности с тем фактом, что сейчас он мог поговорить с ней по телефону.

– *Hello*, – услышал Лео.

Ошибки быть не могло, это голос Мии. Чуть более хриплый, чем прежде.

* * *

– Миа. Это я.

– Лео?

– Да.

– Боже мой...

– У нас мало времени, связь может оборваться. Как твои дела?

– Как дела... хорошо... откуда ты звонишь?

– Из Италии.

– Я не думала, что когда-нибудь тебя услышу.

– Я знаю.

– Я так давно не получала от тебя вестей. Ты перестал отвечать на письма. Никто не выходит со мной на связь. Если бы не твоя сестра, которая иногда... боже мой...

– У меня был тяжелый период, но сейчас, к счастью, стало лучше.

– Ты понимаешь, сколько прошло времени?

– Слишком много.

– Двенадцать лет, Лео. Двенадцать.

– За все это время не было ни секунды, когда бы я о вас не думал.

– И не было ни секунды, когда бы я не спрашивала себя, почему ты так с нами поступил.

– Если бы я знал, что меня ждет, то никогда бы... Но так вышло. И я не могу повернуть время вспять.

- Столько всего упущено в жизни. В нашей жизни. В твоей и моей. В жизни твоего сына.
- Я знаю.
- Папа умер четыре года назад. Тебя не было на его похоронах.
- Старик Армандо...
- Почему ты позвонил именно сейчас?
- ...
- Так что? Лео, чего ты хочешь?
- Я хочу вернуться к тебе и Винни. Я хочу снова стать семьей.

* * *

Лео подошел к изгороди из кипарисов, защищающей свалку от ветра, и вытащил всунутую между ветками банку из-под кока-колы. Вгляделся в хвойную стену, которая не пропускала ни малейшего дуновения. Колкие, тонкие листья перемежались молодыми, гладкими, нежного цвета побегами. Зима неохотно капитулировала под натиском весны.

Хотя весенняя работа приносила больше радости и была не такой тяжелой, Американец предпочитал ей зимнюю, когда земля готовилась к сбору урожая и всеми силами противилась сокрушительной силе природы. Борьба за выживание пробуждала подлинную жизненную энергию, поэтому сорняки, дождь, грязь и снег шли посевам на пользу. Без них вкус летних консервированных помидоров был бы не таким насыщенным, равно как и вкус хрупких весенних овощей и ярких плодов, которые, будто капризные дивы, выходили из своего укрытия, лишь когда ситуация снаружи была под контролем.

Лео решительно распахнул дверь сеновала. Девушка ждала его: голая, она лежала прямо на земле, раздвинув ноги. Он шагнул вперед и остановился, разглядывая рыжеватую растительность у нее на лобке. Голос Мии все еще звучал у него в голове, и это тело больше ничего не могло ему предложить.

- Что за делишки у Карима с твоим отцом? – спросил он грубо.
- Девушка улыбнулась, обнажив гнилые зубы.
- Может, ты перестанешь задавать вопросы и отымеешь меня?
- Лео крепко ухватил ее за волосы и дернул на себя.

– Говори, – прорычал он. – Или убью.

Девушка уперлась коленями в землю и взмолилась:

– Хорошо. Я все тебе расскажу, только отпусти... Лео ослабил хватку – несколько грязных, жестких волосков осталось у него между пальцами – и толкнул ее на кучу кормового зерна.

– Ну? О чем они все время секретничают?

– Столько лет прошло, а ты до сих пор не понял, что здесь происходит, – пробормотала девушка.

– Объясни мне, – велел Лео. – Что я должен был понять?

– Ты не думал, почему лошади болеют? Тебе не странно, что все они умирают одинаковой смертью?

– Карим говорит, это легочная инфекция и они передают вирус друг другу.

– Ну да, конечно, – насмешливо сказала она. – Вирус подпольных скачек... – К голосу вернулась былая пронзительность. Стоило ей занервничать, как в ее лице проступало что-то нездоровое, похожее на слабоумие. – Мой отец помогает накачивать их наркотиками. Знаешь, что он им дает? Вытяжку из лягушек... Называется дерморфин, его получают из лягушачьей кожи. С ним лошади не чувствуют боли и во время забега мчатся во весь опор. Но кости становятся хрупкими и потом ломаются, в итоге остается только усыпить животное...

Американец потер подбородок.

– Почему не подождать, пока перелом срастется?

Девушка снова улыбнулась ему своей странной улыбкой.

– Потому что лошадь со сломанными ногами вызывает подозрения. Понимаешь? История с вирусом должна успокоить босса.

Лео вздрогнул.

– То есть Кирпич ничего не знает о скачках?

Девушка кивнула.

– Раскрой глаза пошире, и ты увидишь, что ваши лошади еле стоят на ногах, у них от природы слишком тонкие щиколотки и слишком тяжелый круп, чтобы участвовать в скачках... – Она подползла поближе и встала на колени. – Ну так что, займемся, наконец, делом?

Лео наклонился к запыленному лицу девушки, сжал ее голову руками и вгляделся в ничего не выражающие карие глаза – будто в стену, за которой скрывается пропасть. На миг он ощутил что-то вроде жалости. Часто, подумал он, за зимой ничего не следует, даже весна.

Он разжал руки, собрал раскиданную по полу одежду и бросил ее девушке.

– На, – сказал он. – Одевайся.

* * *

– Тебе все понятно? – спросил Лео, сжимая в руке телефон.

– Да, завтра я позвоню тете Санте в Сан-Хуан.

– Отлично... Так что?

– В смысле «так что»?

– Ты меня любишь или нет?

– Сначала выберись оттуда, а потом мы поговорим.

– Значит, ты меня любишь.

– Сначала выберись оттуда!

– Хорошо.

– Кстати, когда это произойдет, ты знаешь?

– Скоро.

– Скоро – это когда?

– Скоро.

– ...

– Миа? Алло? Миа, ты меня слышишь?

Связь прервалась. Сердце Американца бешено колотилось, тишина в трубке была равносильна смертному приговору.

Постепенно он убедил себя, что это не конец света, ведь украденный телефон может разрядиться или владелец может его заблокировать. В любом случае трудности ему на пользу, они только приблизят побег. И неизвестно, может, Миа успела услышать его второе «скоро», прозвучавшее куда более убедительно, чем первое.

Следующие несколько недель Лео пришлось безвылазно сидеть на ферме. У Карима были срочные дела в городе, поэтому заказы из супермаркета он забирал сам.

С недавних пор поведение египтянина изменилось. Про телефон хромого он точно не знал, иначе Лео уже лежал бы в земле с простреленной головой. Похоже, дело было в девке. Или Карим их застукал, или она сама призналась. В его отношении теперь ощущалась скрытая неприязнь: он вел себя подчеркнуто спокойно и

сдержанно, словно успокаивая Американца, что никто не держит на него зла, никто не планирует от него избавиться. Следовало быть осмотрительным и держать ухо востро.

Однажды вечером, по обыкновению поделившись с ним новостями о животных и посадках, египтянин между делом сообщил, что у него лежит приглашение на свадьбу Пинуччи.

– Когда ты его получил? – спросил Лео, сидя на земле и прислонившись спиной к скале.

Карим ловко поворошил угли кочергой.

– Понятия не имею.

– Последний раз нам привозили почту из Неаполя дней десять назад, не меньше!

Египтянин пожал плечами.

– Похоже, что так...

Лео отвернулся, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не сорваться. Из долины пахло свежестью – только она и спасала от беспощадного зноя, воцарившегося в последние дни. Нельзя было поддаваться на провокации.

– А когда свадьба?

– Кажется, в конце сентября, – ответил Карим, раскладывая на решетке отбивные из ягненка. Зашипел капающий в огонь жир.

– Когда станет ясно, я смогу туда пойти? – не сдавался Лео.

Египтянин не торопясь пристроил кочергу сбоку от жаровни, взял бутылку пива и сделал большой глоток.

– Понятия не имею, это не от меня зависит.

– Но ты можешь замолвить за меня словечко.

Карим резко обернулся. От жара и алкоголя его лицо покраснелось, глаза блестели.

– Я занимаюсь лошадьми, фермой и слезу, чтобы ты выполнял свою работу, – раздраженно ответил он. – Я ни за кого не прошу, тем более за рабов. – Он сплюнул и снова принялся ворошить угли в жаровне. – А теперь подними свою задницу и подай мне миску, – приказал он, переворачивая отбивные, чтобы поджарить их с другой стороны.

* * *

В последнее воскресенье июля Лео вошел в дом и увидел носатого, который си – дел в кресле, положив ноги на камин – ный приступок. Небритый, с сигарой, он беседовал с двумя неизвестными Лео типами в деловых костюмах. Они обсуждали на – польные покрытия, мол, на первом этаже надо класть кирпич, а на остальных – керамическую плитку.

– Старина, а что вы скажете насчет паркета? Жена мне с этим паркетом всю плешь проела, а я ей гово – рю, что в ванной дерево сгниет...

В углу Лео увидел бледного как полотно Карима, тот выглядел так, словно только что спустился против ветра с ухабистого склона. Рядом с ним стояли девушка – под правым глазом расплылся большой синяк – и ее отец – вылитый козопас, того и гляди начнет отгонять мух от лица, – их видок тем более не вязался с элегантными костюмами гостей и мраморным столом.

– Эгей, америкос, и ты здесь? Заходи! Кофе будешь? А пастичотто^[29]? – Носатый указал на одного из незнакомцев. – Массимино из Лечче привез, пальчики оближешь. Иди сюда, что ты там встал столбом? Закрывай дверь и садись. – На столе веером лежали чертежи. – Мы как раз обсуждали проект реконструкции, – пояснил каморрист.

– Реконструкции?

– У босса большие планы на это место, все будет по высшему разряду. Он хочет производить хорошее вино, всю эту биодинамическую муть, по которой народ с ума сходит...

Лео сел на единственный свободный стул.

– Ну что, Американец, как дела-то? – Носатый указал на второго незнакомца, сидевшего в центре. – Помнишь Этторуччо, сына босса? Он жил с тобой в одном районе, только в отличие от тебя не болтался по улицам, как беспризорник...

Лео слегка кивнул Этторуччо, тот в ответ прикрыл глаза.

Этот парень явно не соответствовал привычному образу молодого каморриста. Изыщные, мягкие черты лица, никакого искусственного загара. В неизменном костюме в тонкую полоску он выглядел не то чтобы элегантно, нет, это было бы преувеличением, – скорее строго. И в его глазах не было знакомого огонька. Он еще никого не убивал, это Лео знал наверняка. Наверняка он получил высшее образование и даже

закончил аспирантуру где-нибудь за границей. Так уж повелось и ничего не изменится, подумал Американец: самые хитрые вырастают за закрытыми дверьми собственных домов, а потом крадут будущее у менее хитрых.

– Нет, не помню, – сказал Американец. – Извиняюсь...

Разочарованный Этторуччо отвел глаза.

– Так что, пастичотто будешь? – повторил вопрос носатый. – Они еще теплые, Массимино постарался, привез их аж из Лечче.

Носатый взял пирожное, разломил его и сунул половину в рот, тем временем Лео, воспользовавшись паузой, взглянул на Карима, девушку и ее отца. В воздухе повисло напряжение.

– Американец, в чем дело? Не пойму, что с тобой. Ты точно в порядке? Побледнел весь...

– Просто не ожидал увидеть вас здесь, да и отвык я от людей... – Он показал на стол. – К тому же ваши строительные планы застали меня врасплох.

Носатый облизал пальцы и решительным тоном заявил:

– Американец, время тут летит быстро. Надо поговорить.

– Со мной? – Лео сглотнул. – О чем?

Носатый бросил презрительный взгляд на Карима, вытащил сигару изо рта и сказал:

– Ты трахаешь женщину египтянина, и мы должны с этим разобраться. – Теперь он посмотрел на девушку и ее отца. – Согласись, паршивое это дело... – Он улыбнулся, следом улыбнулись и Массимино с Этторуччо. – Или я ошибаюсь?

Носатый встал и положил Лео руку на плечо. Тут дверь открылась, и на пороге появился глухонемой. У Лео застыла кровь в жилах.

– Поднимайся, – приказал носатый. – Проводишь меня к лошадям, посмотрим, как они себя чувствуют.

* * *

– По мне, так название должно быть связано с рекой или долиной, – сказал носатый, обернувшись с переднего сиденья. – Но этой херней занимается Массимино, он у нас архитектор, так что пусть изобретает...

Глухонемой остановил джип около свалки. Двери со щелчком разблокировались. Лео вылез из машины. Носатый открыл дверь, вцепился дрожащими пальцами в ручку, одну за другой вытащил наружу ноги и, наконец, выбрался весь целиком.

– Пойдем, Американец, – сказал он и направился к конюшне, взяв его под руку. – До чего красивые создания, какая в них мощь. Достоинства в них точно больше, чем в людях.

Лео задумался над его словами. Люди слепо принимают на веру аксиому о присущем лошадям достоинстве и при этом ничего о них не знают, не видят, как те умирают, жеребятся, испражняются, ломают ноги.

Неожиданно из долины налетел порыв ветра и взъерошил аккуратно зачесанные пряди волос на голове каморриста, явив белесую лысину в розоватых пятнах.

– Гребаный ветер, никуда тут от него не деться!

Лео согласно кивнул.

По задумке Массимино, которую Кирпич и его сын Этторуччо радостно подхватили, они построят сельскохозяйственную ферму с рестораном и шикарной гостиницей. Здесь же будут выпекать леччинские пастичотто. Согласно оригинальному рецепту, песочное тесто следует замешивать на топленом свином жире, а значит, им нужны свиньи; его можно заменить на сливочное масло, но тогда нужны коровы; и без кур тоже не обойтись – какой заварной крем без яиц. На удобренном мертвецами пустыре вот-вот должна была выстроиться целая гастрономическая цепочка из местных продуктов.

А еще апартаменты, бассейны, поля для гольфа. Места было хоть отбавляй, поскольку все вокруг, насколько хватало глаз, до самого Апице и дальше, принадлежало Кирпичу, который решил посвятить этому проекту все отпущенное ему время.

– Что скажешь, Американец? Нравится идея?

Краем глаза Лео пытался определить, куда подевался глухонемой. Его отсутствие вызывало беспокойство. Вместе с носатым они дошли уже до середины свалки. Что-то должно произойти, сказал он себе, но еще непонятно, что именно. Захоти они его пристрелить, лучше момента не придумаешь.

– Вишня... – вдруг пробормотал он.

Носатый непонимающе посмотрел на него.

– Что?

– Надо выращивать вишню, – пояснил Лео. – Для пастичотто.

На носатого словно снизошло откровение, и он радостно хлопнул Американца по плечу:

– Точно! Надо сказать Массимино, чтобы добавил в проект несколько вишневых кустиков...

– Деревьев, – поправил его Лео. – Вишня растет на деревьях.

На этот раз ответом ему был ледяной взгляд.

– Неважно. Мы ими всё тут можем засадить.

Они подошли ко входу в конюшню, и каморрист отпустил его руку.

– Дальше иди один, он тебя ждет.

Где бы ни сидел в засаде глухонемой, это явно был условный знак.

Американец замер и вгляделся в полумрак, ожидая вспышку, из которой явится пуля.

Но судьба медлила, и ему не оставалось ничего иного, как шагнуть ей навстречу.

* * *

Лео сделал глубокий вдох, ощутил затхлый запах сена и двинулся дальше по коридору, лавируя между конскими фекалиями и безумными мушиными тучами.

Выйдя из полумрака, он увидел дряхлого старика, который сидел на деревянном стуле и протягивал несколько колосков бедняге Джимми.

– Это последний из оставшихся у меня жеребцов, – посетовал Кирпич. – В голове не укладывается, сын Али... Какой был конь, все-таки зря я его продал.

Американец кивнул.

– Он уже не выкарабкается, – сказал он, поглаживая морду Джимми. – Сильно болеет.

Солнечный луч осветил морщинистую кожу Кирпича, застегнутый воротничок рубашки, из-под которого торчали волоски. На темени его седая шевелюра была густой, а на висках заметно редела. У него было вытянутое, прямоугольное лицо, обвисшие дряблые щеки делали его похожим на сварливого гуся. Он выглядел как человек, который когда-

то обладал хорошим здоровьем, веселился и улыбался, но теперь это все принадлежало прошлому.

– В мире лошадей случается, что между двумя жеребцами зарождается дружба, – сказал он. – Можешь в это поверить?

– Я никогда не встречал двух жеребцов, которые бы не бились до последнего, чтобы показать, кто из них главный.

– Зато бывает, что два выросших вместе жеребенка до того сближаются, что одному из них не приходится покидать табун.

– Табун без вожака?

– Табун, где вожак и подчиненный – закадычные друзья, которые даже делятся друг с другом самками.

Лео внимательно взгляделся в печальную морду Джимми. Конь медленно вдыхал воздух, от которого его живот раздувался, как дырявый воздушный шарик.

– Делятся? – переспросил он.

– Сейчас объясню. Рядовой самец спаривается гораздо реже, чем вожак, и случки чаще всего происходят тайком, вдали от собратьев... – Он взял трость, прислоненную к одному из стойл. – Но какая ему разница? Взгляни на ситуацию с точки зрения этого молодого жеребца. Он потерпел поражение в схватке с равным себе, но ему необязательно уходить из стада. У него влиятельные друзья, доступные самки, потомство, за которым надо присматривать. А главное, ему не приходится защищать табун как лидеру и подвергаться опасности...

Лео перестал гладить Джимми и обернулся.

– Самое время задать вопрос: что же тогда выигрывает вожак от всей этой истории?

Приоткрытый, перекошенный рот босса – признак скорого инсульта – исказился в подобии улыбки. А может, то было напоминание об уже перенесенном заболевании. Он уперся тростью в мощный булыжником пол.

– Так вот, – продолжил мафиозо, – загвоздка именно в этом. Может ли вожак не знать, что в его стаде есть предатель? Или же он знает, но изображает неведение? – Навалившись на трость, он поднялся. – Знаешь, как специалисты окрестили такое поведение? Репродуктивное паразитирование. Вот как это называется...

Лео изучающе смотрел на Кирпича, который, преодолевая себя, стоял перед ним. Тонкие губы, ясные глаза, не тронутые катарактой.

Старик с ничем не примечательной внешностью. Впервые в жизни он не внушал своим видом страх.

– Я не знал об этом.

– Ну, теперь знаешь. – Как он ни старался, чтобы голос звучал уверенно, тот все равно слегка дрожал. – Но мы не дикие лошади! Ты не можешь трахать чужую женщину, ясно тебе? – Босс боссов, или же занявший его место немощный старик, закашлялся, достал платок и сплюнул в него.

Американец воспользовался воцарившейся паузой: – Неужели вы приехали сюда из-за этого?

Куда же делся безжалостный каморрист, думал Лео, который всеми помыкал и требовал уважения и абсолютной преданности, где тот неуязвимый стратег, ловкий дипломат, алчный предприниматель, грозный оратор, использовавший слова как стрелы, а траурные венки – как символ своей безграничной власти? Где тот могущественный босс, который убивал отцов и отправлял в заточение сыновей?

Лео не готов был с этим смириться: не может человек, разрушивший твою жизнь, так просто угаснуть. Настоящее зло должно быть абсолютным и вечно молодым, иначе это не зло. Меч, выпустивший тебе кишки, всегда должен служить напоминанием, что победа была невозможна. Если же этого не происходит, то от кого ты потерпел поражение? От дряхлого и охрипшего криминального ветерана, окруженного любителями леччинских пастичотто?

– Я знаю, что ты взял телефон хромого, – вдруг сказал Кирпич. Впервые слова его прозвучали отчетливо, и Американцу не пришлось напрягать слух.

Телефон хромого. Как он мог об этом не подумать? Он недооценил старого босса. Как и в тот раз, когда ему удалось избежать удара ножом в горло, Кирпич обыграл Американца одним ловким ходом, только теперь он обошелся без помощи своих шестерок. Ему хватило изобретательности, чтобы пустить Лео по ложному следу и заставить думать, что он приехал из-за девки.

– Ничего подобного.

– Может, я и старый, но не дурак. Я полжизни провел на улице, где почти все врут. А еще полжизни – в тюрьме, где врут вообще все. Я сразу распознаю лжецов.

– Я не лжец.

– Ты такой же лжец, как и все остальные! – повысил голос Кирпич. – Ты, между прочим, до сих пор жив, и где благодарность? Я уже со счета сбился, сколько раз следовало от тебя избавиться, а я вместо этого спасал твою задницу. Я часто задаюсь вопросом, почему...

Лео еще раз глубоко вдохнул, удушающий запах гнилого сена наполнил его легкие.

– Наверное, из-за чувства вины, – предположил он. – Вы убили моего отца и решили успокоить совесть, оставив меня в живых. Но это заблуждение. Когда человек предает друга, как это сделали вы, спасения ждать неоткуда.

Кирпич и бровью не повел, только протянул еще один колосок бедолаге Джимми.

– Спасения? – переспросил он, насмешливо улыбнувшись. – Американец, где мы и где спасение?

– Не знаю, но я убежден, что вы в него верили, иначе как объяснить тот факт, что вы попытались меня убить, но в итоге оставили в живых?

– Хватит! – перебил его Кирпич. – Ты ничего не знаешь.

Но Лео не отступал:

– Согласно вашему кодексу чести, вы поступили правильно, заперев меня здесь. Вы сохранили мне жизнь и решили, что очистили совесть.

Джимми заржал и потряс головой. Кто-то вошел в конюшню.

– И я ошибся? – спросил Кирпич, приободренный чужим присутствием. Судя по шороху в полумраке, к ним приближался глухонемой.

– Да, ошиблись. Потому что у таких, как вы, нет совести, чтобы ее очистить. – Американец отступил назад, Кирпич следил за ним глазами. – Да, я взял телефон. Я хотел услышать голос жены. Думаете, спасли меня, отправив копать ямы для ваших трупов? Ни фига. Двенадцать лет без жены и сына... В тюрьме и то было бы лучше. Если собрались меня убить – давайте! – Он кивнул в сторону коридора. – По одному вашему знаку этот сукин сын вышибет мне мозги. Без проблем, смерти я не боюсь. Благодаря вам я знаю ее лучше, чем кто-то еще здесь, и понимаю, что ничего страшного в ней нет.

– Ты в курсе, что, пока махал лопатой, совсем с катушек съехал?

– Не думаю. Это вы переоцениваете смерть. Вы и все те, кто использует ее как наказание для других. Если бы люди не боялись ее так сильно, знай они, каким спокойным и безмятежным становится лицо после смерти, вы бы лишились власти над ними.

Кирпич расхохотался, но впервые в его взгляде проскользнуло что-то похожее на беспокойство. Никто еще с ним так не разговаривал.

– Очень жаль, Американец. Ты был таким бойким, когда-то ты мне даже нравился. Не наломай ты дров, я бы взял тебя к себе.

– Судя по моему нынешнему положению, это было бы ошибкой.

– Да уж. Но прежде чем отправить тебя к праотцам, я хочу кое-что выяснить.

– Почему вы думаете, что я стану что-то говорить, раз вы в любом случае отправите меня к праотцам?

Кирпич озадаченно посмотрел на него: он никогда не видел, чтобы кто-то настолько был готов сдохнуть. Обычно у людей в его присутствии душа уходила в пятки, они унижались и умоляли сохранить им жизнь, надеясь вызвать в нем сострадание и забывая, что работа мафиозо – это всего лишь ремесло, и ничего больше. Ни один уважающий себя босс не получает удовольствия от вида крови, в момент убийства он продолжает подсчитывать расходы, риски, выгоду. Если ему надо от тебя избавиться, он избавится. Если ему надо сохранить твою жизнь, он ее сохранит.

– Раз ты так ставишь вопрос, придется нам начать переговоры. – Кирпич снова закашлялся, вытащил платок и сплюнул в него. – Я никогда не верил в сказку о легочной инфекции. Ты должен рассказать мне, от чего умирают мои лошади.

* * *

– Первое правило любых переговоров – не вести переговоры.

– А второе?

– Если не попросишь, не получишь.

– А третье?

– Если не ищешь, не будешь найден.

– Что это значит?

Это значит, что жизнь сбросит тебя со счетов, если ты не вверишь ей себя.

Это значит, что лишь тот, кто любит, любим в ответ.

Это значит, что выжить можно, только поставив все на карту.

Если ты сам не ищешь, тебя никто не найдет.

Много лет назад мы, укрывшись во мраке улочки на Каподимонте, где играли в хулиганов и протыкали шины автомобилей, не могли постичь смысл этих слов, и вот, наконец, они его обрели.

И сейчас, стоя перед человеком, который разрушил его жизнь, Американец вдруг выбрал бесстрашие, осознанную готовность умереть, а также единственный возможный путь к спасению.

Вести переговоры, не ведя переговоров.

Просить, чтобы получить.

Искать, чтобы быть найденным.

Он рассказал о махинациях Карима, об отце девушки, ветеринаре, подпольных скачках, вытяжке из кожи лягушек, мертвых лошадях.

Переговоры затягивались, и Американец почувствовал, что опасность понемногу отступает. Наконец они пришли к соглашению («Ты займешь ме – сто египтянина и будешь работать на новой ферме, заниматься животными и огородом. Вот увидишь, на месте кладбища мы возведем туристическую достопримечательность»), и Лео понял, что пора поднять ставку.

– Я бы хотел увидеть жену и сына. Один раз. Всего один раз.

Кирпич обернулся в сторону коридора и махнул рукой. Американец вспомнил о затаившемся в полумраке глухонемом. Что происходит? Неужели они его все-таки убьют?

– Ты это серьезно? – спросил босс.

– Серьезно.

– Сначала ты обманываешь мое доверие, а потом просишь об одолжении?

– Я выдал вам египтянина. И отца девки.

На самом деле, подумал старик, он даже рад, что встретил на своем пути такого смельчака. Храбрецы нынче редкость, но одного он все же встретил и сумел приручить. Это был его раб, а такой раб – гордый и несдержанный на язык – шел на пользу его имиджу. – Знаешь, что ты еще более упрямый, чем твой отец? – сказал мафиозо. Он хотел сплюнуть, но не стал.

– Нет, я не успел его узнать как следует. Полуулыбка на лице босса погасла.

– Ладно, – подытожил Кирпич. – Но ты должен сделать еще кое-что. – Он отложил трость и погладил Джимми. – Выкопай последнюю яму. Нет, две.

– Две?

Кирпич кивнул:

– И поглубже.

Через какое-то время по округе разнеслось эхо от прогремевших на ферме выстрелов.

* * *

А потом как будто распахнулась дверь, за которой виднелся мир и манил издалека – *добро пожаловать, Лео, мы ждали тебя, почему ты так долго*, – потешаясь над его неспособностью раньше выбраться из клоаки.

Все оказалось до отвращения просто. Двенадцать лет он был пленником людей гораздо глупее и ничтожнее его, то есть он был пленником исключительно самого себя.

Пока глухонемой петлял по извилистой дороге, ведущей к вокзалу в Беневенто, Американец, устроившись поглубже на сиденье джипа, лишь пару раз взглянул на мелькающие за окном холмы. Он был погружен в собственные мысли, и зрение ему только мешало.

– Через два дня встречаемся здесь же, – сказал носатый. Все это время он молча сидел рядом с водителем, явно не одобряя сговорчивость босса. – Только без глупостей, понял?

Лео взял сумку и вылез из машины.

Носатый высунулся из окна.

– Американец, – позвал каморрист. – Радуйся жизни и забудь о египтянине. Все в прошлом.

Тонированное стекло поднялось, и джип тронулся с места.

Поезд на Неаполь стоял на первом пути, ожидая отправления. На перроне почти никого не было. Из бара вышел парень с походным рюкзаком, на скамейке листала журнал пожилая дама.

Американец подошел к поезду, вдохнул исходящий от рельсов жар с металлическим привкусом и закрыл глаза. На миг он вновь увидел, как окрашиваются кровью волосы девушки, бросившейся на труп отца, ужас в ее глазах от того, что она жива и осталась одна в ловушке своей новой судьбы. С того дня она тоже стала пленницей.

– Будь ты проклят! – выкрикнула она, когда он закончил рыть яму для ее отца и египтянина. – Будь ты проклят!

Он открыл глаза. Голос с едва уловимой просторечной интонацией объявил по громкой связи о скором отпавлении поезда. Парень с походным рюкзаком вытянулся на лавочке, пожилая дама убрала журнал в сумку. Через несколько секунд мужчина в форме вышел на платформу и направился к поезду. Прежде чем забраться в моторный вагон, он оглядел стоящих на перроне людей и, заметив пожилую даму, поднял руку к козырьку в знак приветствия.

– Поехали, – пробормотал машинист, скрываясь внутри. Через мгновение поезд фыркнул, в вагонах зажегся свет.

И дверь открылась.

* * *

Неаполь раскинулся на холмах, словно вывешенные на солнце простыни. Лео стоял на главной террасе парка и любовался панорамой. Прямоугольник Палаццо Фуга зиял трещиной в самом центре города, слева от него высились сталагмиты небоскребов. Чуть дальше начинался типичный древнеримский город, где здания стояли вплотную друг к другу, а в переулки не попадал солнечный свет, вдали же – совсем далеко – виднелось море. Панорама впечатляла. – Лео? Это ты?

К нему нерешительно подошла черноволосая, чуть полноватая женщина. Лео обернулся.

– Братишка, это я, – прошептала женщина.

Американец заслонил глаза рукой, пытаясь разглядеть ее против солнца. У него перехватило дыхание.

– Пинучча?

Они шагнули навстречу друг другу и обнялись.

– Покажись-ка! Какая ты стала красавица, – сказал он.

– Красавица, как же. Я теперь толстуха.

– Ничего подобного. Ты пышешь здоровьем.

– Вот видишь, ты тоже заметил. Это все Никола. Сначала он настоял, чтобы я бросила курить, потом стал увивать от организации свадьбы... Мне все пришлось делать самой... – Она улыбнулась сквозь слезы. – Ты зато выглядишь кошмарно. Кажется, что постарел лет на сто.

Лео изобразил обиду.

– Ну спасибо!

– Пожалуйста, – ответила она. – Не могу же я притворяться, будто не замечаю седину?

– Вообще, если подумать, то ты и в самом деле растолстела.

– Вот засранец!

Повисла пауза, на этот раз чуть напряженная.

– Так что? – спросил он. – Как твои дела, Пинучча?

– Как у женщины, получившей на свадьбу лучший подарок из всех возможных, – призналась она. – Братишка, мы ведь с тобой одни остались на свете. Можешь себе это представить? Только ты и я. То, что с тобой случилось, – она снова заплакала, – это... это...

Американец взял ее лицо в свои ладони.

– Шшшш... – прошептал он. – Не надо, сегодня чудесный день, а завтра, когда я поведу тебя к алтарю, будет еще лучше...

– Да, – всхлипнула она. – Но потом тебе придется вернуться обратно.

Он достал из кармана платок, который взял с собой как раз на такой случай.

– Не думай об этом сейчас. Держи.

Пинучча вытерла слезы и успокоилась. В эту секунду Лео взгляделся в глаза сестры, такие же синие, как у него, и пожалел, что использовал

ее свадьбу как повод, чтобы выбраться с фермы. Гости будут говорить только о нем, молодожены отойдут на второй план, и праздник превратится во всемирный день сплетен.

– Ты представить себе не можешь, до чего я рад тебя видеть, – сказал Американец.

– Я тоже, братишка. Я на седьмом небе от счастья. – Пинучча сложила платок и приободрилась. – Ладно, пойдем. Никола нас ждет. Я провожу тебя домой, чтобы ты привел себя в порядок.

Лео улыбнулся, вспомнив, что приехал в лохмотьях, в которых ходил на ферме. Другой одежды у него не было.

– Теперь встань рядом и повторяй за мной. – Сестра взяла его под руку. – Раз у нас не было возможности порепетировать заранее, сделаем это сейчас, чтобы завтра быть во всеоружии.

– Хорошо, пойдем.

– Ты готов?

– Готов.

И брат с сестрой, держа друг друга под руку, танцующим шагом направились к воображаемому алтарю – к выходу из парка.

* * *

Одетый в чистые рубашку и брюки Николы, Американец стоял в зале прилета аэропорта Каподикино. Он следил, чтобы его не загораживали таксисты, державшие в руках таблички с непроизносимыми фамилиями, и вспоминал свое детство, когда каждый год в конце каникул, может даже в один из похожих сентябрьских дней, они вместе с мамой и Пинуччей выходили с горой чемоданов через те же автоматические двери, на которые он теперь смотрел с таким нетерпением.

Вдруг у него перехватило дыхание. Люди вокруг и их воодушевление действовали ему на нервы. Он засомневался, действительно ли Винсент и Миа сели на этот самолет. Всего секунда, и сомнение переросло в страх, страх – в панику, которая мало-помалу захватила все его существо. Его парализовало от ужаса: вдруг в дело снова вмешалась пресловутая магия?

Автоматическая дверь зашуршала – с таким звуком пробегает испуганная крыса. Теперь она открывалась все реже и реже, перерывы стали дольше и мучительнее. Шум вокруг стихал, люди расходились.

Дверь снова открылась.

Из нее вышел мужчина лет пятидесяти, который катил за собой чемодан, но внимание Лео привлек не он, а показавшийся следом силуэт – это был Винни.

Он сразу его узнал.

Невозможно не узнать точную копию своего лица: то же нахальство, те же губы, те же глаза. Будто у Лео из прошлого появился двойник – парнишка, которого словно с другой планеты занесло в зал прилета аэропорта Каподикино.

Американец не сводил с него глаз.

Вот мой сын, подумал он. Попав, как и я, в ловушку межвременья, он блуждает по этому миру, ибо заблудшая душа остается таковой в любом возрасте. Ты постепенно становишься разумнее, порой даже кажется, что жить не так уж тяжело, но это обман, иллюзия, поскольку судьба всегда поджидает за углом. Всего лишь миг – и твоей матери уже нет, ты не узнаешь отца в толпе, некому о тебе позаботиться. Ты в мире один-одинешенек, без инструкции по его применению. Твои уши заткнуты наушниками, которые рано или поздно у тебя отберут.

Обводя взглядом зал прилета, мальчик посмотрел в его сторону.

– Винни? – позвал Лео.

Винсент понял, что седовласый незнакомец обращается к нему. Снял наушники. Что-то во взгляде ребенка говорило о том, что Миа подготовила его к этой встрече.

– Винни? Это я, папа.

– What? – переспросил его сын. У него был характерный для переходного возраста трескучий голос. Он оказался более упитанным, чем Лео в его возрасте, – типичный ребенок, выросший между домом и парком.

– Your dad, – исправился Американец.

– Daddy? – встревоженно переспросил Винсент. Похоже, он разочаровался, увидев перед собой такого старика.

– Yer, man. Your daddy, – растерянно подтвердил Лео. – And mum? – Говорить по-английски было мучительно тяжело, он уже отвык от этого языка.

Винсент улыбнулся.

– Mum is... [30] – протрещал он.

Автоматическая дверь снова зашуршала, Лео поднял глаза и увидел ее. С усталым видом она катила тележку с чемоданами и крутила головой, разыскивая сына в толпе. Время ее пощадило, только отшлифовало некогда округлые изгибы: заострился подбородок, вытянулась шея, похудели руки, резче обозначились скулы. Странение вуалью легло на ее смуглую, лучащуюся светом фигурку.

Взгляд Мии встретился с взглядом мужа.

Оба почувствовали себя так, словно перенеслись на подмостки провинциального театрала и оказались внутри прозрачной сферы, которая отсекала шумы и удерживала на почтительном расстоянии людей, обращала их в неодушевленные предметы, приглушала и низводила до базовой палитры цвета. Это было похоже на предобморочное состояние, но они оставались в сознании, похоже на головокружение от хаотичного движения теней, но темнота их не поглощала.

Миа улыбнулась ему.

Лео улыбнулся в ответ. А парнишка между ними впервые за двенадцать лет понял, каково это – чувствовать себя заблудшей душой. Потому что в один миг он перестал ей быть.

* * *

– Он открывает глаза и осматривается. Поцелуи, шепот:

– Просыпайся, давай займемся любовью. Его жена выскользывает из комнаты в коридор и прислушивается. Спит как убитый, говорит она. Возвращается, закрывает дверь и запирает ее на ключ.

– Иди сюда, – повторяет он, – иди ко мне.

Она подходит ближе, под распахнутым халатом голый живот. Он притягивает ее к себе, сжимает бедра, целует низ живота. Халат падает на пол.

– Ты сможешь меня простить?

Ее глаза непроницаемы, они стали такими от безвыходности.

– Время еще есть, у нас вся жизнь впереди.

Молчание. Только пульсируют их тела. Наконец, он решается.

– Ты уверена, – спрашивает он, – ты точно этого хочешь?

– Или они, или мы, – отвечает она. – Или ты один возвращаешься назад, или мы идем дальше вместе.

Он указывает в сторону двери.

– А если он нас возненавидит?

– Он поймет.

– А если не поймет? Пуэрто-Рико – бедная страна, там у него не будет таких возможностей, как в Америке.

– Он поймет. Не бывает любви без прощения.

Они переглядываются.

– Ты нарисовал карту? – спрашивает она.

Он кивает.

– Хорошо. – Она скрывается под одеялом. – А теперь займемся любовью.

А дальше только поцелуи и вздохи, дрожь и ласки, слова и сигареты.
И слезы.

Когда на рассвете их сморит сон, от раны, которую нанесла разлука длиной в двенадцать лет, останется только шрам.

Он никогда не исчезнет, но боль утихнет.

Последний друг

2014—...

Эта книга задается вопросом, почему заблудшие люди порой становятся куда более достойными личностями, чем те, кто никогда не сбивался с пути.

Нельсон Олгрэн

После двадцати одного года молчания Американец вновь проявился в моей жизни — на желтом стикере, прилепленном на дверцу холодильника.

Тебя искал какой-то Лео, сказал, твой старый друг. Он оставил свой номер. Увидимся вечером, целую.

Эмма

P. S. Кто такой Лео?

Конечно, проще всего ответить его собственными словами про старого друга, но это избитое словосочетание не может передать, как много значил для меня Лео, а может, и я для него.

Обмен стикерами — одно из наших с Эммой любимых занятий. Хотя мы встречаемся уже год, наши отношения еще на той начальной стадии, когда не приходится заполнять пустоту от ушедшей страсти, пересказывая друг другу в мельчайших подробностях свой день: где был, куда пойдешь, с кем обедал, что ел. Несколько недель назад Эмма перебралась ко мне. Я продолжаю прививать себе полезные привычки, например регулярно бегать. Когда я вернулся в Неаполь, моей первой мыслью было снять офис с видом на море.

Каждый новый день, который отделяет меня от прошлого, действует как чудодейственный коктейль из обезболивающего с успокоительным. Крах моего брака с Ребеккой постепенно становится всего лишь воспоминанием, равно как и тот ад, из которого я сумел выбраться благодаря проверенному средству – возвращению домой. Ради этого мне пришлось уступить близнецов матери и пополнить ряды отцов, которые проводят с детьми каждый второй уикенд. Я основал небольшую консалтинговую компанию, специализирующуюся на вопросах экологии, и по будням загружаю себя работой. Иногда по вечерам я навещаю маму, и после ужина она составляет мой гороскоп. Об отце мы никогда не говорим, да и что бы мы могли сказать?

Меня спасают выходные, которые я провожу в Милане с близнецами. Мы часто бываем на свежем воздухе, потому что улица кажется мне единственным подходящим местом для взросления. Мне с ними хорошо, они в том возрасте, когда все вызывает у них любопытство. Старший (тот, что на минуту раньше вышел из чрева Ребекки) обожает паркур, младший рисует. Мы ходим по музеям, гуляем в парках, бродим без всякой цели. Пользуясь своим сходством, они меняются ролями, мнениями и поводами для жалоб.

– Папа, у меня ноги болят, – хнычет один.

– А у меня нет, – говорит второй.

– Пожалуйста, давай отдохнем.

– Идем дальше!

Прохожие нам улыбаются. Хотя у них темная кожа, они на меня похожи. Мы забавно смотримся вместе. Мы шагаем до тех пор, пока у того, кто хотел идти дальше, не начинают болеть ноги, зато тот, кто хотел отдохнуть, рвется вперед.

– Я так и знал, ты всегда на его стороне.

– Ты всегда на *его* стороне!

– Я хочу домой.

– А я не хочу!

Я решил не начинать войну из-за опеки. Я мог бы одержать верх – и, по мнению моего адвоката, победа была гарантирована, – но какой ценой? На суде мне бы пришлось обнаружить мрачные страницы истории моей семьи, незажившие раны снова закровоточили бы, боль с новой силой захлестнула бы меня. Разве мы все недостаточно страдали?

Нет рецепта, как стать хорошим отцом. Одно знаю точно: я хочу пройти по жизни моих детей на цыпочках. Я не буду ни во что вмешиваться или навязываться с планами, которые не продиктованы их собственными отношениями с миром. Мы не на войне, где главное – победить, мы должны залечивать раны. Я хочу их научить только этому. Было бы здорово, научи меня этому мой отец.

После Американца я так ни с кем и не подружился. Возможностей было предостаточно, взять хотя бы коллег, но ни с кем отношения не заходили дальше искреннего, но поверхностного участия. Время быстро сузило перед нами свою перспективу.

Высокая квалификация поддерживала в нас дух соперничества, бешеный рабочий ритм вынуждал грамотно планировать отдых, карьерные шаги – переезжать из города в город, из страны в страну. Потом наши женщины вдруг решали, что хотят детей и собственный дом, хотят стабильности. Мы тоже этого хотели. Или же не хотели, равно как и они этого не хотели, но притворялись, будто хотят, и в итоге мы дружно настаивали, что хотим чего-то, однако это было не так, и мы втягивали друг друга в коллективный психоз под названием «семья».

Да никто и не выдержал бы сравнения с Лео. Больше ни с кем я не совершал таких захватывающих открытий, ни с кем не строил таких грандиозных планов, у нас с новыми знакомыми даже не было времени, чтобы позволить себе окунуться в поток из слов, музыки и сигарет. Нас устраивали разговоры ни о чем и однообразные встречи, а за удовлетворение от жизни, по нашему мнению, отвечали отношения в паре, основанные на верности и прочей чепухе, да регулярные звонки финансового консультанта, который подтверждал, что нам не грозит превышение налоговой ставки и мы можем со спокойной душой выставить счет.

Когда Ребекка впала в кому, стало совершенно ясно, что рассчитывать мне не на кого. Будь Лео рядом, к нему первому я кинулся бы за поддержкой. Но его не было, а пересилить себя и рассказать кому-то чужому, что моя жена чуть не умерла от удушья, занимаясь сексом с коллегой и еще одной женщиной, было выше моих

сил. В тот период, разрываясь между больницами, медсестрами и манной кашей, я вдруг подумал об Американце: интересно, где он сейчас и чем занимается?

На самом деле я частенько задавался этим вопросом. Когда я, бывало, погружался в воспоминания, перед моим мысленным взором мелькали кадры из нашего с Лео прошлого.

Давным-давно, еще до нашей свадьбы, мы приехали на Рождество в Неаполь, и Ребекка попросила отвести ее в парк Каподимонте. Мы гуляли по дорожкам, она размышляла вслух, пытаюсь найти объяснение тому, что местная музейная коллекция почти неизвестна за рубежом, и тут мы вышли к полю, где ребенком я не раз гонял мяч во время наших легендарных матчей.

С тех пор ничего особо не изменилось, только собак стало больше. Поля так и остались излюбленным местом для захватнических войн малолетних разбойников, которые без конца оспаривали вбрасывание из-за боковой или незасчитанный гол, – кто, интересно, должен его засчитывать, если ты одновременно и игрок, и арбитр? – а их рюкзаки и куртки обозначали створы воображаемых ворот. Крики, ругань, драки. Все как раньше.

Помню, Ребекка посетовала:

– Кошмар, они же вытопчут всю траву, и люди не смогут наслаждаться красотой парка.

Я тут же с ней согласился и не пожалел уничижительных комментариев в адрес мальчишек, их родителей и неспособности неаполитанцев измениться и сделать так, чтобы это прекрасное место приносило прибыль.

Я так и сказал – «прибыль». Ребекка кивнула. Не зря я получил свой диплом.

Мы были парой молодых европейцев с превосходным образованием и высококвалифицированной работой, перед нами открывалась куда более заманчивая перспектива, чем перед большинством жизнерадостных, агрессивных и откормленных футболистов, которые гоняли мяч по этому полю. Я знал по личному опыту, как мало у них мест для игр, в каких узких, темных, густонаселенных переулках они родились, в каких отсыревших зданиях учатся, в какой тесноте живут, какую несвежую еду их родители ставят на стол. В нашем мире тюрем эти истоптанные поля были воплощением свободы. Именно на этих

полях, где зеленый цвет местами истерся дожелта, и проходили те счастливые летние месяцы, когда все страхи отступали.

Думаю, именно в тот миг, а не когда переспал с Катериной, я и предал Лео по-настоящему.

Лео – мой последний друг. Вот что я должен был написать в ответном послании Эмме, прежде чем снять мокрую от пота одежду, встать под душ, одеться, как всякий современный консультант, в стиле кэжуал и побежать на запланированные встречи. Вместо этого я нарушил первое и единственное правило наших стикерных диалогов: всегда оставлять ответ. Я знал наверняка, что по возвращении, собирая сумку для занятия йогой, она взглянет на холодильник и расстроится.

Прости, тороплюсь, потом все объясню. До вечера.

P. S. Что купить на ужин?

Но тем вечером Эмма ни о чем меня не спросила. Может, забыла, а может, решила, что я сам должен начать разговор. А если не начал, у меня есть на то причины. К счастью, мы оба достаточно взрослые, чтобы не докучать бессмысленными расспросами.

Это первое правило, которое мы выучили на курсах групповой психотерапии, где и познакомились: *не тратьте время на поиск иллюзорных ответов, поторопитесь задать себе правильные вопросы.* Эмма пришла сюда после смерти лучшей подруги, я же пытался разобраться с необъяснимым исчезновением отца. Нас объединяла тяга к познанию. Нас обоих не убеждали ни религиозные, ни научные доводы. С третьего занятия мы сбежали и отправились в паб.

– Так значит, ты хочешь узнать, где сейчас твой отец? – спросила она.

– Да, но меня не волнует, в раю он или в аду. Я в это не верю. Я просто хочу знать, где он в данную секунду находится.

Эмма озадаченно посмотрела на меня.

– Может, стоит сходить на кладбище, – пошутила она.

– В том-то и дело, что там его нет. Как и где-либо еще.

Я рассказал ей все, что знал: об убийстве и обнаружении трупа Вольфанго Патане, в кармане брюк которого лежал отцовский чек, о

версиях карабинеров, исчезновении отца, расследовании, прекращенном «за отсутствием тела».

Мы выпили еще по паре кружек пива, и она пригласила меня к себе. Проснувшись утром, я долго смотрел на нее спящую. Пыльный майский ветер дул из окна, завивая кончики ее рыжих волос. Изящная длинная шея, чуть напоминающая изгибом лошадиную, лицо квадратной формы, правильные и четко вылепленные черты, белая кожа. Я впервые занимался любовью с тех пор, как выбрался из ада.

Мы поужинали суши, которые я купил в китайской лавочке внизу, потом посмотрели по телевизору сериал и около часа ночи легли спать. Утром я проснулся и, как обычно, отправился на пробежку. Эмме надо было на вокзал – она ехала к родителям в Апулию на давно запланированный семейный сбор. *Пока, любимый, увидимся послезавтра. Пока, любимая, позвони, как доберешься, хороших выходных.*

Потом я захотел есть, но в холодильнике было пусто, и я оказался на кухне в компании желтого стикера «P. S. Кто такой Лео?». Я понятия не имел, что на это ответить. Прошло больше двадцати лет, и что-то мне подсказывало, что мой последний друг неслучайно вернулся в мою жизнь.

* * *

– Это из-за Человека-паука я пристрастился к куреву, – пожаловался Американец, открывая дверь. – По вечерам он приходил пожелать мне спокойной ночи, попыхивая «Лаки Страйк», и потом от моей пижамы несло табаком.

Я обернулся и посмотрел в его синие, как у модели из рекламы «Посталмаркета», глаза.

– Я помню. В твоей комнате пахло как в покерном клубе.

Мы уединились в кабинете менеджера по организации банкетов. Когда после выноса свадебного торта-аквариума мы спросили, где бы нам поговорить в тишине, Мануэль, молодой мужчина чуть за

тридцать, удивленно поднял брови формы чайчьего крыла и неуверенно ответил:

– В моем кабинете.

Я погрузился в одно из низких кресел, Лео зашторил застекленную дверь, за которой шел банкет. Гости наслаждались последними солнечными лучами и фланировали по саду с бокалами, попивая вино «Фалангина». Какое-то время мы за ними наблюдали, словно из машины с тонированными стеклами.

– Старик, ну так что? – Американец вернулся к прерванному разговору, тоже провалившись в мягкое кресло. Из внутреннего кармана смокинга он достал пачку сигарет и предложил мне.

– Нет, спасибо. Я бросил.

Это было не так, но мне хотелось создать впечатление, что я изменился.

– Правильно сделал. – В его голосе прозвучала нотка разочарования. У него было усталое, осунувшееся лицо, седина в волосах, густой загар. Вся его фигура излучала еле сдерживаемую энергию, своего рода дикое изящество, такое впечатление производит адвокат на скутере.

Меня больше пугало то, что нам не о чем будет говорить, нежели причина, по которой он пригласил меня на свадьбу его сестры. Интересно, помнит ли он, как неоднократно заявлял, что рано или поздно я женюсь на Пинучче. Я встал и подошел к окну.

Меня раздражали эти подвыпившие элегантные люди. На всех свадьбах, даже устроенных по высшему разряду, всегда есть какой-то налет отчаяния. Праздник подходил к концу. Завершая свадебный банкет, Пинучча и Никола вручали гостям бонбоньерки и серебряные пресс-папье в форме таксы, и жених раздавал их так же торопливо, как бульдозеры сносят нелегальные постройки. Я поразился, до чего Пинучча стала похожа на мать.

В стороне от толпы за столиком сидели женщина с янтарного цвета кожей и ребенок, который за весь вечер ни разу не встал со своего стула. В мальчике соединились черты родителей: цвет кожи матери и синие глаза отца. Женщина была настоящей красавицей, но очень печальной.

Лео познакомил нас несколько часов назад.

– Это Миа. А это Винни.

Миа тихо отвечала мне на неплохом итальянском и при первой возможности вернулась к сыну. Наконец распорядитель банкета сообщил, что пора занимать свои места. Я подошел к плану рассадки гостей и с легким разочарованием обнаружил, что сижу в компании четырех совершенно незнакомых мне людей за столом «Томми Оллсап».

– Винсент кажется смышленным парнишкой, – сказал я. – У него чудесные глаза. Сколько ему лет?

– Двенадцать, – ответил Лео. Он взглядом поискал пепельницу. – Когда он только родился, я без конца его целовал, чем доводил до слез. Я не мог удержаться, это желание было сильнее меня. Однажды я менял ему подгузник и укусил вместо того, чтобы поцеловать, да так сильно, что на секунду замер от ужаса, решив, что покалечил его...

Он расхохотался и стряхнул пепел в свой бокал.

Один из гостей в манишке кремового цвета, нарочито широко улыбаясь, схватил серебряную таксу и с облегчением направился к выходу. Помню, я подумал в ту секунду, сколько всего нам действительно надо обсудить. Нельзя в 1993 году расстаться с лучшим другом, готовым броситься на тебя с кулаками, и вновь встретиться с ним двадцать один год спустя в ресторане на Амальфитанском побережье, чтобы послушать, как тот любил кусать своего сына за задницу.

Я повернулся.

– Итак, – перешел я в наступление, – почему мы здесь?

Американец с благодарностью взглянул на меня, хотя по его замыслу все должно было пойти иначе.

– Хорошо, старик. Располагайся поудобнее.

Я снова посмотрел в зал. Молодожены продолжали раздавать бонбоньерки, Миа и Винсент все так же сидели на своих местах. Официанты убирали со столов, кружа над ними, словно грифы над добычей.

– Эта история имеет к тебе непосредственное отношение, – начал он.

* * *

Расскажи ему все, выживи и расскажи.

Я пытался прийти в себя.

Лео развел руками:

– Вот так. Теперь ты все знаешь. Или почти все.

На улице стемнело. Казалось, что мир исчез. Растворились сад, бассейн, ресторан. Клоуны-гости уже лежали в своих кроватях. Нет больше молодоженов, нет официантов. Однажды ночью ты узнаешь, что твой отец был самым большим лжецом на свете, которого убили дружки-мафиози, но ничто так не шокирует, как осознание, что для остальных все и дальше будет идти своим чередом.

– Что мне делать со всем этим? – Мой голос прозвучал чересчур враждебно.

Американец затушил очередную сигарету в бокале – облачко серого дыма поднялось к потолку – и посмотрел на меня.

– Я знаю, что переварить это тяжело, но тебе самому предстоит придумать финал. Я уезжаю.

– Куда?

– В Пуэрто-Рико. Родители Мии помогут нам начать все сначала. Все уже решено, завтра на рассвете мы вылетаем в Филадельфию, оттуда в Сан-Хуан...

– Пуэрто-Рико... – перебил я его осипшим голосом. – Ты уже знаешь, на что вы будете там жить?

Он пожал плечами.

– Дядя и тетя Мии управляют гостиницей, я устраюсь к ним. Говорят, что там фантастическое море...

– А если *они* будут тебя искать?

– Они никогда меня не найдут.

– Как ты можешь быть в этом уверен? Ты их знаешь. Пока ты жив, ты опасен, вот как они рассуждают. Они могут переключиться на твою сестру, ты об этом подумал?

Лео почесал бровь, словно это могло помочь ему прояснить мысли.

– Наша проблема в том, что мы их переоцениваем, – ответил он. – Даже не будучи сообщниками, мы попадаем под их чары. Мы стремимся убедить окружающих, что живем в равновесии между добром и злом, но в результате зло обрастает легендами, и ответственность за это лежит в первую очередь на нас... – Он покрутил в пальцах пачку «Лаки Страйк». – В моем пребывании здесь

нет никакого смысла. Как сохранить деньги и избежать тюрьмы – вот что их теперь волнует. Как раб я уже не нужен, может, исчезнув, я даже сделаю им одолжение... – заключил он, горько усмехнувшись.

Молчание тенью повисло между нами. У меня скрутило живот. Воздух сгустился и стал удушливым.

– Да пошел ты! – взорвался я. – Зачем ты мне об этом сказал? Зачем ты сказал, куда уезжаешь?

Мне стало страшно. Я поверить не мог, что он настолько безответственный, чтобы втянуть меня в подобную историю. Зачем я только ему перезвонил? Надо было порвать тот стикер и заняться сортировкой мусора.

– Сегодня меня все здесь видели! – зашипел я. – Тут было полно гостей из нашего района, кто-нибудь точно заметил, что мы с тобой вместе ушли! – В моем голосе послышались истерические нотки. – Будь я на месте кого-то из *них*, сразу догадался бы, как выйти на твой след...

– Не кипятись, никаких причин для беспокойства нет.

– Почему ты так уверен?

Ни с того ни с сего он расхохотался. Его смех эхом отразился от стен. Мне вдруг показалась, что эта комнатка отрезана от всего мира. Мы снова, как в детстве, затерялись в параллельной вселенной, куда больше никому нет входа, но теперь от моего бывшего доверия не осталось и следа.

– Что тебя так веселит? – Я все сильнее нервничал. – Куда ушли твои жена и сын?

Лео посмотрел на улицу через застекленную дверь.

– Домой. Я присоединюсь к ним, когда мы с тобой закончим. Может, хватит вопросов? Старик, да ты сейчас обделаешься со страху... – Он выбрался из кресла, подошел к столу распорядителя банкета, выдвинул ящик, что-то оттуда достал и снова сел. – Держи. – Он протянул мне конверт. – Ты позаботишься о том, чтобы *они* всем нам не навредили.

На потолке моргала неоновая лампа, излучающая печальный свет. Мой взгляд задержался на бахроме облупившейся краски на белой стене. Не знаю, что меня больше беспокоило: то, что он в мельчайших деталях продумал этот день, или что с завтрашнего дня меня будут пасти головорезы, или удивительные возможности, которые таит в

себе конверт. Я нерешительно взял его – он казался слишком легким даже для одной удивительной возможности.

– Что там?

Американец посмотрел на меня, его глаза светились, как фары ночью.

– Карта.

– Карта?

– На ней трупы, которые я закопал за эти двенадцать лет, каждому я придумал имя.

Я повертел конверт в руках, словно он обжигал мне пальцы.

– Я не знаю, кем они были или как их звали, исключение – твой отец... Я захоронил его подальше от остальных. Вряд ли тело сразу получится опознать, когда его откопают, но личность можно будет установить по ДНК.

Мы замолчали. Образ разлагающегося трупа отца захватил мое воображение.

Я уже давно потерял надежду найти его живым. Но теперь, после всех этих новостей, я не был уверен, что хочу найти его мертвым.

Спустя столько лет Лео захотел со мной увидеться, чтобы вручить карту своего кладбища и переложить на меня ответственность за нее. Зачем нужно было разыгрывать встречу на свадьбе Пинуччи и Николы? Сегодня утром, пока я задавался праздными вопросами на его счет – кем он стал? что он делал все эти годы? – Американец, еще не успев с размаху хлопнуть меня по плечу, уже знал, что встретится с выжившим после землетрясения, которому нечего терять. Показавшись в моей компании, он лишь хотел нагнать на меня страху. Он надеялся, что я отомщу за украденную у него жизнь, и теперь мне оставалось только напасть на его врагов прежде, чем нападут они.

– Что мне с ней сделать? – спросил я.

– Тебе решать. Там под землей твой отец. Повторяю: я навсегда уезжаю отсюда.

Я должен был с самого начала догадаться, почему меня посадили за стол «Томми Оллсап». И мне следовало сразу понять, что, хотя мы оба не получили ту жизнь, о которой мечтали в детстве, он где-то в глубине души чувствовал себя более обделенным из нас двоих. Магия сама сделала за нас выбор, отправив меня учиться в лицей, а его – заниматься разбоем, как в день, когда умерла музыка, она решила,

какой стороной упасть четвертаку, который Ричи и Томми подбросили в воздух, чтобы определить, кому из них сесть в тот злополучный самолет.

– Ты же помнишь, да? – вдруг спросил Американец.

– О чем?

– Это ты мне сказал, что мой отец заложил бомбу в поезд, где ехал Даниелино Карапуз.

Да, это был я, однако ни в одном судебном постановлении не говорилось об участии Человека-паука в той трагедии. Я лишь передал ему слова моего отца-лгуна. Наконец-то мы поквитались. Поквитались и проиграли, потерявшие всё сироты. Круг замкнулся.

– Я думал, ты меня за это ненавидишь.

– Я сам тебя спровоцировал, – сказал он. – Ты думал, что знаешь правду, и выдал ее мне.

– Чтобы задеть тебя. И, судя по всему, это была ложь...

Американец вздохнул.

– Сложно не поверить собственному отцу.

Он был прав. Мы изо дня в день держим ухо востро, чтобы нас не обвели вокруг пальца, оцениваем всех и вся: любовь партнера, уважение коллег, доверие босса, банковский счет, длину волос и члена, – и при этом мы почему-то верим на слово довольно-таки посредственным людям, которые могут похвастаться только тем, что они нас породили, стали нашими персональными богами.

– Почему ты так поступил?

– Как я поступил?

– Почему ты похоронил его отдельно от других?

– Я надеялся, что однажды ты его найдешь. Или что его найдет полиция. Пока *они* не знают, где тело, им не удастся от него избавиться. На этом они и проколются. А еще я его должник. Слова Эдуардо меня спасли.

– И ты рискнул своей жизнью, чтобы рассказать мне его историю?

– Не только его. Мой сын имеет право знать, кто его отец. Я могу предложить ему только правду, чтобы он сам решил, кем ему быть. – Лео спрятал пачку сигарет за лацкан смокинга. – Уже поздно, нам пора идти.

– Хорошо, – согласился я, убирая конверт с картой во внутренний карман пиджака.

Мы оба встали и впервые за весь день оказались в ситуации, не спланированной заранее. Это было очевидно. Он продумал все, кроме прощания. Из-за непонимания, кем мы приходимся друг другу, было неясно, как прощаться. Пожать руки, обняться, кивнуть? Дело не в том, что мы не хотели или не могли простить друг друга, нам просто больше нечего было сказать.

Кончилось тем, что Лео проводил меня к выходу и пожал руку:

– Пока, старик. Удачи.

– Пока, Американец. Хорошего тебе путешествия.

Я сел в машину, повернул ключ в замке зажигания и сдал назад. Я уже не злился на то, что он впутал меня в эту историю.

Лео стоял на пороге, фары освещали его лицо. Мне вдруг показалось, что сквозь время, боль и кровь проступила та обаятельная ухмылка, которой он встретил нас ночью в Неаполе, когда мы приехали из Бари. Я вспомнил красную футбольную форму, стук мяча о стеклянную дверь, щелчок раскрывшегося ножа, его топот, эхом прокатившийся по лестнице.

Я включил первую скорость и выехал с парковки на дорогу, усаженную лимонными деревьями. Пока колеса безжалостно расплющивали щебенку, я посмотрел в зеркало заднего вида: Американец поднял руку, прощаясь со мной.

* * *

– Американец – Овен, – сказала Нана, – и как во всех Овнах, суеверия в нем борются с истиной. Отсюда и все беды. Он вырвется из этого порочного круга, только когда одна из двух сил возьмет верх.

– Какая именно? – спросил я.

– Неважно. Суеверность примиряет тебя с поражениями и учит принимать действительность такой, какая она есть, а истина пробуждает мятежный дух и внушает, что перемены возможны. Иного выхода нет.

Нана бросила карты Таро на табуретку и встала с кресла, раскачивающегося как часовой маятник. Она вышла с веранды в кухню и вернулась с салатником.

– Американец выбрал истину, – услышал я ее довольный шепот. – Он всегда был сообразительным малым...

Я наблюдал за тем, как она идет к столу из красного дерева, накрытому к ужину, и ставит на него салатник.

– Прости, больше ничего нет, – извинилась она. – Я сегодня от боли сама не своя.

Я сел за стол и взглянул на кусочки помидоров и ломтики моцареллы, которые плавали в луже из молока, томатного сока и оливкового масла.

– Этого более чем достаточно, спасибо.

Мать бросила на меня хмурый взгляд, на лбу проступили морщины, словно любое проявление благодарности вызывало у нее подозрение, и вернулась в кресло на веранде. Воцарилась тишина. Ее нарушали лишь стук столовых приборов, звук, с которым мои челюсти пережевывали пищу, и позвякивание, исходившее от мамы, даже когда она сидела в кресле. На миг я засмотрелся на солнце, похожее на покрытый ржавчиной жетон, оно опускалось за бухту Трентареми. Волны бились о скалы, ветер усиливался и задувал в окна. – Значит, его нашли?

– Да, его учуял полицейский лабрадор.

– Где он лежал?

– Рядом с рекой, как и было указано на карте. Их всех арестовали.

Мы продолжали говорить о нем словно о пропавшем без вести, поскольку у нас уже давно выработался свой язык в условиях полной неопределенности, еще с тех пор, как карабинеры сообщили, что нашли подписанный отцом чек в кармане брюк убитого Вольфанго Патане. Мы оставались в том вербальном измерении, где жизнь и смерть были лишь атрибутами единственного непреложного факта – отсутствия Эдуардо. Неведение сводило нас с ума, но со временем мы с ним свыклись и продолжали воспринимать случившееся как обычное исчезновение, ведь как-то надо было жить дальше. Поэтому наша манера общения отражала преходящий характер ситуации.

– Как-то раз, когда мы еще были молодыми, – пустилась в воспоминания Нана, – твой отец заехал за мной утром – так у нас было заведено. Я увидела, что лобовое стекло его «фиата-850» выбито. То еще ощущение: едешь, а ветер хлещет тебя по лицу. Я попыталась узнать, в чем дело, но он попросил: «Пожалуйста, помолчи». Я никогда его таким не видела. Он был в бешенстве. Я знала, что

Эдуардо влез в долги ради этой машины, тогда он еще не работал в банке и у него не было ни гроша за душой... Он высадил меня у школы и уехал. – Рассказывая, она не отводила взгляда от открывающейся с веранды панорамы. – Днем я сидела у себя в комнате и не могла прочесть ни строчки. Я понятия не имела, где он. Мне было страшно. Но тем вечером он, по обыкновению, ждал меня у выхода из спортзала. Лобовое стекло было на своем месте, Эдуардо светился от счастья, только на лице алели несколько царапин, и, судя по тому, как он крутил руль, он повредил руку. «Что ты натворил?» – спросила я. «Ничего, – ответил он, – я все уладил». – «Да, но как?» – не отступала я. Наконец он сказал: «Нана, не волнуйся, главное, что у нас все хорошо». В глубине души я была уверена, что он подрался. Вероятно, с похитителями стекла. Или со страховыми агентами. Потом мы подъехали к моему дому, поцеловались, и на следующий день все было как обычно. Царапины скоро сошли, рука зажила, и я больше не спрашивала, как он все уладил. Вот и с новой работой после выхода на пенсию, – добавила она, – было то же самое. Он говорил, что новое занятие идет ему на пользу, нельзя сидеть без дела целыми днями. – Она кивнула на залив, словно во всем обвиняя именно его. – А потом мы неожиданно разбогатели, да еще как...

– Почему ты никогда не спрашивала, откуда у него такие деньги?

Она пожала плечами.

– Наверно, понимала, что ответ мне не понравится. В каком-то смысле мне было выгодно молчать, но я и подумать не могла, что однажды он решит кого-то убить...

Позвякивание не умолкало: не переставая покачиваться, она задевала стоящие рядом предметы, и они покачивались вместе с ней. Когда болезнь Паркинсона стала прогрессировать, мир превратился в оркестр, которым она дирижировала.

– Как я могла догадаться? Я никогда ничего не знала о жизни. Сначала рядом были родители, потом твой отец. Они лучше меня знали все, что нужно...

– А как же гороскопы? Только ты в них разбираешься.

Она задумалась. Вероятно, никто раньше не говорил ей об этом. Солнце клонилось к закату, темнело, комната постепенно окрашивалась в голубые тона.

– Это не так, – пробормотала она себе под нос. – Я никогда ничего не знала.

– А сейчас? Ты готова пойти на его похороны? Пришло время предать его земле, как должно...

Вдруг позвякивание смолкло, мама замерла, только дрогнуло что-то в ее глазах, и она разрыдалась. Я пожалел о своих словах и о том, что впервые переступил черту неопределенности, заговорив о нем как о покойнике.

– Не думаю, что смогу пойти, – сказала мама. – Я старая и больная. – Она повернулась и посмотрела на меня. Закатный свет, только что угасший вдали, отпечатался в ее глазах. – Делай то, что считаешь нужным. Он был твоим отцом. Никто никогда не забудет, что он сделал, но в отличие от меня у тебя еще вся жизнь впереди. Тебе успокоение нужно больше, чем мне.

* * *

Он сидит на пляже, скрестив ноги, и ждет рассвет. Ждет, пока проснутся его жена и сын, ждет начала новой жизни.

Он смотрит на океан, жадно вдыхает запах соли, пропитавший скалы. Переводит взгляд на порт, видит закрытые ставни баров, покачивающиеся на волнах лодки, напуганного прибоем пса.

На плечо ложится рука, маленькая и горячая. Мужчина оборачивается.

– Привет, – говорит он мальчику.

Мальчик смотрит на него сонными глазами, ему интересно, что отец здесь делает.

– Тебе не спится?

Мальчик отрицательно мотает головой.

– Ты меня понимаешь?

– Немного. Мама иногда говорит по-итальянски.

Мужчина улыбается и ерошит его волосы.

– Смотри, – шепчет он, указывая пальцем на небо, – прямо сейчас встает солнце. Ты когда-нибудь видел рассвет?

– Нет.

– Тогда садись, посмотрим вместе.

Мальчик секунду колеблется, потом устраивается под отцовской рукой.

*Ради этого, хочет сказать ему мужчина, ради этого я выжил.
Чтобы рассказать тебе, что у всего есть свой свет.*

МАССИМИЛИАНО
ВИРДЖИЛИО

Перед нами проза зрелого писателя,
открывающая ему путь на авансцену современной
итальянской литературы.

CORRIERE DELLA SERA

АМЕРИКАНЕЦ
CORPVS

Примечания

1

На неопределенный срок (*лат.*). (*Здесь и далее – прим. перев.*)

[Вернуться](#)

2

Бластовая трубка – курительная трубка, подвергнутая пескоструйной обработке.

[Вернуться](#)

3

Ин. 3:1–8.

[Вернуться](#)

4

Кремينا (от итал. *cremina*) – кремообразная масса из сахара и небольшого количества свежесваренного кофе.

[Вернуться](#)

5

Трамедзини (от итал. *tramezzini*) – итальянские бутерброды.

[Вернуться](#)

6

«Посталмаркет» – итальянская компания, существовавшая с 1959 по 2007 г. лидер по продажам товаров по почте.

[Вернуться](#)

7

Я не матрос, я капитан (*исп.*).

[Вернуться](#)

8

Пастьера (от итал. *pastiera*) – неаполитанский пасхальный пирог.

[Вернуться](#)

9

«Голубые фишки» (от англ. *Blue chips*) – акции (или ценные бумаги) наиболее крупных, высокодоходных и ликвидных компаний.

[Вернуться](#)

10

Бенедетто (Беттино) Кракси (1934–2000) – итальянский политик, председатель Совета министров Италии (1983–1987); Джулио Андреотти (1919–2013) – итальянский политик, христианский демократ, председатель Совета министров Италии (1972–1973, 1976–1979, 1989–1992).

[Вернуться](#)

11

В 1985 г. четыре боевика Палестинского фронта освобождения захватили итальянский круизный лайнер «Акилле Лауро». Организатором террористической акции был Абу Аббас (наст. имя

Мухаммад Зайдан Аббас). Самолет с террористами совершил вынужденную посадку на военной базе Сигонелла (Сицилия).

[Вернуться](#)

12

«*Мои темницы*» – автобиографическая книга Сильвио Пеллико (1832).

[Вернуться](#)

13

Слова, приписываемые Блаженному Августину.

[Вернуться](#)

14

У ручья Вундед-Ни произошло последнее крупное вооруженное столкновение между индейцами лакота и армией США и одна из последних битв Индейских войн (29 декабря 1890 г.).

[Вернуться](#)

15

Доротейцы – представители влиятельных консервативных кругов Христианско-демократической партии.

[Вернуться](#)

16

«*Взяткоград*» – название крупного коррупционного скандала, разразившегося в Италии в феврале 1992 г.

[Вернуться](#)

17

Бузукия (от греч. μπουζούκια) – так в Греции называется ночной клуб с традиционными танцами, музыкой и едой.

[Вернуться](#)

18

Мудак! (греч.)

[Вернуться](#)

19

«*Hanno ucciso l'Uomo Ragno*» – песня итальянской группы «883», одноименный альбом вышел в 1992 г.

[Вернуться](#)

20

Нет (греч.).

[Вернуться](#)

21

От греч. Σ' αγαπώ – я люблю тебя.

[Вернуться](#)

22

Джованни Спадолини (1925–1994) – итальянский журналист, историк, политик и государственный деятель, премьер-министр (1981–1982).

[Вернуться](#)

23

Прозвище Сильвио Берлускони, в 1977 г. получившего звание Кавалера труда.

[Вернуться](#)

24

Дотком (от англ. *dotcom*) – термин, применяющийся по отношению к интернет-компаниям 1990-х (преимущественно американским), чьи акции с середины 90-х гг. неуклонно росли в цене, в результате чего образовался экономический пузырь (пузырь доткомов), лопнувший 10 марта 2000 г.

[Вернуться](#)

25

Купюра в 100 000 лир, выпускалась с 1994 по 1998 г.

[Вернуться](#)

26

Малыш (*итал.*).

[Вернуться](#)

27

Потомки древнего италийского народа – самнитов, первоначально обитавших в горах Средней Италии.

[Вернуться](#)

28

Твой папа (*англ.*).

[Вернуться](#)

29

Пастичотто – традиционное для апулийской провинции Лечче пирожное с заварным кремом.

[Вернуться](#)

30

– Что? – Твой папа. – Папочка? – Да, парень. Твой папочка... А мама? – Мама... (*англ.*)

[Вернуться](#)